ИСТОРІЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА

КНИГ-ИЗД.Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»

178 220

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ
АРМІИ
И
ФЛОТА
РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ
Моск. Кн-изд. Т-во. „Образованіе"
Москва.

БИБЛИОТЕКА
Государ Историч. Музея
№ 7342
„16“ VI 1933 г.

МОСКВА—1913.
Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

Ф15128

178 220

ИЗДАНІЕ

Московскаго Книгоиздательскаго Товарищества „Образованіе“.

АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Москва, Тверская, Камергерскій, 4. **Телефонъ 245-30 и 188-41.**

Исторія русской арміи и флота.

Изданіе пріурочено къ столѣтію **Отечественной войны** и носитъ юбилейный характеръ.

Исторію арміи редактируютъ:

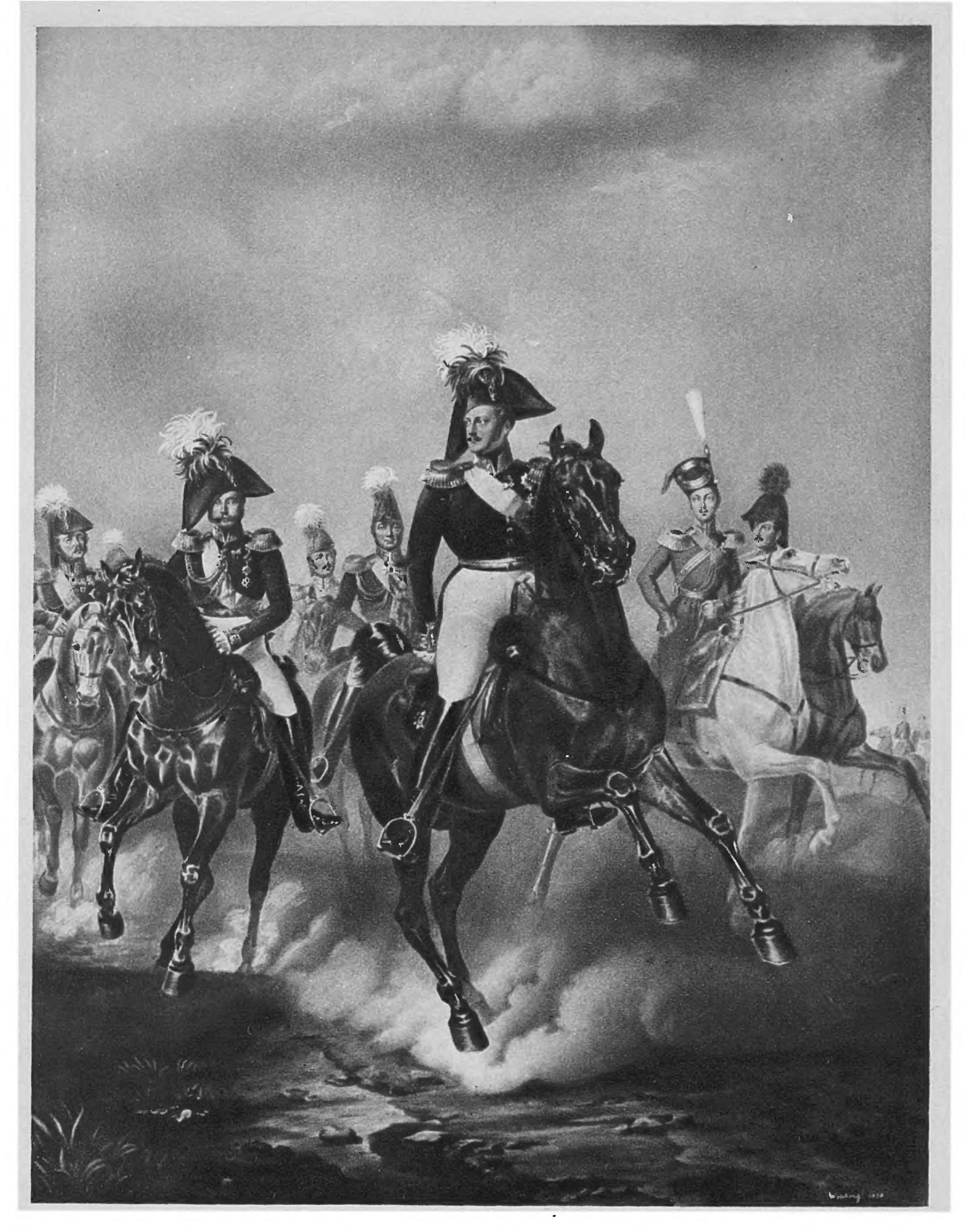
полковники генеральнаго штаба **А. С. Гришинскій** и **В. П. Никольскій.**

Исторію флота редактируетъ:

ордин. профессоръ Николаевской Морской Академіи, ген.-маіоръ **Н. Л. Кладо.**

Въ изданіи принимаютъ участіе:

генер. штаба полк. **П. М. Андріановъ,** ордин. проф. ген.-лейт. **Е. И. Аренсъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **А. К. Баіовъ,** полк. **А. Н. Виноградскій,** ген.-маіоръ **К. И. Дружининъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **А. Г. Елчаниновъ,** ген.-лейт. **А. М. Заіончковскій,** лейт. **Н. Д. Каллистовъ,** старш. лейт. **Е. Н. Квашнинъ-Самаринъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Л. Кладо,** лейт. **А. И. Лебедевъ,** полк. **Д. Н. Логофетъ,** генер. штаба полк. **С. П. Михеевъ,** заслуж. проф. и почетн. членъ Императ. Ник. воен. Академіи ген. отъ инфантеріи **Н. П. Михневичъ,** ген.-маіоръ **Д. А. Назаровъ,** старш. лейт. **А. В. Немитцъ,** полк. **П. А. Ниве,** генер. штаба полк. **В. П. Никольскій,** лейт. **Н. В. Новиковъ,** ген.-лейт. **Н. А. Орловъ,** генер. штаба полк. **Г. Д. Романовскій,** генер. штаба полк. **А. А. Свѣчинъ, М. К. Соколовскій,** генер. штаба полк. **А. Д. Шеманскій,** ген.-маіоръ **М. И. Шишкевичъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Л. Юнаковъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Н. Янушкевичъ.**

Императоръ Николай I, Вел. Князь Михаилъ Павловичъ и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Съ портрета, писан. Крюгеромъ.

1. Императоръ Николай I и политическія отношенія между Россіей и Турціей.

Въ событіяхъ, ознаменовавшихъ собою русскую исторію пятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, одну изъ главныхъ руководящихъ силъ представляетъ личность Императора Николая Павловича. Непреклонная воля, рыцарскій характеръ, твердость убѣжденій, любовь къ своему государству и желаніе возвеличить Россію—инстинктивно давали каждому чувствовать, что Государь не уклонится отъ избраннаго пути.

Императоръ Николай I родился 25 іюня 1796 года и сначала былъ на попеченіи своей бабки, а послѣ смерти Императрицы Екатерины II воспитаніе Николая Павловича перешло въ руки родителей. По смерти отца ребенка окружила сфера суровости, созданная строгостью Императрицы Маріи Ѳеодоровны и черствымъ характеромъ воспитателя генерала Ламздорфа.

Заботы объ обученіи и образованіи Великаго Князя сосредоточивались въ неумѣлыхъ рукахъ. Сдѣлавъ все возможное, чтобы оттолкнуть его отъ ученія, воспитатели и педагоги, повинуясь требованіямъ Императрицы Матери, прилагали всѣ усилія съ цѣлью предостеречь Великаго Князя отъ увлеченія военнымъ дѣломъ. Стараніе это успѣха не имѣло и повлекло за собою то, что и въ этой отрасли знаній образованіе Николая Павловича не получило правильнаго направленія.

Серьезныя занятія военными науками начались лишь съ 1813 года, но, при отсутствіи литературы по тактикѣ и военной исторіи, въ программу военнаго образованія будущаго генералъ-инспектора по инженерной части не были включены предметы, имѣвшіе цѣлью ознакомить Августѣйшаго ученика съ требованіями, которыя можно предъявлять солдату, какъ физической и боевой единицѣ, съ техникой веденія боя и съ прочими элементами войны.

Въ 1817 г. закончился циклъ научныхъ путешествій Николая Павловича и въ этомъ же году онъ сочетался бракомъ съ прусской принцессой Шарлотой.

Служебная дѣятельность Великаго Князя до вступленія на престолъ состояла въ командованіи Л.-Гв. Измайловскимъ полкомъ, 2 бригадой 2 Гвардейской пѣхотной дивизіи (Л.-Гв. Измайловскій и Егерскій полки) и съ лѣта 1825 года этой дивизіей, но служба эта вращалась главнымъ образомъ около муштры солдата.

Будучи же съ 1818 года привлеченъ къ исполненію обязанностей генералъ-инспектора по инженерной части, онъ весь избытокъ присущей ему энергіи посвящалъ дѣламъ Инженернаго управленія, то просиживая на лекціяхъ офицерскихъ и кондукторскихъ классовъ и тѣмъ пополняя кругъ своего образованія, то занимаясь строительными проектами, то увлекаясь постановкой дѣла въ излюбленномъ своемъ дѣтищѣ—Главномъ Инженерномъ училищѣ.

Но, удаляемый отъ всего, что выходило за предѣлы его служебной дѣятельности, Великій Князь Николай Павловичъ не былъ ознакомленъ съ дѣлами государственными, не могъ принимать участія въ правительственныхъ совѣщаніяхъ и совершенно непосвященный въ вопросы высшей политики, не зная требованій своего времени и внутренняго состоянія государства—взошелъ на престолъ, будучи почти неизвѣстенъ, при общемъ противъ него предубѣжденіи; лишь только многочисленные и злые анекдоты о строгости Великаго Князя, распускаемые въ обществѣ недовольными имъ гвардейскими офицерами, встрѣтили первые шаги Николая Павловича на новомъ трудномъ пути. А между тѣмъ внутреннее положеніе Россіи въ это время находилось въ самомъ критическомъ состояніи. И вновь воцарившемуся Государю предстояло исправить неисчислимые безпорядки и злоупотребленія.

Результатомъ либеральныхъ тенденцій начала царствованія Императора Александра I-го и заграничнаго похода въ революціонную Францію явилось волненіе въ обществѣ и отчасти въ арміи; броженіе въ войскахъ вызвало къ жизни рядъ союзовъ. Къ тому же «первый урокъ на Царство», 14 декабря 1825 года, когда картечные выстрѣлы на Исаакіевской площади прекратили бунтъ, легъ тяжелымъ, неизгладимымъ отпечаткомъ на всю жизнь и дѣятельность Императора Николая I.

Любовь Николая Павловича къ военному дѣлу не уменьшилась послѣ воцаренія. Напротивъ того, по мѣрѣ знакомства съ жизнью, военная среда сдѣлалась еще болѣе ему симпатичной, такъ какъ ея духовная сущность вполнѣ соотвѣтствовала нравственному міровоззрѣнію Государя.

«Здѣсь, между солдатами», говорилъ онъ Шнейдеру, «и посреди этой дѣятельности я чувствую себя совершенно счастливымъ. Здѣсь порядокъ, строгая законность, нѣтъ умничанья и противорѣчія, здѣсь все одно съ другимъ сходится въ совершенномъ согласіи. Никто не отдаетъ приказаній, пока самъ не выучится повиноваться; никто безъ права передъ другимъ не возвышается, все подчинено опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое значеніе, и тотъ самый человѣкъ, который сегодня сдѣлалъ мнѣ по командѣ накараулъ, завтра идетъ на смерть за меня. Только здѣсь нѣтъ никакихъ фразъ, нѣтъ лжи, которую видишь всюду. Здѣсь не поможетъ никакое притворство, потому что всякій долженъ рано или поздно показать, чего онъ стоитъ въ виду опасности и смерти. Оттого мнѣ такъ хорошо между этими людьми, и оттого у меня военное знаніе всегда будетъ въ почетѣ. Въ немъ повсюду служба, и самый главный командиръ тоже несетъ службу. Всю жизнь человѣческую я считаю ни чѣмъ инымъ, какъ службою: всякій человѣкъ служитъ».

Одиннадцатилѣтній мирный періодъ, предшествовавшій воцаренію Николая Павловича, свелъ со сцены доблестныхъ представителей освободитель-

ныхъ войнъ и не далъ случая выдвинуться молодымъ силамъ, получившимъ практическую подготовку въ Наполеоновскихъ кампаніяхъ.

Въ качествѣ главнаго совѣтчика по военнымъ дѣламъ первое мѣсто занялъ Дибичъ. Человѣкъ безспорно талантливый, но болѣе всего ловкій, Дибичъ въ своей дѣятельности преслѣдовалъ скорѣе личные интересы, чѣмъ пользу дѣла. Ему не удалось выказать ни твердости убѣжденій, ни смѣлости открытой поддержки передъ Государемъ своего мнѣнія, если оно шло въ разрѣзъ съ первоначальными мыслями Монарха, т.-е. тѣхъ качествъ, которыя были столь необходимы сотруднику первыхъ годовъ царствованія Николая Павловича, особенно, при отсутствіи у послѣдняго «необходимой опытности» и наличіи «необходимой поспѣшности».

Мирное теченіе военной службы было нарушено въ первые годы царствованія войнами, сначала Персидской, а потомъ Турецкой и Польской. Наибольшее впечатлѣніе на Государя должна была произвести Турецкая война, такъ какъ первый годъ кампаніи онъ лично находился при арміи, имѣвшей однако особаго главнокомандующаго фельдмаршала князя Витгенштейна.

Вскорѣ за Турецкой войной началась война противъ польскихъ мятежниковъ.

Прославившійся Забалканскимъ походомъ Дибичъ снова сталъ во главѣ русской арміи. Но ему не удалось поддержать своей славы полководца; неустойчивость въ мысляхъ и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ отличали Дибича въ продолженіе всей затянувшейся по его винѣ кампаніи.

Переписка Государя съ главнокомандующимъ во время этой продолжительной войны является яркой характеристикой военныхъ взглядовъ Императора Николая I. Предлагая Дибичу разные совѣты, Государь настоятельно требовалъ, чтобы они исполнялись лишь по мѣрѣ, соотвѣтствующей личнымъ взглядамъ главнокомандующаго, которому на мѣстѣ лучше видны всѣ обстоятельства дѣла.

«Я не австрійскій гофкрихсратъ и за нѣсколько сотъ верстъ не могу давать точныхъ указаній, какъ дѣйствовать», писалъ Государь.

Война съ польскими мятежниками дала возможность Государю выказать свои обширныя военныя дарованія и познанія въ собственноручной запискѣ о планѣ военныхъ дѣйствій, относящейся къ началу апрѣля 1831 года. Графъ Паскевичъ воспользовался почти въ полномъ объемѣ планомъ Государя.

Послѣ подавленія Польскаго мятежа, начался продолжительный мирный періодъ, обнимавшій время вплоть до 1849 года, когда, уступая просьбѣ императора Франца-Іосифа, Государь двинулъ войска для подавленія Венгерскаго возстанія.

Прерванное кампаніей 1849 года военное затишье продолжалось затѣмъ вновь до Восточной войны 1853—1856 гг. И военная дѣятельность Николая Павловича за этотъ періодъ времени должна была сузиться до роли административной и воспитательной съ присущей мирной обстановкѣ односторонностью.

Бросая общій взглядъ на наши отношенія къ турецкому Востоку со времени паденія Константинополя и до воцаренія Императора Николая Пав-

ловича, невольно приходится прежде всего отмѣтить ту нравственную связь, которая существовала между Россіей и подвластными Турціи христіанскими народностями съ первыхъ дней утвержденія Оттоманской имперіи въ Европѣ.

Императрица Екатерина II заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора дала могущественнѣйшій толчокъ къ самостоятельной жизни большинства храстіанскихъ народностей турецкаго Востока. Въ то же время этотъ договоръ предоставилъ Россіи фактическое право защиты христіанскихъ жителей нѣкоторыхъ турецкихъ провинцій и нравственное покровительство надъ всѣми подвластными Портѣ христіанами.

Одновременно съ этимъ Россія, благодаря успѣшнымъ войнамъ Императрицы Екатерины II, достигла на югѣ естественныхъ границъ.

Величіе, пріобрѣтенное ею за время царствованія Императрицы Екатерины II, а, главное, обширные восточные проекты нашихъ государственныхъ людей конца восемнадцатаго столѣтія заставили нѣсколько иначе смотрѣть на миссію Россіи на Ближнемъ Востокѣ. И хотя съ воцареніемъ Императора Александра Благословеннаго въ основу русской политики, въ корнѣ подорвавшей довѣріе къ намъ христіанскихъ народностей, легло сохраненіе до послѣдней возможности существованія слабой Турціи, но вышеуказанные проекты и двойственная относительно Порты политика Императора Александра Павловича дали возможность созрѣть общему убѣжденію въ исключительно завоевательныхъ намѣреніяхъ Россіи относительно Порты Оттоманской.

Вся послѣдующая политика Александра I, сводившаяся къ поглощенію русскихъ интересовъ общеевропейскими, не уменьшила недовѣрія къ Россіи, но зато отодвинула ее въ дѣлахъ Востока на второстепенный планъ. Изъ числа иностранныхъ дворовъ, наиболѣе заинтересованной въ исторической миссіи выказала себя Австрія, отличіе взглядовъ которой выяснилось еще съ 1700 года, когда рознь между интересами московскаго и вѣнскаго дворовъ обнаружилась вполнѣ; образъ ея дѣйствій во время нашихъ столкновеній съ Портой оставался всегда одинаковъ. Почти въ такомъ же положеніи находилась и Англія, которая только однажды, во время ея борьбы съ Наполеономъ, стала на сторону русскихъ требованій. Къ концу же разсматриваемаго періода ея вліяніе не только въ Турціи, но и среди христіанскаго населенія южной части этой имперіи упрочилось насчетъ уменьшившагося вліянія Россіи. Что же касается Франціи и Пруссіи, то обѣ эти державы въ русско-турецкихъ дѣлахъ находили лишь средство давленія на Россію въ видахъ тѣхъ или другихъ своихъ интересовъ. Таково было политическое наслѣдіе по дѣламъ Востока, которое пришлось принять на себя Императору Николаю I.

Первымъ своимъ дипломатическимъ актомъ Николай Павловичъ объявилъ, что въ дѣлахъ внѣшней политики онъ будетъ руководствоваться завѣтами предшествовавшаго царствованія и строго придерживаться началъ, обезпечивающихъ миръ Европы со времени Вѣнскаго конгресса. Что же касается до запутанныхъ въ то время восточныхъ дѣлъ, то Государь различалъ въ нихъ двѣ категоріи фактовъ, изъ которыхъ одна представляла многочисленныя нарушенія Турціей заключенныхъ трактатовъ и составляла въ глазахъ Государя наше частное дѣло съ Портой Оттоманской, — другая же ка-

салась событій, въ которыхъ были затронуты интересы и прочихъ европейскихъ государствъ.

Что касается первыхъ, то Государь, не питая никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, желалъ только точнаго исполненія договоровъ и, въ случаѣ надобности, готовъ былъ прибѣгнуть и даже прибѣгалъ, какъ напримѣръ въ 1828 году, къ силѣ оружія.

Дѣйствуя столь энергично и самостоятельно въ дѣлахъ, считавшихся Императоромъ частными русско-турецкими, Николай Павловичъ въ Греческомъ вопросѣ желалъ видѣть Россію поставленной «на одну линію съ другими державами посредницами». И, несмотря на недовѣріе къ политикѣ Россіи, онъ рядомъ коллективныхъ представленій въ защиту грековъ, какъ то было въ 1826 году, и даже совмѣстными боевыми дѣйствіями, какъ то было подъ Наваринымъ, прилагалъ всѣ усилія къ разрѣшенію недоразумѣній между Турціей и Греціей.

Неудачный исходъ кампаніи 1828—1829 гг. и паденіе вліянія центральной государственной власти внутри страны затянули дѣло реформъ въ Турціи; одну только армію кое-какъ удалось организовать въ тактическомъ отношеніи, при чемъ административная ея часть попрежнему продолжала оставаться въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Побѣды возставшаго египетскаго паши Мехмедъ-Али въ 1831—1832 годахъ такъ подѣйствовали на султана, что, несмотря на господствовавшую въ то время политику недовѣрія къ Россіи, онъ рѣшился обратиться за помощью къ Императору Николаю I. Однако, появленіе русскихъ знаменъ и флага у самыхъ воротъ Царьграда вызвало такое сильное возбужденіе въ Парижѣ и Лондонѣ, что, благодаря стараніямъ англо-французской дипломатіи, султанъ предпочелъ уступить требованіямъ Мехмедъ-Али. Дальнѣйшіе дипломатическіе шаги привели Россію и Турцію къ подписанію Ункіаръ-Искелесскаго договора, имѣвшаго цѣлью «взаимную защиту противъ всякаго покушенія». При этомъ правительство обоихъ государствъ обѣщаетъ согласоваться откровенно касательно всѣхъ предметовъ, которые относятся до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности, и въ этомъ случаѣ взаимно оказывать существенную помощь. Россія должна была представить Турціи въ случаѣ надобности армію и флотъ, а Турція закрыть проливы.

Договоръ этотъ былъ принятъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Англійскій кабинетъ началъ подыскивать себѣ союзниковъ, но всѣ его старанія не увѣнчались успѣхомъ; Австрія и Пруссія признали Ункіаръ-Искелесскій договоръ безъ всякихъ оговорокъ; Швеція предупредила о своемъ строгомъ нейтралитетѣ, если дѣло дойдетъ до англо-русскаго столкновенія, а правительство Людовика-Филиппа согласилось только на военную демонстрацію противъ Россіи, но не считало возможнымъ вступать съ нами въ дѣйствительную войну. И въ Лондонѣ должны были смириться передъ совершившимся фактомъ.

Однако, въ 1835 году дѣятельность лондонскаго правительства вновь ознаменовалась цѣлымъ рядомъ враждебныхъ намъ протестовъ и, не ограничиваясь пререканіемъ съ нашими представителями въ Лондонѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи лордъ Пальмерстонъ преслѣдовалъ болѣе суще-

ственную цѣль противодѣйствія русскому вліянію въ Константинополѣ, завершившуюся торговымъ договоромъ Турціи съ Великобританіей, послужившимъ могучимъ средствомъ для упроченія въ Константинополѣ вліянія державъ, которыя имѣли наиболѣе значительные торговые обороты съ Оттоманской имперіей.

Причины умаленія нашего значенія на берегахъ Босфора лежали въ руководящихъ основахъ нашей политической программы относительно Турціи, принятой послѣ 1829 г. Адріанопольскій миръ ставилъ нашей цѣлью имѣть сосѣдомъ Турцію слабую и неспособную къ внутреннему и внѣшнему росту, а потому вполнѣ естественно, что мы не могли поддерживать турецкихъ реформъ, направленныхъ къ укрѣпленію и обновленію имперіи оттомановъ. Напротивъ того, Великобританія, въ лицѣ лорда Пальмерстона, являлась убѣжденной защитницей живучести Турціи и вмѣстѣ съ австрійскимъ министромъ княземъ Метернихомъ считала единственнымъ способомъ разрѣшенія Восточнаго вопроса—установленіе общеевропейскаго покровительства надъ Турціей.

Новая распря Мехмедъ-Али съ султаномъ давала случай для осуществленія этой идеи. Боясь, что возможное пораженіе турецкихъ войскъ можетъ принудить султана искать помощи у Императора Николая, державами было предложено Россіи принять участіе на совѣщаніи въ Вѣнѣ по Восточному вопросу, на что нашъ кабинетъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Между тѣмъ, переговоры Султана съ Мехмедъ-Али къ желательнымъ результатамъ не приводили и новый Султанъ Абдулъ-Меджидъ обратился за содѣйствіемъ къ представителямъ державъ. Соглашаясь теперь на свое участіе въ коллективной гарантіи турецко-египетскаго соглашенія, Россія ставила условіемъ отказъ морскихъ державъ отъ объявленія неприкосновенности владѣній Турціи и ихъ согласіе на закрытіе проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Въ этомъ духѣ и была заключена конвенція 3-го (15) іюля 1840 года между Россіей, Австріей, Пруссіей, Англіей и Турціей. Успѣхи турокъ при содѣйствіи Англіи и Австріи принудили Мехмедъ-Али принять предложенныя ему условія, а симпатизировавшая ему Франція присоединилась къ группѣ Европейскихъ государствъ. 1-го іюля 1841 г. между Россіей, Англіей, Австріей, Пруссіей, Турціей и Франціей была подписана новая конвенція, отличавшаяся отъ прежней тѣмъ, что закрытіе проливовъ являлось обязательнымъ для Турціи «пока Порта находится въ мирѣ». Эта оговорка сыграла роковую роль въ 1854—1855 гг., когда англо-французскій флотъ сталъ свободно бомбардировать русско-черноморское побережье.

Балканская наша политика сводилась въ это время къ руководству управленіями княжествъ и къ поддержкѣ существующаго порядка. Но «агенты русскаго правительства», по словамъ современника, «своими гордыми пріемами оскорбляли личность и достоинство князей, унижали чувства народности, дѣлались гонителями всякаго свободолюбиваго человѣка, объявили неловкую войну Западу, преслѣдовали того, кто ихъ не рабъ, превращали дома свои въ вертепы интригъ и доводили всѣхъ благомыслящихъ людей княжествъ до отчаянія; такъ что народы, любившіе Россію, какъ мать, исполнились непріязнью къ ихъ благотворительности». Таковы, въ общемъ

нѣсколько односторонніе, выводы современника. Неудивительно, что наше вліяніе на Турецкомъ Востокѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ признаетъ вліяніемъ мнимымъ. Оно таковымъ и было на самомъ дѣлѣ.

Взамѣнъ же русскаго,—вліяніе Англіи продолжало возрастать и укрѣпляться.

Мѣста, связанныя съ воспоминаніями о важнѣйшихъ событіяхъ земной жизни Іисуса Христа, съ древнѣйшихъ временъ особо почитались христіанами.

Побѣды Миниха и Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ обратили взоры православныхъ восточныхъ христіанъ къ могущественной Россіи. Начатая борьба съ франками за обладаніе Святыми мѣстами съ перемѣннымъ успѣхомъ велась до половины девятнадцатаго столѣтія,—когда она и достигла высшаго напряженія. Щекотливое положеніе Турціи въ этомъ спорѣ державъ и необходимость удовлетворить совершенно противоположныя требованія Россіи и Франціи принудило ее избрать среднее рѣшеніе, предложивъ нѣкоторыя уступки католикамъ взамѣнъ за другія уступки въ пользу грековъ.

Однако полумѣры турецкаго правительства не удовлетворили Императора Николая, а все усилившееся вліяніе при дворѣ султана посла Франціи Лавалета побудило Государя принять энергичныя мѣры для удовлетворенія своихъ справедливыхъ требованій. Послѣ ряда новыхъ настойчивыхъ переговоровъ была признана необходимой посылка къ султану чрезвычайнаго посольства съ генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ во главѣ. Предназначенный въ случаѣ войны съ Турціей въ главнокомандующіе, посолъ, помимо чисто дипломатическихъ порученій, долженъ былъ ознакомиться и съ современнымъ состояніемъ Турціи въ военномъ отношеніи, выбрать удобные для высадки пункты и т. п.

Но всесильный въ то время въ Константинополѣ посолъ Англіи лордъ Редклифъ, посвятившій всю свою продолжительную дипломатическую дѣятельность борьбѣ противъ усиленія нашего вліянія на Босфорѣ, объединилъ вокругъ себя дипломатическій корпусъ и заставилъ турокъ считаться съ его взглядами. По его совѣту турки раздѣлили наши требованія на двѣ категоріи. Первая касалась вопроса собственно о Святыхъ мѣстахъ и о правахъ православной церкви, а ко второй категоріи были отнесены наши предложенія, могущія, по мнѣнію турокъ и ихъ англійскаго друга, создать въ пользу Россіи такое вліяніе на христіанскія народности подданныхъ Порты, которое могло бы вызвать опасность или серьезныя неудобства для осуществленія верховныхъ правъ султана.

Идя навстрѣчу первымъ нашимъ требованіямъ, касавшимся главнымъ образомъ правъ храненія ключей отъ Виѳлеемскаго храма и права исправленія купола на храмѣ гроба Господня, турки возставали противъ вторыхъ, особенно возражая противъ установленія между Турціей и Россіей конвенціи, гарантирующей точное «Status quo» преимуществъ православнаго вѣроисповѣданія и Святыхъ мѣстъ, находящихся въ его исключительномъ или совмѣстномъ съ другими исповѣданіями владѣніи, и предоставлявшей между прочимъ русскимъ дипломатическимъ агентамъ въ Константинополѣ право дѣлать

представленія правительству Турціи о нуждахъ греко-россійской церкви и ея духовенства.

Затягивая переговоры, турки тѣмъ временемъ успѣли обезпечить себѣ заступничество со стороны державъ запада. И въ то время, когда, приводя въ исполненіе свою угрозу, князь Меншиковъ покинулъ Константинополь, англо-французская соединенная эскадра подошла къ Дарданелламъ, и турки почувствовали себя въ полной безопасности.

2. Состояніе русскихъ войскъ передъ началомъ войны.

Къ началу Восточной войны военно-сухопутныя силы Имперіи состояли изъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ. Регулярная армія дѣлилась на войска дѣйствующія или линейныя, резервныя и запасныя, мѣстныя и вспомогательныя.

Дѣйствующая пѣхота раздѣлялась на линейную и легкую (карабинерные и егерскіе полки и стрѣлковые батальоны), части, ничѣмъ, впрочемъ, существенно между собою не различавшіяся.

Къ 1853 году пѣхота состояла изъ 110 полковъ (отъ трехъ до пяти батальоновъ, шести-ротнаго состава каждый), 9 стрѣлковыхъ и 84 линейныхъ батальоновъ. Пѣхотные полки и часть линейныхъ батальоновъ сводились въ 30 дивизій (по 4 полка) и 6 отдѣльныхъ бригадъ; стрѣлковые же батальоны были приданы непосредственно корпусамъ.

Кавалерія дѣлилась на тяжелую (кирасирскіе, драгунскіе полки) и легкую (уланскіе и гусарскіе полки). Всѣхъ кавалерійскихъ полковъ шести и десяти-эскадронныхъ было 59, изъ которыхъ 23 тяжелыхъ и 36 легкихъ. Полки эти сводились въ 15 дивизій.

Полевая артиллерія состояла всего изъ 135 батарей (106 пѣшихъ и 29 конныхъ, всѣ двѣнадцати-орудійнаго состава), сведенныхъ въ большинствѣ въ 28 пѣшихъ и 7 конныхъ бригадъ. Почти всѣ бригады сверхъ того сводились въ 10 артиллерійскихъ дивизій.

Для снабженія войскъ огнестрѣльными припасами имѣлись 4 летучихъ и 12 подвижныхъ парковъ.

Инженерныя войска состояли изъ десяти саперныхъ батальоновъ четырехротнаго состава, сводившихся въ 3 бригады, и двухъ конно-піонерныхъ дивизіоновъ, по два эскадрона, возившихъ съ собою понтонные парки.

Высшими войсковыми соединеніями являлись корпуса, которыхъ всего имѣлось 14. Корпуса, въ большинствѣ случаевъ, состояли изъ 3 пѣхотныхъ, 1 кавалерійской и 1 артиллерійской дивизій и 1 сапернаго батальона. Въ трехъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусахъ (изъ общаго числа 14) имѣлось по 2—3 кавалерійскихъ дивизіи. Штаты войсковыхъ частей (230 чел. въ ротѣ и 133 коня и 168 рядовыхъ въ эскадронѣ) въ отличіе отъ современнаго состоянія этого вопроса не отличались отъ штатовъ военнаго времени и пополнялись въ случаѣ мобилизаціи лишь безсрочно-отпускными, которыхъ полагалось на роту 25 человѣкъ.

Резервныя и запасныя войска для пѣхоты составляли резервные и запасные батальоны, содержавшіеся въ незначительныхъ кадрахъ въ составѣ

1 офицера и 22 нижнихъ чиновъ каждый. Въ военное время предполагалось сформировать по 1 резервному и 1 запасному батальону на каждый дѣйствующій полкъ. Въ кавалеріи на каждый полкъ въ военное время формировался резервный и запасный эскадронъ. Резервныя и запасныя части артиллеріи составляли въ военное время 8 резервныхъ артиллерійскихъ бригадъ шести-батарейнаго состава (три резервныхъ и 3 запасныхъ батареи). Конная артиллерія формировала во время войны резервныя и запасныя части въ составѣ 12 конно-артиллерійскихъ батарей. Инженерныя войска формировали—4 резервныхъ, 2 запасныхъ саперныхъ батальона, 6 понтонныхъ ротъ съ понтонными парками, 1 запасную роту, резервный и запасный конно-піонерные эскадроны.

Къ войскамъ мѣстнаго и вспомогательнаго назначенія нужно отнести мѣстные артиллерійскіе и осадные парки, гарнизонную артиллерію, осадные инженерные и полевой инженерный парки, корпусъ внутренней стражи и корпуса жандармовъ, учебныхъ и образцовыхъ войскъ. Кромѣ того, къ началу восточной войны имѣлось 25 округовъ поселенія кавалеріи и 10 округовъ пѣхотныхъ солдатъ.

Помимо регулярныхъ войскъ въ вѣдѣніи военнаго министерства находились войска, состоявшія изъ казаковъ и инородцевъ, въ числѣ коихъ находился и Балаклавскій греческій батальонъ.

Численность русской арміи выражалась слѣдующими цифрами: въ регулярной арміи состояло 27,745 генераловъ и офицеровъ и 1,123,583 нижнихъ чиновъ; въ иррегулярныхъ войскахъ числилось 3,647 генераловъ и офицеровъ и 242,203 нижнихъ чиновъ. Слѣдовательно, общая численность войскъ достигала 31,392 генераловъ и офицеровъ и 1,365,786 нижнихъ чиновъ.

Главнѣйшими особенностями организаціи арміи были слѣдующія:

1) армія состояла изъ двухъ, рѣзко отличавшихся по своимъ качествамъ, частей—дѣйствующей и резервной. И въ то время, когда по своему мирному составу почти не отличалась отъ боевого, кадры резервныхъ и запасныхъ войскъ не могли служить гарантіей ихъ надлежащей и скорой формировки.

2) Процентъ небоевого элемента былъ слишкомъ великъ, составляя 17% общей численности.

3) Обращаетъ на себя вниманіе разнообразіе въ составѣ тактическихъ единицъ.

4) Существованіе системы военныхъ поселеній не оправдало возлагавшихся на нихъ надеждъ и чисто военныя качества не привились къ воинамъ-пахарямъ.

Комплектованіе арміи нижними чинами производилось по рекрутскому уставу 1831 г., обязывавшему нести личную повинность только лицъ податного сословія. Благодаря этому, вся тяжесть военной службы ложилась на бѣднѣйшіе классы населенія, а общинный характеръ повинности предоставлялъ арміи малопригодный контингентъ рекрутъ.

Сроки дѣйствительной службы были установлены отъ 22 до 25 лѣтъ. Прослужившіе безпорочно 15 лѣтъ увольнялись въ безсрочный отпускъ, во время котораго они ежегодно собирались на одинъ мѣсяцъ въ учебные сборы.

Что касается казачьяго населенія, то отбываніе военной службы было обязательно для всѣхъ казаковъ и срокъ службы считался 30 лѣтъ, при чемъ служба неслась съ перерывами, въ которые казаки увольнялись на льготу.

Комплектованіе арміи унтеръ-офицерами, благодаря большимъ срокамъ службы, не встрѣчало затрудненій и производилось производствомъ поступившихъ добровольно и по набору рядовыхъ, а нѣкоторая часть пополнялась изъ числа кантонистовъ и окончившихъ курсъ учебныхъ частей.

Комплектованіе арміи офицерами производилось при помощи: 1) выпуска изъ военно-учебныхъ заведеній, 2) производства добровольно поступившихъ на службу и 3) производства нижнихъ чиновъ, поступившихъ по набору.

Офицеры первой категоріи составляли лишь $^1/_3$ часть потребнаго для арміи количества офицеровъ, да и эта треть поступала исключительно на укомплектованіе гвардіи и спеціальныхъ войскъ. Главный же контингентъ офицеровъ армейской пѣхоты и кавалеріи пополнялся производствомъ изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся. Незначительный экзаменъ для поступленія юнкеромъ въ армію и дальнѣйшее производство въ офицеры лишь за небольшую выслугу лѣтъ дѣлали весьма легкимъ достиженіе офицерскаго чина. Нижніе чины, поступившіе на службу по набору, должны были по прослуженіи 10—18 лѣтъ въ званіи унтеръ-офицера сдать особый экзаменъ при штабѣ дивизіи и отбыть одинъ годъ испытанія по службѣ.

Вооруженіе пѣхоты и кавалеріи состояло изъ гладкоствольнаго заряжавшагося съ дула кремневаго ударнаго ружья семилинейнаго калибра, дававшаго возможность стрѣлять до 600 шаговъ. Стрѣлковые батальоны были вооружены Литихскими штуцерами (7-лин.) нарѣзными, заряжавшимися съ дула и позволявшими стрѣлять до 1200 шаговъ. Медленность заряжанія, плохія балистическія качества и плохое состояніе оружія дѣлало его малопригоднымъ для употребленія въ бою.

Полевая артиллерія была вооружена мѣдными, гладкоствольными съ дула заряжавшимися 6 и 12-фунтовыми пушками и $^1/_4$—$^1/_2$-пудовыми единорогами, укороченными пушками, приспособленными для стрѣльбы разрывными снарядами и для стрѣльбы навѣсной. Снарядами полевой артиллеріи являлись картечь, ядра, картечныя и обыкновенныя (пустотѣлыя) гранаты. Предѣльною дальностью при 15% попаданія считалось 500—600 саженей для гранаты и 200—300 саженей для картечнаго выстрѣла при 21% попаданія. При такихъ свойствахъ огонь этого рода войскъ не могъ служить могущественнымъ средствомъ для подготовки атаки, но однако артиллерія наша, «по мѣткости своей стрѣльбы и по спокойствію прислуги, оказалась на много выше непріятельской».

Въ составъ осадной артиллеріи входили 24, 18-фунтовыя пушки, пудовые единороги, $^1/_2$, 2 и 5-пудовыя мортиры. Снарядами для пушекъ служили сплошныя ядра, единорогамъ—гранаты, мортирамъ—бомбы.

Для обороны крѣпостей употреблялись всѣ орудія какъ новѣйшихъ, такъ и старыхъ образцовъ, входившія въ составъ осадной и полевой артиллеріи, и кромѣ того, 36-фунтовыя и 3-пудовыя бомбовыя пушки. Почти всѣ эти орудія были чугунныя, гладкоствольныя, съ дула заряжающіяся.

Въ Севастополѣ, преимущественно для сильнаго картечнаго огня, употреблялись во время Восточной войны еще каронады, т.-е. 12, 18, 36 и 68-фунтовыя пушки, примѣнявшіяся также и для навѣсной стрѣльбы. Холоднымъ оружіемъ пѣхоты служилъ тесакъ, въ конницѣ сабля, а у уланъ, 9-хъ и 10-хъ эскадроновъ драгунъ, кирасиръ и казаковъ и пики; кавказскіе казаки вмѣсто пикъ имѣли кинжалы.

Въ обмундированіи войскъ того времени совершенно забывалось главное назначеніе одежды для солдата: дать ему укрытіе отъ непогоды, сохранить его силы и здоровье и дать возможность удобно передвигаться и удобно дѣйствовать оружіемъ.

Ни одному изъ этихъ условій обмундированіе нашихъ войскъ не удовлетворяло. Въ формахъ одежды преслѣдовалась только одна цѣль—грозный видъ всего строя и воинственный и красивый видъ каждаго воина, взятаго въ отдѣльности. Поэтому войска наряжали въ предметы, крайне неудобные, и, по большей части, не только безполезные во время войны, но даже и вредные; матеріалы для обмундированія по большей части были мало удовлетворительные.

Головные уборы у большей части войскъ состояли изъ касокъ черной лакированной кожи, съ двумя козырьками, подбородной чешуей, большимъ гербомъ и многими мѣдными украшеніями. Этотъ головной уборъ былъ настолько стѣснителенъ, что въ началѣ войны разрѣшено было на походѣ ихъ бросить и ограничиться только фуражками, которыя предназначались въ обыкновенное время для домашняго обихода.

Общая же тяжесть всего носимаго пѣхотнымъ солдатомъ доходила до 77 фунтовъ, что въ значительной степени превышало вѣсъ носимаго солдатами иностранныхъ армій.

Для продовольствія нижнихъ чиновъ отпускались ржаная мука или печеный хлѣбъ (3 фунта въ день), гречневая крупа ($^1/_4$ фун. въ день) и мясо (7 фунт. въ мѣсяцъ), соль и винныя порціи.

Фуражное довольствіе было установлено въ размѣрѣ ежедневнаго отпуска на каждую строевую и артиллерійскую лошадь отъ 4 до 3 гарнцевъ овса, отъ 15 до 10 фунтовъ сѣна и отъ 3 до 2 фунт. соломы.

Всѣ виды довольствія войска получали изъ двухъ различныхъ вѣдомствъ: провіантскаго, которое снабжало ихъ провіантомъ и фуражемъ, и комиссаріатскаго, снабжавшаго войска деньгами, вещами, а также вѣдавшаго хозяйственною частью военно-врачебныхъ заведеній и ремонтированіемъ лошадей.

Войсковое хозяйство фактически всецѣло находилось въ рукахъ командировъ частей, ближайшими помощниками которыхъ являлись казначей и квартермистръ. Единственные отвѣтчики за продовольствіе и состояніе имущества своей части, командиры полковъ являлись какъ бы комиссіонерами, обязанными содержать ввѣренный ихъ управленію полкъ за опредѣленную, отпускаемую казною сумму. Въ каждой отдѣльной части войскъ имѣлось масса своихъ мастерскихъ, отнимавшихъ рабочихъ изъ строя, какъ то: швальня, сапожная, оружейная, слесарная, плотничья, столярная, басонная, лакировальная, кузнечная, а въ гвардіи и султанная.

Въ военное время войска продовольствовались при помощи запасовъ, сосредоточенныхъ въ магазинахъ внутри страны и на базисѣ, а также при помощи войсковыхъ запасовъ и средствъ самаго театра войны. Наши войска выступали въ походъ, имѣя при себѣ провіантъ на 10 дней (на 4 дня въ ранцахъ и на 6 дней въ полковыхъ провіантскихъ телѣгахъ) и въ подвижномъ магазинѣ на 20 дней. Зерновымъ фуражемъ кавалерія была обезпечена на 3—4 дня, а артиллерія и обозы на 6 и болѣе дней. При передвиженіяхъ вблизи и вдали отъ непріятеля войска расходовали свой 10-дневный запасъ, пополняя его немедленно изъ мѣстныхъ или подвижныхъ магазиновъ, а въ крайнемъ случаѣ реквизиціями. Ранцевый же запасъ позволялось расходовать лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Хлѣбопеченіе въ военное время производилось частью самими войсками въ полевыхъ печахъ, частью же обывателями.

Войсковой обозъ подраздѣлялся на комиссаріатскій (аптечный вьюкъ, патроны, провіантъ и пр. хозяйственное имущество), артиллерійскій и инженерный. Почти весь обозъ имѣлъ простую оглобельную упряжку, что составляло одинъ изъ главныхъ его недостатковъ.

Лѣченіе воинскихъ чиновъ въ мирное время производилось въ военныхъ госпиталяхъ, полковыхъ лазаретахъ и, за неимѣніемъ ихъ, въ «городскихъ» больницахъ. Къ 1-му января 1853 года состояло всего 183 госпиталя и ихъ отдѣленій съ 1095 офицерскими и 40662 для нижнихъ чиновъ мѣстами. Это число не удовлетворяло общей потребности нашей арміи и до 85 т. человѣкъ ежегодно должны были пользоваться въ больницахъ гражданскаго вѣдомства.

При выступленіи въ походъ войска, кромѣ лазаретовъ, по положенію имѣли перевязочные припасы на себѣ, каждый третій солдатъ: бинтъ въ 4 аршина, компрессъ въ 1 аршинъ и корпіи 12 золотниковъ.

Комплектованіе войскъ врачами производилось выпускомъ изъ медикохирургической академіи и изъ медицинскихъ факультетовъ университетовъ. Фельдшера и фармацевты выпускались изъ фельдшерскихъ школъ, состоявшихъ при нѣкоторыхъ госпиталяхъ и комплектовавшихся кантонистами.

Что касается до болѣзненности въ войскахъ того времени, то за десятилѣтіе съ 1841 по 1852 годы среднимъ числомъ на 1 тыс. человѣкъ приходилось въ годъ около 692 заболѣваній и 38 умершихъ, которые такимъ образомъ составляли 3,8% всего наличнаго состава войскъ.

Такая смертность превышала почти вдвое смертность въ другихъ европейскихъ арміяхъ и втрое—таковую же среди населенія Россіи соотвѣтствующихъ возрастовъ.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію въ общихъ чертахъ тактическаго устройства войскъ.

П ѣ х о т а. Рота въ строевомъ отношеніи раздѣлялась на 2 взвода, а каждый взводъ на 2 полувзвода.

Боевыми строями роты и батальона были развернутый трехшереножный строй, предназначавшійся главнымъ образомъ «для частой и сильной пальбы»,

Перевозка морского орудія на сухопутн. укрѣпленіе.

Съ карт. И. Прянишникова.

У Балаклавы

колонны, каре и разсыпной строй. Колонны полувзводныя, взводныя и дивизіонныя примѣнялись во всѣхъ случаяхъ расположенія на мѣстѣ, при маневрированіи и атакѣ. Главнѣйшимъ недостаткомъ этихъ построеній являлась глубина колоннъ, особенно увеличивавшаяся отъ построенія людей въ 3 шеренги.

Разсыпной строй употреблялся исключительно для стрѣльбы и состоялъ изъ цѣпи застрѣльщиковъ (28 стрѣлковъ въ ротѣ) и ея резервовъ. Когда же число застрѣльщиковъ по условіямъ боя оказывалось недостаточнымъ, то 3 роты батальона становились въ 1-ю линію и высылали отъ себя необходимое число стрѣлковъ, а гренадерская рота располагалась въ 100—150 шагахъ въ резервѣ. Въ цѣпи люди располагались по-парно (чтобы имѣть одно изъ двухъ ружей всегда заряженнымъ) и подчинялись тактическимъ условіямъ, во многомъ удовлетворяющимъ современнымъ взглядамъ на это дѣло. Къ сожалѣнію, только разсыпной строй игралъ въ бою второстепенную, вспомогательную роль.

Боевой порядокъ нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты состоялъ изъ двухъ боевыхъ линій и резерва. Интервалы и дистанціи въ батальонахъ 1 и 2 линій, построенныхъ въ колоннахъ къ атакѣ (12 шеренгъ), были 100—300 шаговъ. Колонна резерва располагалась въ 3-й линіи на дистанціи 400—500 шаговъ.

Боевыя дѣйствія пѣхоты состояли изъ наступленія и обороны. При наступленіи боевой порядокъ строился въ такомъ разстояніи отъ непріятеля, чтобы послѣдній не могъ напасть на выстраивающіяся войска раньше, чѣмъ они займутъ свои мѣста.

Первая линія обычно, строясь «въ колоннахъ къ атакѣ», высылала на 200 шаговъ впередъ застрѣльщиковъ; когда боевой порядокъ придвигался къ непріятелю на 250—300 шаговъ, застрѣльщики открывали огонь съ цѣлью разстроить, «до нѣкоторой степени», сомкнутыя части противника и тѣмъ подготовить атаку нашимъ колоннамъ,— при чемъ если первая наша линія разстраивалась, она смѣнялась второй, а вторая—резервомъ.

Этотъ порядокъ лишалъ войска, введенныя въ дѣло и надѣющіяся на смѣну, необходимой энергіи и узаконялъ преступную, съ военной точки зрѣнія, систему введенія войскъ въ бой по частямъ.

При оборонѣ развернутая 1-я линія встрѣчала непріятеля огнемъ, и если огонь не задерживалъ наступленія противника, то вторая линія проходила сквозь первую и встрѣчала атаку атакой; первая же свертывалась въ колонны къ атакѣ.

Столь сложное перестроеніе являлось рискованнымъ, особенно въ случаѣ возможнаго замѣшательства. Атака конницы отбивалась изъ каре, располагавшихся въ шахматномъ порядкѣ. За 40—50 шаговъ открывался батальный огонь или огонь залпами, послѣ чего брали на руку.

Кавалерія. Строи кавалеріи состояли изъ развернутаго, для производства атакъ, колоннъ, для маневрированія на полѣ сраженія, и походныхъ движеній, разсыпного, для разсыпной атаки, когда требовалось достигнуть не столько силы удара, сколько быстроты нападенія, и, наконецъ, строя для фланкированія.

Спѣшиванiе легкой кавалерiи примѣнялось очень рѣдко. Для этой цѣли употреблялись преимущественно драгуны, выдѣлявшие изъ 10-эскадроннаго полка 8-взводный батальонъ.

Артиллерiя. Рѣзкихъ особенностей отъ нынѣшняго устава въ строевыхъ порядкахъ не было. Огонь полагалось открывать съ разстоянiй вѣрнаго выстрѣла съ 400—500 саж. и только по густымъ колоннамъ допускалась стрѣльба съ 600 саж.

Большимъ недостаткомъ артиллерiи, усложнявшимъ вопросъ снабженiя снарядами, являлось разнообразiе калибровъ въ составѣ батарей, имѣвшихъ и пушки и единороги.

Для совокупныхъ дѣйствiй различныхъ родовъ оружiя были установлены такъ называемые нормальные боевые порядки пѣхотныхъ и кавалерiйскихъ дивизiй съ ихъ артиллерiей, точно устанавливавшiе расположенiе частей, интервалы и дистанцiи.

Боевыхъ порядковъ для пѣхоты существовало четыре, а одинъ назывался резервнымъ. Всѣ они состояли изъ различнаго сочетанiя батальоновъ въ двухъ боевыхъ линiяхъ и резервѣ. Артиллерiя располагалась равномѣрно по линiи и нѣсколько впереди ея, прикрытая цѣпью застрѣльщиковъ.

При наступленiи боевой порядокъ продвигался къ непрiятелю на 400—500 саж., и здѣсь начиналось артиллерiйское состязанiе. Это время служило для производства рекогносцировки противника и окончательнаго видоизмѣненiя боевого порядка въ зависимости отъ собранныхъ свѣдѣнiй. Подойдя затѣмъ къ противнику на 300—350 саж., боевой порядокъ вновь прiостанавливался для производства атаки огнемъ, а застрѣльщики завязывали бой. Сопровождая наступающую пѣхоту, артиллерiя также двигалась до картечнаго выстрѣла (400—500 шаг.), откуда покровительствовала пѣхотной атакѣ. При производствѣ послѣдней требовалось самое точное соблюденiе интерваловъ, дистанцiй и равненiя.

Движенiе производилось ускореннымъ шагомъ безъ стрѣльбы, за 20—30 шаговъ люди бросались въ атаку. Вторая линiя безостановочно слѣдовала за первой, готовая поддержать или смѣнить ее. Въ случаѣ успѣха, батареи выѣзжали впередъ и открывали огонь по отступающему.

Вообще отличительными чертами нашей тактики того времени были: стремленiе къ дѣйствiямъ большими массами, взглядъ на разсыпной строй, какъ на средство вспомогательное, твердость формъ боевыхъ порядковъ, малая ихъ гибкость и примѣняемость къ мѣстности, большая приверженность къ точнымъ цифровымъ даннымъ, малая подготовка атаки огнемъ и пренебреженiе къ мѣрамъ, уменьшающимъ потери отъ огня. Способъ дѣйствiй, требующiй стройности движенiй, требовалъ и совершенно ровныхъ мѣстъ; на мѣстности же пересѣченной эти порядки были непримѣнимы, а другiя тактическiя формы не были предусмотрѣны уставомъ.

Общiй характеръ обученiя сводится исключительно къ выработкѣ изъ солдатъ и офицеровъ составныхъ единицъ тѣхъ массъ войскъ, которыя предполагалось двигать на поляхъ сраженiй. Все вниманiе обращалось на обученiе дѣйствiямъ въ сомкнутомъ строю, и въ этомъ отношенiи наша армiя доходила до совершенства.

Уставы, изученіе которыхъ составляло всю премудрость военнаго дѣла, были слишкомъ сложны и объемисты въ той своей части, которая была наполнена техническими мелочами и лишь незначительная ихъ часть относилась собственно къ боевой сторонѣ дѣла.

Обученіе рекрутъ лежало исключительно на нижнихъ чинахъ, учившихъ ихъ тому, что нужно было для смотра, и потому употребляли всѣ силы солдата на уразумленіе премудрости тихаго учебнаго шага въ три пріема, стойки и щегольскихъ ружейныхъ пріемовъ.

Упражненій войскъ въ полевой службѣ современно не производилось, хотя этотъ отдѣлъ обученія входилъ въ уставы и требовался какъ Государемъ, такъ и Наслѣдникомъ. И офицеры и нижніе чины терпѣть не могли этихъ занятій, на которыя смотрѣли, какъ на источникъ излишнихъ мученій, такъ какъ они не подлежали повѣркѣ на смотрахъ. Что касается до обученія стрѣльбѣ, то этотъ важный отдѣлъ военнаго ремесла какъ бы совершенно находился въ загонѣ и вызывалъ больше, чѣмъ какой-либо другой отдѣлъ, нареканій современниковъ.

На стрѣльбу смотрѣли какъ на излишнее, никому ненужное бремя, и даже производимые ежедневно Государемъ смотры не помогали дѣлу. Отлично было поставлено дѣло стрѣльбы лишь въ штуцерныхъ и стрѣлковыхъ батальонахъ, гдѣ стрѣльбѣ отводилось должное мѣсто. Бою на штыкахъ полагалось обучать во всей арміи только застрѣльщиковъ.

Въ одиночномъ образованіи кавалериста, какъ это ни странно, важную роль играли: пѣшая выправка, ружейные пріемы и маршировка. На обученіе людей ѣздѣ имѣла большое вліяніе заботливость эскадронныхъ командировъ о тѣлахъ лошадей. При обученіи эскадроновъ, полковъ и болѣе крупныхъ частей все вниманіе было обращено на стройность движенія массъ, чистоту уставныхъ построеній и церемоніальный маршъ.

Въ артиллеріи и инженерныхъ войскахъ также много вниманія было обращено на стройность движеній и церемоніальный маршъ, и лишь хорошій составъ офицеровъ сдѣлалъ то, что эти войска во время Крымской войны стояли на высотѣ современныхъ требованій.

Съ цѣлью обученія офицеровъ Государь принималъ мѣры къ широкому развитію ученій съ обозначеннымъ противникомъ, маневровъ, военной игры и бесѣдъ по тактикѣ строевыхъ офицеровъ съ офицерами генеральнаго штаба. Но, падая на неподготовленную почву, занятія эти пользы никакой не приносили. Особенно ничтожны были военныя познанія у высшихъ строевыхъ начальниковъ, заботившихся лишь о хорошемъ шагѣ и равненіи.

3. Подготовка къ войнѣ. Дунайскій театръ военныхъ дѣйствій. Начало войны. Ольтеницкій бой. Бой при Четати.

Энергичное дипломатическое воздѣйствіе на Турцію, при наличіи въ ней сильной борьбы вліяній между морскими (Англія и Франція) и континентальными (Россія и Австрія) державами, вызвало необходимость поддержать это воздѣйствіе и боевою готовностью, на случай неудачи миссіи князя Меншикова.

Первыя военныя распоряженія Государя о сборѣ резервныхъ и запасныхъ частей для приведенія въ боевую готовность одного корпуса относятся еще къ концу 1852 года.

Широкій, правильный военный взглядъ Государя въ отношеніи самаго характера дѣйствій выказался въ собственноручной запискѣ Николая Павловича по этому вопросу.

«Быстрыя приготовленія, возможная тайна и рѣшительность въ дѣйствіяхъ — необходимы для успѣха», заключалъ Императоръ свои соображенія. Обращаясь къ средствамъ выполненія поставленной цѣли, Государь полагалъ, что «сильная экспедиція съ помощью флота въ Босфоръ и Царьградъ можетъ все рѣшить очень скоро».

Однако, изложенный выше планъ не встрѣтилъ сочувствія и поддержки со стороны князя Меншикова; начинаются постепенныя уклоненія Николая Павловича отъ своего первоначальнаго плана, постепенныя уступки Государя мнѣнію своихъ довѣренныхъ совѣтниковъ. Здравый военный взглядъ Императора Николая ясно сознавалъ искусственность той обстановки, въ которую приближенныя къ нему лица мало-по-малу старались облечь военныя операціи, и которая, въ концѣ концовъ, вылилась въ форму безцвѣтнаго, почти годового сидѣнія въ княжествахъ, энергично поддерживаемаго иниціаторомъ его свѣтлѣйшимъ княземъ Варшавскимъ, и давшаго созрѣть пагубной для насъ Крымской экспедиціи союзниковъ.

Окончательный планъ операцій, выработанный Государемъ совмѣстно съ княземъ Варшавскимъ, раздѣлялъ военныя дѣйствія на три эпохи.

Первая заключалась въ занятіи «въ залогъ» Придунайскихъ княжествъ, на случай непринятія турками нашего ультиматума. «Въ этомъ положеніи», писалъ Государь, «держа войска въ здоровыхъ лагеряхъ, имѣя по Дунаю только наблюдательные казачьи посты и въ избранномъ мѣстѣ резервъ или авангардъ, — будемъ ждать, какое впечатлѣніе занятіе сіе произведетъ на Турокъ».

Вторая эпоха наступаетъ тогда, когда и послѣ занятій княжествъ Турція будетъ продолжать упорствовать. Она должна была выразиться въ блокадѣ Босфора, въ разрѣшеніи, можетъ быть, брать нашимъ крейсерамъ турецкія суда, въ предложеніи Австріи занять Герцеговину и Сербію и въ объявленіи туркамъ, что, въ случаѣ ихъ упорства, Государь объявитъ независимость княжествъ и Сербіи.

И наконецъ, третья эпоха заключалась въ приведеніи выше названныхъ угрозъ въ исполненіе, чтобы признаніемъ независимости княжествъ положить начало разрушенію Оттоманской имперіи.

16-го мая 1853 года Высочайше повелѣно было войскамъ сосредоточиться на исходныхъ для занятія княжествъ пунктахъ, не переступая однако границы. Третій корпусъ въ то же время долженъ былъ пододвинуться къ предстоящему театру военныхъ дѣйствій на смѣну 4 корпусу, предназначенному вмѣстѣ съ частями 15 пѣх. и 5 лег. кавалерійской дивизій для занятія княжествъ.

Первыя приготовленія турокъ, или, вѣрнѣе, ихъ будущихъ союзниковъ, къ войнѣ съ Россіей относятся къ 1849 году.

Составленный тогда французскимъ посломъ въ Константинополѣ генераломъ Опикъ планъ военныхъ операцій на случай наступательной противъ турокъ войны со стороны Придунайскихъ княжествъ и легъ въ основу дѣйствій турецкаго главнокомандующаго осенью 1853 и весною 1854 года. Предполагалось усилить фортификаціонными сооруженіями обороноспособность Балканъ, сформировать подъ ихъ прикрытіемъ солидные резервы, учредить въ Адріанополѣ главный складочный пунктъ арміи; оставить въ Константинополѣ минимальный гарнизонъ (очевидный расчетъ на флоты союзныхъ иностранныхъ державъ) и задерживать сколько возможно наши войска на Дунаѣ. Кромѣ того, предполагалось упорно оборонять Силистрію, послѣ взятія которой одна часть турецкой арміи должна отойти на Шумлу, къ тому времени усиленную, а другая—къ Балканскимъ дефиле, которыя и защищать съ имѣющей подойти туда резервной арміей. Въ случаѣ же прорыва русскихъ черезъ Балканы, борьба должна была свестись «къ отчаянной храбрости безнадежной защиты». Ограничивавшійся строгой обороной на Европейскомъ театрѣ, турецкій планъ предусматривалъ наступательныя дѣйствія въ Азіи.

Въ половинѣ октября 1853 года число турецкихъ войскъ, предназначенныхъ противъ насъ, доходило до 143,000 человѣкъ.

Во главѣ турецкой арміи былъ поставленъ Омеръ-паша, бѣглый австріецъ, кроатъ по происхожденію. Таланты его, какъ полководца, во многомъ уступали его талантамъ, какъ организатора, сдѣлавшаго турецкую армію неузнаваемой, и, дѣйствуя противъ русскихъ, Омеръ-паша выказалъ въ большой степени осторожность и нерѣшительность.

Къ открытію кампаніи, около половины всѣхъ турецкихъ войскъ находилось въ четырехугольникѣ крѣпостей: Рущукъ, Силистрія, Варна и Шумла, составляя главныя силы и центръ арміи; на крайнемъ лѣвомъ флангѣ сильнѣе другихъ былъ Виддинскій отрядъ—30 т., правый же флангъ, главнымъ образомъ, охранялся 20-тысячнымъ отрядомъ, расположеннымъ у Исакчи.

Такое распредѣленіе силъ объясняется, отчасти, желаніемъ заставить русскихъ растянуть свои войска и прикрыть переправу на правомъ флангѣ границы.

Въ концѣ сентября 1853 года стратегическое расположеніе турецкой арміи закончилось.

Съ этимъ же временемъ совпадаетъ и переходъ турокъ къ открытымъ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ.

Еще ранѣе, нежели выяснился неудачный исходъ миссіи князя Меншикова, Государь счелъ необходимымъ принять рядъ мѣръ по приведенію арміи на военное положеніе съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности имѣть полную возможность поддержать силою оружія свои справедливыя требованія. 4-й и 5-й корпуса были поспѣшно укомплектованы безсрочно отпускными; 13-ой дивизіи въ Севастополѣ было приказано изготовиться къ отплытію въ Закавказье; конница должна была присоединиться къ своимъ корпусамъ, и т. д.

Когда же безуспѣшность переговоровъ князя Меншикова сказалась, Императоръ Николай 14-го іюня 1853 г. повелѣлъ занять войсками Дунайскія княжества.

Для этой цѣли были назначены 4-й и 5-й корпуса и Дунайская флотилія контръ-адмирала Мессера. Общее начальство надъ этими войсками поручалось ген.-адъютанту кн. Михаилу Дмитріевичу Горчакову.

21-го іюня авангардъ арміи подъ начальствомъ графа Анрепъ-Эльмпта переправился черезъ Брутъ у Леово и черезъ Фальчи, Текучъ, Фокшаны двинулся къ Бухаресту, отдѣливъ наблюдательный отрядъ къ Слободзеѣ.

Театромъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи являлись княжества: Молдавія и Валахія. Значительная часть первой покрыта второстепенными горными хребтами; рѣки къ востоку отъ Серета текутъ въ болотистыхъ долинахъ и имѣютъ негодную для питья воду; по правую же сторону р. Серета горная сторона придаетъ и рѣкамъ характеръ горныхъ потоковъ.

Прикрытая съ сѣвера Карпатами, гористая (болѣе на западъ) Валахія была съ запада отъ Сербіи и юго-востока отъ Болгаріи отдѣлена р. Дунаемъ, на берегахъ котораго и совершались важнѣйшія событія кампаніи 1854 года.

Почва плодородна особенно въ Валахіи, лѣсовъ мало.

Въ отношеніи путей сообщенія княжества имѣли мало дорогъ шоссейныхъ, но зато многочисленныя грунтовыя дороги были вполнѣ удобны для движенія.

Рѣка Дунай прикрываетъ границы Валахіи отъ Орсовы до Галаца на протяженіи 700 верстъ, образуя также удобный судоходный путь.

На пространствѣ отъ Ольты до Калараша, противъ Силистріи, лѣвый берегъ состоитъ изъ болотистыхъ плавней, и большей частью непроходимъ. У Силистріи ширина Дуная имѣетъ 360 саженъ, но теченіе здѣсь весьма быстро, у с. Гура-Яломице, гдѣ берега Дуная сильно понижались, ширина доходила лишь до 350 саженъ.

Лѣвый берегъ Дуная былъ весьма мало доступенъ и неудобенъ для устройства переправы, а гдѣ переправа и была возможна—тамъ стояли крѣпости Виддинъ, Рахова, Никополь, Рущукъ, Силистрія и укрѣпленные города Систово, Туртукай, Гирсово, Мачинъ, Исакча, Тульча. Словомъ, Дунай представлялъ для турокъ превосходную оборонительную линію.

Въ сентябрѣ 1853 года наши войска расположились въ окрестностяхъ Бухареста и считали въ своихъ рядахъ 55 тысячъ человѣкъ.

Охраненіе квартирнаго района было возложено на авангардъ гр. Анрепа, сборнымъ пунктомъ котораго являлся лагерь на р. Аржисѣ, между селеніями Колибашъ и Гостинари. Кромѣ того, у Обилешти стоялъ отдѣльный конный наблюдательный отрядъ генерала Богушевскаго.

15-го сентября князь Горчаковъ составилъ «передовой отдѣлъ войскъ», порученный генералу Данненбергу. Авангардъ этихъ войскъ, которымъ поручилось охраненіе Дуная отъ рѣки Веде до монастыря Карницели, сталъ у Одая.

Для общаго охраненія войскъ со стороны Малой Валахіи у Руссе-де-Веде былъ расположенъ правый отрядъ генерала Фишбаха, въ составѣ 7 бат., 2 полковъ конницы, 2 пѣшихъ и одной конной батареи и одного полка и 3 сотенъ казаковъ. Съ подобною же цѣлью у Будешти былъ поставленъ лѣвый отрядъ генерала Павлова, приблизительно такой же силы, какъ и пра-

Карта театра военныхъ дѣйствій въ Европѣ въ 1853—54 г.г.

вый. Кромѣ того, на Нижнемъ Дунаѣ стоялъ отрядъ генерала Лидерса, состоявшій изъ частей 15 дивизіи и расположенный у Рени, Измаила и Киліи.

27-го сентября Омеръ-паша въ письмѣ на имя кн. Горчакова предложилъ очистить въ 15-дневный срокъ княжества, въ противномъ случаѣ грозя открытіемъ военныхъ дѣйствій. Князь Горчаковъ отвѣтилъ, что вести переговоры онъ не уполномоченъ.

Опасеніе перехода турками Дуная большими силами привело кн. Горчакова къ рѣшенію образовать въ Слободзеѣ отрядъ гр. Анрепа, силою въ 6 бат., 10 эск., 6 сот. и 12 п. ор. Этотъ отрядъ, совмѣстно съ войсками генерала Энгельгардта, расположенными у Браилова, въ достаточной степени обезпечивалъ армію кн. Горчакова со стороны Силистріи и, главное, Гирсова, но зато облегчалъ туркамъ переправу у Ольтеницы, такъ какъ въ составъ отряда графа Анрепа была взята почти вся пѣхота отряда генерала Павлова.

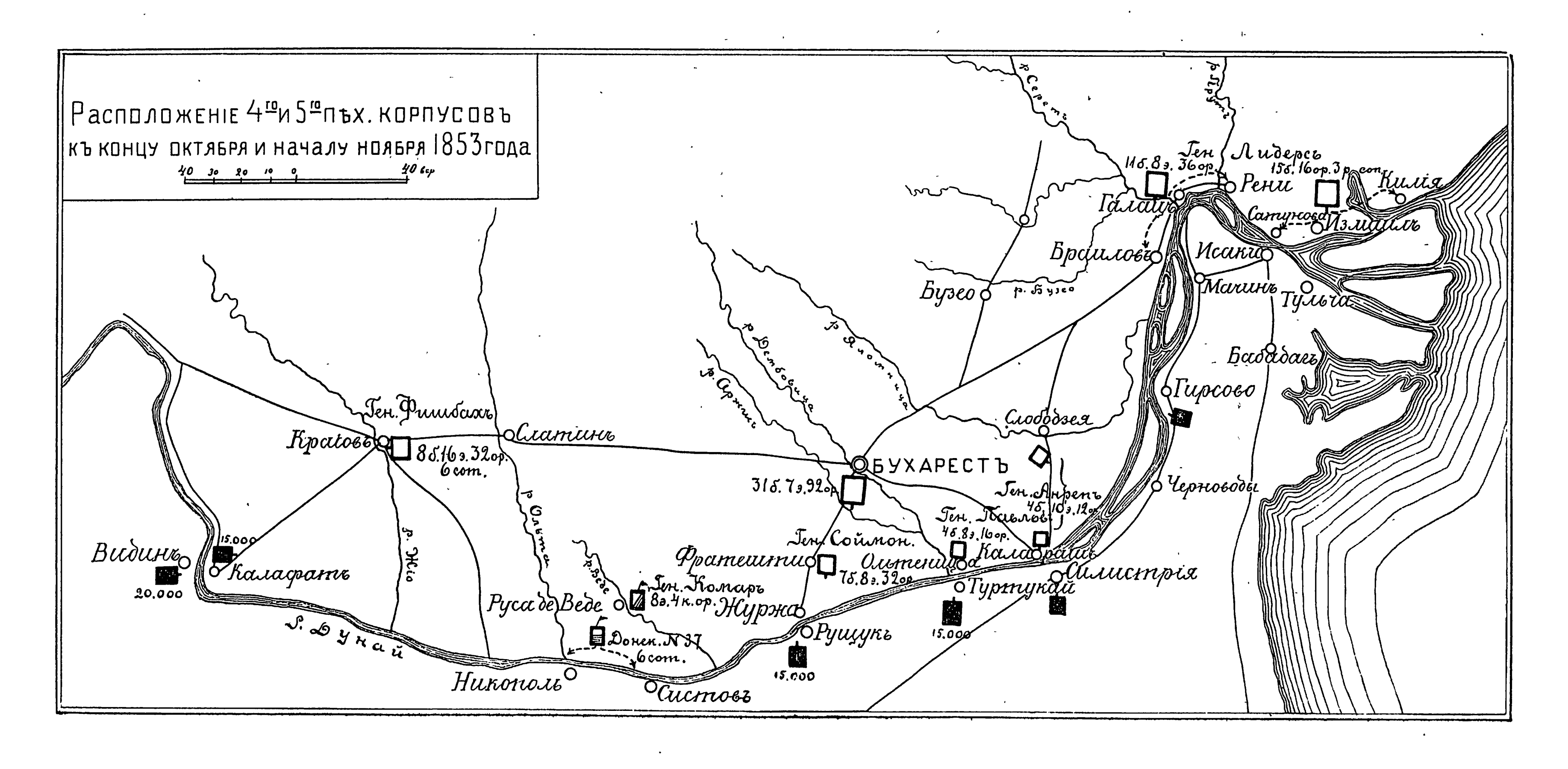
Занявъ почти одновременно съ дѣйствіями въ Малой Валахіи острова у Силистріи и Туртукая и приступивъ къ ихъ укрѣпленію, турки 20-го октября открыли враждебныя дѣйствія и противъ Журжи; однако, попытка ихъ ничѣмъ не кончилась, такъ какъ нашъ гарнизонъ Журжи, лежащей противъ Рущука и на пути къ Бухаресту, былъ увеличенъ, а островъ распоряженіемъ генерала Соймонова усиленъ расположеніемъ батарей и редутовъ.

Одновременно съ наступательными попытками противъ лѣваго фланга и центра у Гирсова и Журжи, и противъ праваго фланга у Калафата, турки перешли къ активнымъ дѣйствіямъ и въ ближайшемъ отъ Бухареста пунктѣ, около Ольтеницы, что и привело къ бою здѣсь 23-го октября.

Рѣшительно начатое дѣло, несмотря на большія потери, причиняемыя густымъ строямъ нашихъ войскъ огнемъ превосходныхъ турецкихъ силъ, готовилось закончиться атакой. Поддержанные артиллеріей ген. Сикстеля, постепенно переѣзжавшей на 400, 300 и 250 саж. отъ непріятеля, наши батальоны стройно приближались къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ и, не глядя на громадныя потери въ рядахъ и большую убыль среди начальниковъ, чувствовалось, что 6 батальоновъ Селенгинцевъ и Якутцевъ имѣютъ еще достаточно мощи, чтобы черезъ нѣсколько мгновеній быть на валахъ турецкихъ укрѣпленій. Въ это время, однако, было получено приказаніе корпуснаго командира ген. Данненберга начать отступленіе.

Неохотно, но съ полнымъ спокойствіемъ повернули наши батальоны назадъ и отошли за вязкія низины. А турки, убѣдившись въ нашемъ отступленіи, выдвинули изъ укрѣпленій свою конницу, которая, однако, послѣ перваго нашего удачнаго ядра ускакала обратно. Подобравъ раненыхъ и убитыхъ, отрядъ генерала Данненберга грустно подвигался къ Ольтеницѣ, не досчитывая въ своихъ рядахъ 980 храбрыхъ товарищей. Потери турокъ въ точности неизвѣстны.

Таковы были печальные результаты перваго значительнаго дѣла на Дунаѣ, которые явились слѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ распоряженій, колебаній и противорѣчій главнокомандующаго съ одной стороны, а съ другой—полной нераспорядительности въ бою генерала Данненберга: отсутствіе развѣдки подступовъ, неправильная оцѣнка непріятельской позиціи и

Расположеніе 4-го и 5-го пѣх. корпусовъ къ концу октября и началу ноября 1853 года
40 30 20 10 0 40 вер.
Ген. Лидерсъ
11 б. 8 э. 36 ор.
15 б. 16 ор. 3 р. сот.
Галацъ
Рени
Килія
Сатуново
Измаилъ
Браиловъ
Исакчи
Мачинъ
Тульча
Бузео
р. Бузео
р. Серетъ
р. Прутъ
Бабадагъ
Гирсово
Черноводы
Слободзея
БУХАРЕСТЪ
31 б. 7 э. 92 ор.
Ген. Анрепъ
4 б. 10 э. 12 ор.
Ген. Павловъ
4 б. 8 э. 16 ор.
Калараши
Ген. Соймон.
Фратешти
7 б. 8 э. 32 ор.
Ольтеница
Туртукай
Силистрія
15.000
Журжа
Рущукъ
15.000
р. Яломница
р. Дембовица
р. Аржисъ
Ген. Фишбахъ
Краіовъ
8 б. 16 э. 32 ор.
6 сот.
Слатинъ
р. Ольта
р. Веде
Руса де Веде
Ген. Комаръ
8 э. 4 к. ор.
Донск. № 37
6 сот.
Никополь
Систовъ
р. Жіо
р. Дунай
Видинъ
20.000
Калафатъ
15.000

силъ, направленіе главной атаки въ лобъ, вмѣсто того, чтобы ее вести на важный въ стратегическомъ отношеніи лѣвый флангъ; наконецъ, руководство боемъ съ далекаго тыла и, какъ слѣдствіе этого, приказаніе отступать, когда обстановка давала полное вѣроятіе успѣха.

Между тѣмъ, у Журжи, противъ Рущука, всѣ попытки турокъ переправиться разбивались объ энергію и храбрость генерала Соймонова.

Съ начала ноября до конца 1854 года на всемъ протяженіи средняго и нижняго Дуная происходили только рѣдкія незначительныя попытки турокъ дѣлать поиски на нашъ берегъ, всегда оканчивавшіеся для нихъ неудачно.

Наша Дунайская армія приняла къ этому времени слѣдующее расположеніе: главныя силы, въ составѣ 31 бат., 7 эск. и 92 ор., были сосредоточены у Бухареста, а остальныя войска разбросаны по Дунаю, начиная отъ его устья въ слѣдующихъ группахъ: $15^3/_4$ бат. и 16 ор. у Киліи, Сатунова и Измаила; 11 бат., 8 эск. и 36 ор. между Рени и Браиловымъ; отрядъ графа Анрепа, 4 бат., 10 эск. и 12 ор., между Калarашемъ и Слободзеей; генералъ Павловъ съ 4 бат., 8 эск. и 16 ор. противъ Туртукая; генералъ Соймоновъ съ 7 бат., 8 эск. и 32 ор. у Журжи; между Систовымъ и Никополемъ 8 эск., 6 сот. и 4 кон. ор. и, наконецъ, Мало-Валахскій отрядъ генерала Фишбаха, силою въ 8 бат., 16 эск., 6 сот. и 32 ор., у Краіово.

Между тѣмъ, армія наша томилась въ ожиданіи возможности сойтись, наконецъ, грудь съ грудью съ врагомъ, въ безполезныхъ поискахъ за которымъ она влекла въ теченіе многихъ мѣсяцевъ трудную жизнь.

Послѣ этого турки сосредоточили въ Калафатѣ до 20—25 тысячъ человѣкъ при 52 ор., обнесли этотъ пунктъ двумя линіями весьма солидныхъ укрѣпленій и, опираясь на нихъ, занимались сосредоточеніемъ въ укрѣпленный лагерь запасовъ изъ окрестныхъ деревень и, главнымъ образомъ, революціонированіемъ мѣстнаго населенія. Все возрастающее вліяніе ихъ на мѣстныхъ жителей заставило генерала Фишбаха принять при помощи летучихъ отрядовъ рядъ мѣръ по стѣсненію круга дѣятельности турокъ и ограниченію своза продовольствія.

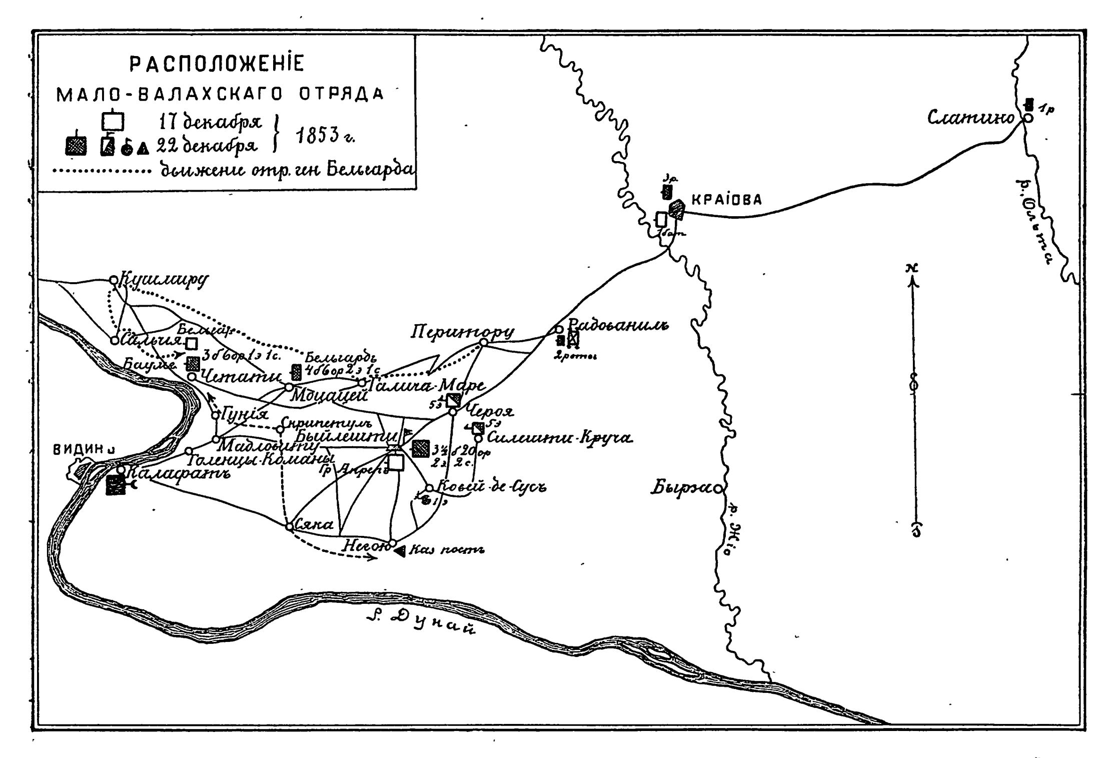
Опасеніе возможности серьезныхъ здѣсь столкновеній привело князя Горчакова къ рѣшенію назначить начальникомъ Мало-Валахскаго отряда графа Анрепъ-Эльмпта, пользовавшагося славой энергичнаго начальника. Графъ Анрепъ 29-го ноября прибылъ въ Краіово, а вслѣдъ за нимъ на усиленіе Мало-Валахскаго отряда была двинута изъ-подъ Бухареста въ Краіово 12 пѣхотная дивизія. Передвиженія частей Мало-Валахскаго отряда, производившіяся съ цѣлью либо усмиренія возстававшихъ деревень, либо для отогнанія непріятельской конницы, набѣги коей становились все смѣлѣе, свелись въ результатѣ къ тому, что къ 19-му декабря онъ занялъ слѣдующее расположеніе: генералъ Бельгардъ съ батальономъ Тобольскаго полка, взводомъ гусаръ, 2 сотнями добровольцевъ и 2 орудіями—стоялъ въ селѣ Преставъ, полковникъ Баумгартенъ съ такимъ же отрядомъ, но безъ добровольцевъ,—у села Четати и главныя силы графа Анрепа ($3^1/_2$ бат., 2 эск., 2 сот. и 20 орудій) у Быйлешти, имѣя въ 10 в. за собою въ Череѣ 10 эск. кавалеріи. Очевидно, что такое

расположеніе, при которомъ Бельгардъ отстоялъ отъ Баумгартена на 30 верстъ и этотъ послѣдній отъ графа Анрепа на 25 верстъ, давало энергичному противнику, владѣющему укрѣпленной позиціей у Калафата, возможность разбить наши отряды по частямъ и по крайней мѣрѣ заставить ихъ принять неравный бой по одиночкѣ.

Это и привело къ славному, но совершенно безцѣльному дѣлу у с. Четати 19-го декабря.

Несмотря на дѣло 19-го декабря, растянутое расположеніе 7,000 отряда графа Анрепа оставалось въ томъ же опасномъ положеніи.

Ахметъ-паша рѣшилъ этимъ воспользоваться и 24-го декабря съ заходомъ солнца вывелъ совершенно скрытно изъ Калафата отрядъ въ 13 бат., 5 ротъ

карабинеръ, 3 полка конницы и 28 орудій, всего силою около 15 т. человѣкъ, и сосредоточилъ ихъ въ Модловитѣ. Оставивъ въ послѣднемъ пунктѣ 1 бат., 1 эск. и 2 ор., турки въ 4 часа утра 25-го скрытно подошли къ с. Четати.

Отрядъ полковника Баумгартена располагался, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности отъ внезапнаго нападенія, и непріятель свалился ему какъ снѣгъ на голову.

Селеніе Четати и смежная съ нимъ деревня Фонтына-Банулуй лежатъ на гребнѣ высотъ, составляющихъ лѣвый берегъ долины Дуная, шириною въ 600 саженъ.

Высоты эти круто спускаются къ рѣкѣ и полого въ противоположную сторону, кончаясь открытымъ степнымъ пространствомъ, которое тянется на с. Моцецей и Быйлешти. Обѣ деревни, Фонтына-Банулуй и Четати, были обнесены со стороны степи большимъ рвомъ съ насыпью. Къ сѣверу отъ Четати находилась позиція, гдѣ происходилъ бой 19-го декабря.

На разсвѣтѣ 25-го декабря полковникъ Баумгартенъ получилъ извѣстіе о приближеніи значительныхъ массъ непріятельской кавалеріи, быстро поднялъ свой отрядъ по тревогѣ и, видя присутствіе многочисленной турецкой конницы, приготовился для встрѣчи ея.

Однако, двѣ фронтальныя атаки турокъ были отбиты и отхлынули въ деревню Морени. Тогда турки рѣшили нанести ударъ въ охватъ нашего праваго фланга, но и здѣсь не имѣли успѣха.

Во время этого единоборства наши войска несли огромныя потери отъ огня турецкихъ штуцерныхъ.

Къ 10 час. утра въ резервѣ оставалось лишь двѣ роты, изъ которыхъ одна охраняла обозъ. Необходимо было выиграть время, чтобы дать возможность подойти отрядамъ генерала Бельгарда и графа Анрепа. Достигнуть этого можно было только, занявъ соотвѣтствующую силамъ отряда внутреннюю позицію на валахъ, что и было въ полномъ порядкѣ исполнено отрядомъ Баумгартена.

Теперь для встрѣчи противника съ фронта у насъ имѣлось три роты, а для встрѣчи его съ востока и запада, на длинныхъ фасахъ Четати, по двѣ роты.

Подъ прикрытіемъ этихъ ротъ остальныя части продолжали отходить назадъ на позицію къ сѣверу отъ Четати; наконецъ, съ трудомъ отбивавшіеся отъ турокъ 3-й и 1-й батальоны съ полковымъ обозомъ стали подходить къ сѣверной опушкѣ Четати, прикрываясь отъ тѣснившихъ съ юга турокъ 4-мъ батальономъ.

Но здѣсь истомленную трехчасовымъ боемъ горсть храбрецовъ ожидало новое испытаніе.

Турецкая кавалерія обскакала деревню и заняла уже ту позицію, на которую стремился отрядъ Баумгартена.

На высотѣ стояло 6 конныхъ орудій, изъ которыхъ два открыли по нашей пѣхотѣ огонь.

Выставивъ у выхода изъ селенія 4 орудія, Баумгартенъ собралъ роты 3-го батальона и, лично двинувшись съ ними противъ непріятельской конницы, не только обратилъ турокъ въ бѣгство, но и взялъ съ боя 2 орудія, а тѣмъ временемъ сюда подошли и прочіе два батальона.

Не успѣли еще наши войска расположиться на позиціи, какъ турецкая конница бросилась отбивать потерянныя орудія; попытки эти окончились полной неудачей, но въ это время былъ раненъ полк. Баумгартенъ. Между тѣмъ противникъ возобновилъ свои атаки и съ другихъ сторонъ. Болѣе часа обстрѣливалъ онъ наше расположеніе огнемъ 14 орудій, послѣ чего двинулъ въ атаку свою пѣхоту. Но трижды повторенный противъ праваго нашего фланга ударъ не имѣлъ успѣха, какъ и атака конницы на наше лѣвое крыло.

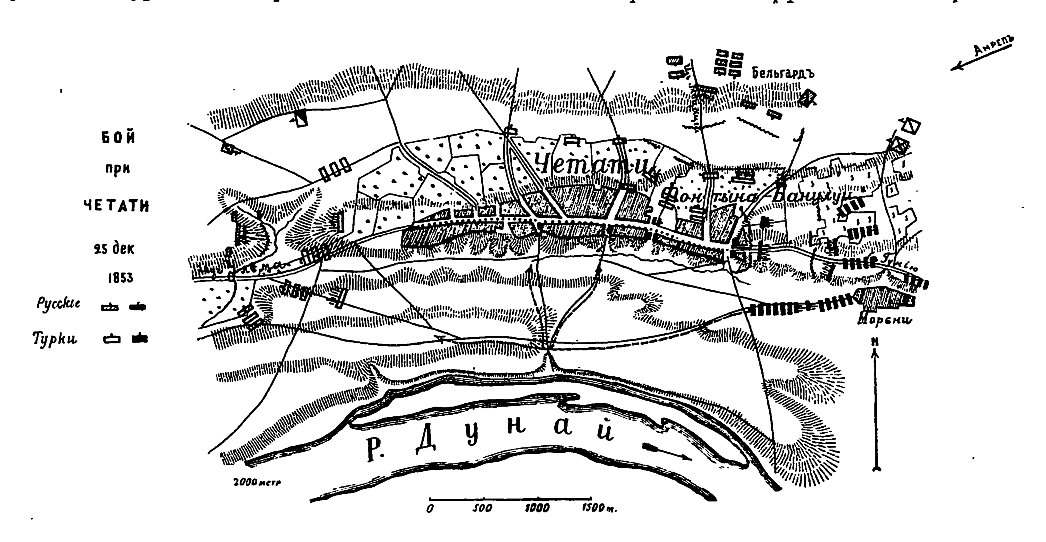
Было около 12 часовъ дня. Упорный и кровопролитный бой длился уже около четырехъ часовъ, патроны приходили къ концу, прислуга орудій была почти вся перебита. Чтобы окончательно сломить сопротивленіе Тобольцевъ, турки рѣшили повести послѣднюю атаку уже на фронтъ нашей позиціи, т.-е. со стороны самой деревни Четати. Эта фронтальная атака должна

была быть поддержана атакой съ обоихъ фланговъ. Все было готово для нанесенія этого рѣшительнаго удара и неизвѣстно удалось ли бы храбрецамъ отразить его... Но въ эту минуту турки остановились и начали постепенно оттягивать свои войска назадъ.

Остатки Тобольцевъ были спасены... Вдали раздался гулъ оружейныхъ выстрѣловъ.

Въ 11 часу утра 26-го, оттѣснивъ турецкіе пикеты, Одесцы почти бѣгомъ подошли къ Фонтына-Банулуй, восточнѣе котораго, около шанцевъ, турки спѣшно выстраивали боевой порядокъ. Около полудня началась сильнѣйшая канонада между отрядомъ Ахметъ-паши, занимавшаго позицію фронтомъ къ д. Моцецей за рвами и насыпью, и войсками генер. Бельгарда, развернувшаго обѣ свои колонны съ большимъ между ними промежуткомъ.

Въ густыхъ строяхъ, неся большія потери, правая колонна двинулась противъ турокъ, открывшихъ сильный огонь картечью съ фронта и съ фланга.

Стремительнымъ натискомъ турки были выбиты изъ рвовъ, но въ виду потерь среди начальниковъ и контръ-атаки свѣжихъ турецкихъ войскъ съ фронта и съ фланга конницей, хотя и отбитой, оставшіяся безъ руководства и поддержки роты потеряли силы и начали постепенно отходить.

Одновременно 1-й и 2-й батальоны Одесцевъ съ генераломъ Бельгардомъ во главѣ, послѣ подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ, атаковали центръ непріятельской позиціи.

Поражаемые съ фронта штуцернымъ огнемъ, а съ фланга картечью, Одесцы скоро потеряли убитыми обоихъ батальонныхъ командировъ, пріостановились и уже огнемъ отбили атаку турецкой конницы. Въ свою очередь наша конница атаковала непріятельскую батарею и заставила ее сняться съ позиціи.

Между тѣмъ, довершить удара было нечѣмъ, такъ какъ весь резервъ былъ израсходованъ; рѣшеніе отойти уже назрѣло и генералъ Бельгардъ отвелъ свой отрядъ изъ сферы турецкаго огня, отразивъ попытку турокъ его преслѣдовать. Спустя немного, турки получили свѣдѣнія о движеніи графа Анрепа и поспѣшно отошли на Голенцы-Команы и Гунію.

Графъ Анрепъ, слыша съ 8 час. у. канонаду, оставался спокойно въ Быйлешти и Чере́ и лишь въ полдень, получивъ отъ ген. Бельгарда донесеніе, что подъ Четати съ утра идетъ сильный бой, спустя два часа послѣ этого двинулся на выручку, но, дойдя до с. Скрипетуль, отрядъ его остановился, предоставивъ туркамъ полную возможность отступить спокойно; здѣсь графъ Анрепъ возвратился въ Быйлешти, приказавъ отрядамъ Бельгарда и Баумгартена соединиться въ Четати.

Дорого стоилъ намъ этотъ кровопролитный бой. 22 офицера и 813 нижнихъ чиновъ было убито и 1 генералъ, 32 офицера и 1161 ниж. чин. выбыли изъ строя ранеными. По донесенію кн. Горчакова потери турокъ доходили до 3 т. человѣкъ.

Результатомъ Четатинскаго дѣла явилось рѣшеніе кн. Горчакова обложить Калафатъ и тѣмъ преградить туркамъ доступъ въ Малую Валахію. Прибывъ въ Быйлешти лично, главнокомандующій сдѣлалъ на мѣстѣ необходимыя распоряженія, послѣ чего Валахскій отрядъ, усиленный втрое и порученный теперь генералу Липранди, занялъ къ 17-му января 1854 года слѣдующее расположеніе: 12 бат., 20 эск. и сотенъ и 66 орудій (ген. Липранди) стали у с. Модловиты и Гуніи и 8 бат., 10 эск. и сот. и 28 орудій (генералъ Бельгардъ) у с. Пояны. Въ концѣ января и въ февралѣ конница ген. Липранди предприняла рядъ поисковъ, изъ которыхъ наиболѣе удачнымъ былъ набѣгъ на занятое непріятелемъ с. Чепурени.

У Журжи, попрежнему, генералъ Соймоновъ съ успѣхомъ парализовалъ всѣ поползновенія турокъ къ переходу черезъ Дунай.

Для того, чтобы лишить непріятеля возможности переправиться черезъ Дунай, нами рѣшено было уничтожить турецкую флотилію. Это дѣло было возложено на энергичнаго и талантливаго инженера—ген.-адъют. Шильдера.

Найдя турецкія суда собранными въ устьѣ рѣки Ломъ и готовыми къ отплытію, генералъ Шильдеръ въ ночи съ 26-го на 27-е и съ 27-го на 28-е января построилъ двѣ батареи ниже и выше мѣста расположенія флотиліи и занялъ пѣхотой и артиллеріей островъ Радоманъ, откуда съ разсвѣтомъ 28-го орудія открыли огонь. Нанеся существенныя потери судамъ, наши войска вернулись съ острова.

Въ ночь съ 29-го на 30-е нами было сооружено еще нѣсколько батарей, которыя въ теченіе 5 дней обстрѣливали Рущукскую флотилію, приведенную, въ концѣ концовъ, почти въ полную негодность. Успѣхъ нашъ былъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что въ то время, когда съ нашей стороны дѣйствовало самое большее 7 полевыхъ орудій, правда, весьма искусно расположенныхъ, турки имѣли въ своемъ распоряженіи 92 крѣпостныхъ пушки.

Изъ числа турецкихъ судовъ, 6 большихъ сѣли на мель, семь затоплены, 21 судно избито и т. п. Наши потери въ людяхъ составили 1 оф. раненымъ, 2 ниж. чин. убитыми и 14 ранеными. Въ половинѣ февраля генералъ Хрулевъ зажегъ калеными ядрами флотилію турокъ у Систова и Никополя, послѣ чего приступилъ къ подобной же операціи у Силистріи.

Работая по ночамъ, генералъ Хрулевъ возвелъ къ 20-му февраля рядъ батарей, которыя турки рѣшили было срыть, однако ихъ попытки окончились полной неудачей.

Въ ночь на 21-е наши батареи были исправлены и съ утра открыли огонь по городу.

27-го февраля генераломъ Хрулевымъ были построены батареи для обстрѣла острова Большого Кичу, а 28-го было предпринято и самое наступленіе въ цѣляхъ очищенія острова, не имѣвшее однако успѣха, въ виду исчезновенія ранѣе существовавшаго брода.

На нижнемъ Дунаѣ между тѣмъ шли дѣятельныя приготовленія къ переправѣ. Находившіяся тамъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса 25 т. войскъ еще съ ноября 1853 года располагались слѣдующимъ образомъ: 1) у Браилова стояло 6,200 человѣкъ при 14 орудіяхъ, 2) у Галаца—2,800 ч. при 6 ор., 3) у Рени 5,200 человѣкъ и 16 ор., 4) у Сатунова до 3,500 ч. съ 8 орудіями и 5) у Измаила до 7 тысячъ съ 8 орудіями.

Желая ознакомиться съ мѣстностью, предназначавшеюся для переправы, ген. Лидерсъ произвелъ въ теченіе зимы рядъ рекогносцировокъ.

8-го декабря турки произвели попытку вытѣснить оставленный нами на островѣ Бындоѣ небольшой отрядъ, но успѣха не имѣли.

Отказавшись затѣмъ временно отъ покушеній противъ нашихъ войскъ, турки принялись за постройку батарей на правомъ берегу Дуная.

Въ концѣ января войска 5 пѣх. корпуса были смѣнены 7 пѣх. дивизіею подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ушакова, а на генерала Лидерса, передвинутаго въ восточную Валахію, было возложено охраненіе пространства вверхъ по Дунаю до Бордушанъ включительно и по рѣкѣ Яломницѣ до Сарацены.

Сообразно этому, ген. Лидерсъ расположилъ свои войска у Галаца, Браилова, Слободзеи и въ окрестностяхъ. Имѣя цѣлью уничтожить турецкія работы по охраненію входа въ Мачинскій рукавъ, ген. Лидерсъ построилъ новую сильную батарею на островѣ Бындоѣ, открывшую 11-го февраля огонь и заставившую замолчать отвѣчавшую вначалѣ турецкую артиллерію. 18-го февраля генералъ Лидерсъ перевелъ, необходимую для будущей переправы, часть флотиліи въ Браиловъ, введя турокъ въ заблужденіе демонстраціей.

Къ началу марта приготовленія къ устройству переправы ген. Лидерсомъ были закончены и предстояло только перейти къ выполненію самой операціи.

4. Переправа черезъ Дунай. Опасенія кн. Паскевича. Осада Силистріи; снятіе осады. Отступленіе арміи кн. Горчакова къ русской границѣ.

Между тѣмъ, Государь, озабоченный положеніемъ нашей Дунайской арміи, велъ со своими приближенными обширную переписку относительно плана кампаніи на 1854 годъ. Переписка эта свелась, въ концѣ концовъ, къ тому, что Николай Павловичъ призналъ необходимымъ оставаться въ оборонительномъ положеніи въ Малой Валахіи, перейти возможно скорѣй Дунай въ его низовьяхъ, овладѣть малыми крѣпостцами Исакчей, Тульчей и Гирсовымъ и немедленно приступить къ осадѣ Силистріи, чтобы въ ней пріобрѣсти твердый пунктъ на лѣвомъ флангѣ, а затѣмъ, поднявъ вверхъ по рѣкѣ нашу флотилію, прибѣгнуть къ осадѣ Рущука.

Однако, назначенный 21-го февраля новый главнокомандующій всѣми вооруженными силами на западной и южной границахъ, кн. Варшавскій былъ преисполненъ опасеній нападенія со стороны Австріи, которая могла угрожать нашей коммуникаціи въ Валахіи. Онъ не вѣрилъ въ цѣлесообразность переправы черезъ Дунай и въ рядѣ писемъ вливалъ сомнѣніе въ душу и безъ того не обладавшаго особой рѣшительностью князя Михаила Дмитріевича Горчакова, на плечи котораго должна была лечь вся тяжесть производства переправы, приготовленія къ которой въ концѣ февраля были уже на исходѣ. Самую операцію переправы рѣшено было произвести въ началѣ марта въ трехъ пунктахъ, съ цѣлью развлечь вниманіе турокъ: въ Браиловѣ, въ Галацѣ и въ Измаилѣ; на всемъ же остальномъ, занимаемомъ нами, пространствѣ Дуная предполагалось продолжать производство демонстрацій.

Переправа въ трехъ пунктахъ хотя и разобщала наши силы и требовала устройства двухъ мостовъ у Браилова и Галаца, но зато, помимо развлеченія вниманія турокъ, давала намъ возможность зайти въ тылъ туркамъ, занимавшимъ Мачинъ, атакованнымъ кромѣ того со стороны Браилова, другою частью нашихъ силъ, направленныхъ отъ Галаца на Гарвань. Въ первыхъ числахъ марта въ Браиловѣ, подъ непосредственнымъ начальствомъ кн. Горчакова, сосредоточилось 12¼ бат., 7 эск., 5 сот., 52 ор. и понтонный паркъ; въ Галацѣ, подъ командой генералъ-адъютанта Лидерса — 24¼ бат., 8 эск., 6 каз. сот. и 64 ор.; въ Измаилѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ушакова — 14 бат., 16 эск., 6 сот. и 50 орудій. При этихъ войскахъ, достигавшихъ численностью 45 тыс. человѣкъ, состояли два парохода «Прутъ» и «Ординарецъ» и нѣсколько канонерскихъ лодокъ. Для содѣйствія переправѣ у Браилова на лѣвомъ берегу Дуная были сооружены 4 батареи и двѣ на островѣ Бындоѣ. Мѣстами для переправы были избраны Браиловъ и Галацъ въ виду того, что часто раздѣляющійся на нѣсколько рукавовъ Дунай соединяется между этими городами въ одно русло. Это обстоятельство, при условіи командованія лѣваго берега, представляло намъ удобство обстрѣла противоположной стороны, особенно у Браилова, гдѣ образуемый Дунаемъ и Мачинскимъ рукавомъ входящій уголъ могъ нами обстрѣливаться сосредоточеннымъ огнемъ. Переправа немного выше Измаила была избрана на узкомъ мѣстѣ Дуная, гдѣ берегъ, заросшій густымъ камышомъ, могъ скрыть сосредоточеніе войскъ. Для обезпеченія себя отъ нападенія съ моря нашей флотиліи было поручено заградить рукава Дуная и соорудить необходимыя батареи.

Въ намѣченныхъ пунктахъ собраны были пловучія средства и матеріалъ для устройства мостовъ. Предположенную на 10-е марта переправу, въ виду бурной погоды и утомленія войскъ, перенесли на 11-е.

8-го марта, въ цѣляхъ демонстраціи, полковникъ Зуровъ, съ отрядомъ изъ 2 бат., дивизіона уланъ и 10 орудій, развелъ на пространствѣ 30 верстъ противъ Гирсова огни, игралъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ зорю и сосредоточилъ передъ турецкими батареями до 350 лодокъ. На другой день усиленной канонадой этого отряда были нанесены значительныя потери и разрушенія турецкимъ батареямъ.

10-го съ 4-хъ часовъ дня началась канонада у Браилова, смолкнувшая лишь съ наступленіемъ темноты. 11-го утромъ турки не отвѣчали на нашъ

На бастіонѣ.

Съ карт. В. Маковскаго.

П. С. Нахимовъ 5-го октября на батареѣ.

Съ карт. И. Прянишникова.

огонь, тоже скоро прекратившійся. Въ 4 часа дня, вслѣдъ за приказаніемъ начать переправу, канонада снова разгорѣлась. Немедленно же отъ лѣваго берега отчалила флотилія съ 3 батальонами Замосцскаго егерскаго полка, двумя ротами 3-го сапернаго батальона, 4 орудіями легкой № 8 батареи и 50 казаковъ, подъ общею командой начальника штаба Дунайской арміи генералъ-адъютанта Коцебу. Спустившись отъ пристани у Карантина внизъ по Дунаю, десантъ, необстрѣливаемый турками, высадился у пристани Гичети и немедленно разсыпалъ цѣпь застрѣльщиковъ, двинувшуюся съ окончаніемъ высадки къ Мачину. Турокъ нигдѣ на пути видно не было. Только когда генералъ-маіоръ Бутурлинъ съ нѣсколькими греческими волонтерами взошелъ на оставленную непріятелемъ влѣво отъ дороги батарею, скрывавшіеся позади въ траншеяхъ турки открыли сильный штуцерный огонь, на который наша цѣпь стала отвѣчать. Замѣтивъ съ нашей стороны приготовленія къ наводкѣ черезъ Дунай моста, турки открыли огонь изъ главной береговой батареи по мѣсту его постановки.

Въ это время наши батареи на островѣ Бындоѣ и артиллерія десанта генерала Коцебу открыли огонь по ближайшимъ турецкимъ батареямъ, а саперы принялись трасировать предмостное укрѣпленіе. Турецкая батарея безпрерывно вела огонь по мосту, войскамъ и по рабочимъ на предмостномъ укрѣпленіи.

Однако, уже спустя 2 часа послѣ начала переправы, десантъ нашъ былъ усиленъ двумя батальонами Люблинскаго полка, а ночью были перевезены 2 орудія легкой № 8 батареи. Тревожное положеніе отряда генерала Коцебу сильно облегчилось, когда въ ночь на 12-е турки, очистивъ батареи, стали отходить къ Мачину. Поддержанный утромъ 12-го числа еще 2 батальонами Люблинцевъ, десантъ выдвинулъ впередъ цѣпь постовъ и занялъ покинутыя непріятелемъ батареи. Наводка же черезъ Дунай моста шла очень медленно. Вѣтеръ и сильное теченіе сносили мостовыя суда, на помощь которымъ пришли канонерскія лодки, первоначально поддерживавшія своимъ огнемъ высадку десанта, и пароходъ «Прутъ».

По этимъ же причинамъ въ отрядѣ генералъ-адъютанта Лидерса, несмотря на самоотверженную работу саперъ, мостъ у Галаца, начатый постройкой вечеромъ 10-го, былъ готовъ только въ 5 часовъ утра 13-го марта.

Между тѣмъ, уже 11-го съ разсвѣтомъ, пароходъ «Ординарецъ», вооруженный 6 единорогами и имѣя на борту генералъ-адъютанта Лидерса и команду штуцерныхъ, подошелъ къ правому берегу Дуная и своимъ огнемъ прикрылъ высадку охотниковъ и казаковъ, одновременно переправлявшихся на Кирлашахъ. Въ теченіе 11-го марта большая часть пѣхоты была уже перевезена на непріятельскій берегъ, а небольшой передовой отрядъ, послѣ перестрѣлки съ турецкой конницей, занялъ селеніе Азаклы. На другой день авангардъ войскъ генер.-адъют. Лидерса, подъ командой генер.-лейт. Гротенгельма, двинулся по дорогѣ къ Гарвану. 12-го перевозились на судахъ главныя силы, а 13-го по готовому уже мосту перешли Дунай обозы. Занявъ Гарванъ, авангардъ генер.-лейт. Гротенгельма установилъ сообщеніе съ Браиловскимъ отрядомъ, двигавшимся къ Мачину, а 14-го и главныя силы войскъ генерала Лидерса сосредоточились къ Гарвану.

Получивъ извѣстіе, что турки очистили г. Мачинъ и двинулись по дорогѣ на Гирсово, кн. Горчаковъ въ 7 час. утра 13-го переправилъ на судахъ на правый берегъ Дуная остальные батальоны, а въ $8^1/_2$ час., когда готовъ былъ мостъ, и конницу, и съ частью силъ направился къ Мачину. Такъ, сравнительно безъ затрудненій и при небольшихъ потеряхъ (ранены у Браилова 2 генерала, 1 оф. и 36 нижн. чин. и 6 нижн. чиновъ убито), совершился переходъ черезъ Дунай у Браилова и у Галаца.

Тяжелѣе досталось отряду генер.-лейт. Ушакова. Переправа (на собранныхъ 147 лодкахъ и 4 паромахъ) была намѣчена въ узкомъ мѣстѣ Сулинскаго рукава, гдѣ береговой тростникъ могъ скрыть сосредоточеніе войскъ. 10-го отрядъ генерала Ушакова сосредоточился на островѣ Четалѣ, а гусарскіе—Маріупольскій и Бѣлорусскій полки и обозъ, находившіеся въ Измаилѣ, должны были подойти къ мѣсту переправы 11-го утромъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е суда Дунайской флотиліи заняли позиціи противъ турецкихъ батарей, а вся наша артиллерія расположилась вдоль берега, имѣя штуцерныхъ между орудіями. Пѣхота же стала позади. Съ ранняго утра 11-го началась сильная артиллерійская канонада. Къ 10 часамъ утра огонь турецкихъ батарей былъ сильно ослабленъ, и генералъ Ушаковъ нашелъ своевременнымъ начать переправу. Десантныя суда, укрывавшіяся до этого за судами флотиліи, были переведены лейтенантомъ Степановымъ сначала бичевой, а потомъ на веслахъ, несмотря на учащенный огонь турецкихъ орудій, къ мѣсту посадки и вторые батальоны Могилевскаго и Полоцкаго егерскаго полковъ къ полудню съ 4 орудіями высадились безъ выстрѣла на непріятельскій берегъ. За первымъ эшелономъ постепенно была переведена вся остальная пѣхота и легкая артиллерія. Устроившіеся на правомъ берегу 2 Могилевскихъ батальона двинулись вправо для наблюденія за береговыми турецкими батареями, а Полоцкій егерскій полкъ съ 4 орудіями направился къ Сомову-гирлу.

Опредѣливъ мѣсто нашей переправы, непріятель началъ собирать на высотахъ Старой-Тульчи и въ камышахъ около Сомова-гирла свои войска, поставивъ 8 орудій на скатѣ горы. Энергично наступавшіе подъ командой генералъ-маіора Копьева, Полоцкіе егеря опрокинули турокъ за Сомово-гирло и захватили мостъ. Съ цѣлью обезпечить свой правый флангъ, генералъ Ушаковъ приказалъ Могилевцамъ взять береговыя батареи. Послѣ захвата легко доставшагося намъ ближайшаго турецкаго редута, Могилевцы, наступавшіе въ полубатальонныхъ колоннахъ, были встрѣчены картечью и сильнѣйшимъ штуцернымъ огнемъ.

Потерявъ старшихъ начальниковъ, батальоны остановились. Перестроенные въ ротныя колонны и двинутые на штурмъ, Могилевцы уже почти взобрались на валы, но были отбиты. Занявъ рвы и укрѣпившись за ближайшими деревьями, атакующіе батальоны завязали перестрѣлку съ непріятелемъ, въ то время какъ 4 орудія 2-ой легкой батареи открыли огонь картечью. Слѣдившій за атакой Могилевскихъ батальоновъ, генералъ Ушаковъ поддержалъ ихъ тремя батальонами Смоленскаго полка.

Увлекая за собой Могилевцевъ, 3-й и 4-й бат. Смоленцевъ ворвались въ турецкое укрѣпленіе и, осѣняемые святымъ крестомъ, поднятымъ свя-

щенникомъ Могилевскаго полка Пятибоковымъ, овладѣли главнымъ валомъ. Новый сильнѣйшій картечный и штуцерный огонь засѣвшихъ въ редутахъ турокъ сталъ вырывать большія жертвы изъ рядовъ штурмующихъ, но въ это время второй батальонъ Смоленцевъ съ другой стороны ворвался въ редутъ, гарнизонъ котораго послѣ этого былъ переколотъ. Затѣмъ взятіе послѣдняго ретраншамента прекратило бой около $9^1/_2$ час. вечера.

Овладѣніе береговыми батареями повлекло за собой отступленіе турокъ изъ Тульчи и Исакчи къ Бабадагу. У насъ было выведено изъ строя 24 офицера и 725 челов. нижн. чин. Искусно соображенная и успѣшно выполненная переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай требовала, казалось, развитія дальнѣйшихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Но, сдерживаемый инструкціями новаго главнокомандующаго, князь Горчаковъ не предполагалъ двигаться далѣе Мачина.

Однако, полученное 15-го марта извѣстіе объ оставленіи турками Гирсова соблазнило князя быстро занять этотъ пунктъ, удобный для переправы. Онъ разрѣшилъ захватить его полковнику Зурову, а затѣмъ двинулъ туда и генералъ-адъютанта Лидерса со всѣми перешедшими Дунай войсками, кромѣ отряда генер.-лейтен. Ушакова, расположившаго 18-го марта свой авангардъ у Фрикоча, а главныя силы у Бабадага. Выступивъ 11-го, генералъ Лидерсъ оставилъ въ Мачинѣ 2 бат., 8 ор. и 1 сот. каз., а 20-го сосредоточилъ у занятаго уже донскими казаками Гирсова всѣ свои силы.

Но дальнѣйшее наступленіе къ Силистріи, благодаря угрожающему положенію Австріи, задержалось. Боясь отвѣтственности, нерѣшительный князь Горчаковъ заколебался, а тѣмъ временемъ 3-го апрѣля въ Фокшаны прибылъ фельдмаршалъ кн. Варшавскій. Какъ на бѣду, первымъ извѣстіемъ, которое онъ тамъ получилъ, было сообщеніе изъ Вѣны объ угрожающемъ положеніи, принимаемомъ Австріей. На воспаленное воображеніе Паскевича извѣстіе это произвело удручающее впечатлѣніе. Онъ немедленно же отозвалъ изъ Сербіи нашего агента Фонтона и приказалъ генералу Липранди отойти къ Краіову, разсчитывая такими мѣрами умиротворить Австрію.

Въ то же время для успокоенія Государя фельдмаршалъ дѣлалъ видъ о намѣреніи энергично дѣйствовать подъ Силистріей, приказавъ пододвинуть туда осадную артиллерію и вызвавъ генерала Коцебу въ Каларашъ. Собственно этимъ и кончились, сдѣланныя лишь для успокоенія Государя, приготовленія къ активнымъ дѣйствіямъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Объѣхавъ низовья Дуная, князь Варшавскій прибылъ въ Бухарестъ, откуда 16-го апрѣля отправилъ всеподданѣйшую записку о положеніи дѣлъ на театрѣ войны. Фельдмаршалъ считалъ нижній Дунай ключемъ нашей оборонительной позиціи, такъ какъ непріятель, ворвавшись въ гирла рѣки, могъ привести туда всю свою армію и дѣйствовать на Дунаѣ, имѣя сообщеніе съ моремъ. Крѣпость Измаилъ находилъ слабой, а потому низовья Дуная беззащитными. Считая, что французы высадятъ въ Константинополѣ или Бальчикѣ 30—40 т. своихъ войскъ, фельдмаршалъ полагалъ, что они легко могутъ соединиться съ 70—80 тыс. турокъ и, такимъ образомъ, имѣть въ кулакѣ до 100 тыс. человѣкъ. Съ такой арміей союзники, по мнѣнію Паскевича, могли раздавить

у Гирсова небольшой сравнительно отрядъ генерала Лидерса и въ нѣсколько переходовъ быть въ Браиловѣ, гдѣ могли захватить милліонъ четвертей хлѣба. Если же одновременно съ этимъ Австрійцы, объявивъ намъ войну, будутъ угрожать и нашему правому флангу и тылу, то положеніе нашей арміи было бы такъ затруднительно, что мы принуждены были бы бѣжать изъ княжествъ и пробиваться сквозь окружающаго насъ непріятеля. «Въ предупрежденіе столь тяжелаго положенія», писалъ фельдмаршалъ, «благоразуміе требовало бы теперь же оставить Дунай и княжества и стать въ другой позиціи, гдѣ мы можемъ быть такъ же сильны, какъ теперь слабы на Дунаѣ». Позиція должна быть за Серетомъ, даже за Прутомъ.

Но до полученія разрѣшенія исполнить свое желаніе отойти за Серетъ и даже за Прутъ, фельдмаршалъ считалъ необходимымъ сдѣлать обозначенное движеніе къ Силистріи, во исполненіе воли Государя, требовавшаго энергичныхъ дѣйствій. Съ этой цѣлью три батальона изъ отряда генерала Ушакова были направлены въ отрядъ генерала Лидерса, который долженъ былъ ихъ оставить въ Гирсовскомъ предмостномъ укрѣпленіи, а самъ 18-го апрѣля выступилъ въ Черноводы. Спустя 10 дней, отрядъ генерала Лидерса былъ двинутъ вверхъ по Дунаю, и лишь 4-го мая, т.-е. спустя почти 2 мѣсяца послѣ переправы черезъ Дунай, наши войска подошли къ Силистріи.

Первоначальное распоряженіе князя Варшавскаго объ отходѣ Мало-Валахскаго отряда къ Краіову было впослѣдствіи дополнено требованіемъ отходить за р. Ольту для сближенія съ Бухарестомъ.

Несмотря на то, что все, повидимому, говорило, что непріятель уменьшаетъ свои силы на лѣвомъ флангѣ,—Липранди былъ оттянутъ.

Противникъ съ фронта преслѣдовалъ насъ очень слабо, и осторожными своими дѣйствіями не давалъ нашему отряду случая разбить его въ открытомъ полѣ. Не рѣшаясь нападать на русскихъ съ фронта, турки задумали двинуться отъ Никополя на Турно, но это движеніе закончилось потерею турокъ въ 800 чел. и 123 чел. взято въ плѣнъ; наши потери составили убитыми 18 н. чин., ранеными 2 оф. и 58 н. ч.

Тѣмъ временемъ, отрядъ генерала Липранди, остававшійся въ Краіовѣ, все постепенно уменьшался распоряженіями свыше. Кромѣ уже отобранной 10 пѣх. дивизіи съ ея артиллеріей (1 бригада для усиленія резерва Паскевича, Екатеринбургскій полкъ въ Бухарестѣ, Тобольскій въ Турно) ему было приказано отправить 1 бригаду 12 пѣх. дивизіи съ 2 батар. въ Текучъ, Бугскихъ уланъ въ с. Дорешти и оставаться въ Краіовѣ съ 2 бригадой 12 дивизіи, 2 батареями, 2 бригадой 5 легкой кав. дивизіи, конно-легкой батарей и 2 казачьимъ полкомъ.

19-го апрѣля выдвинувшаяся впередъ къ Радовану регулярная турецкая конница была съ успѣхомъ атакована казаками генерала Липранди, а произведенная на другой день развѣдка у Калафата выяснила, что турки въ числѣ 15 т. ч. вышли изъ укрѣпленнаго лагеря и расположились у Быйлешти.

Это извѣстіе вызвало со стороны главнокомандующаго новую группировку Мало-Валахскаго отряда. Генералу Липранди было предписано отойти на лѣвый берегъ рѣки Ольты съ такимъ расчетомъ, чтобы быть въ Слатинѣ 3 мая съ 3 полками 12-й дивизіи и прочими частями отряда, выдѣливъ 4 полкъ

съ батареей и 2 сотнями къ Руссе-де-веде для поддержки отряда, расположеннаго въ Турно, и для связи этого отряда съ отрядомъ генерала Липранди. 3-го мая Мало-Валахскій отрядъ благополучно достигъ Слатина и занялъ набюдательными постами все теченіе рѣки Ольты отъ Рымника до Турно.

По собраннымъ генераломъ Липранди свѣдѣніямъ турки имѣли въ Радованѣ 3 т. конницы съ 6 к. ор., съ передовымъ отрядомъ у с. Подати; въ Быйлешти 3 бат. съ 6 ор., а главныя силы (около 10 тыс.) вновь отошли въ Калафатъ. Казалось, эти свѣдѣнія, въ связи съ имѣющимися данными объ уходѣ въ горы части турецкихъ гарнизоновъ изъ Рахова и Никополя, могли служить достаточнымъ доказательствомъ того, что турки не предполагаютъ развивать никакихъ активныхъ дѣйствій на нашемъ правомъ флангѣ.

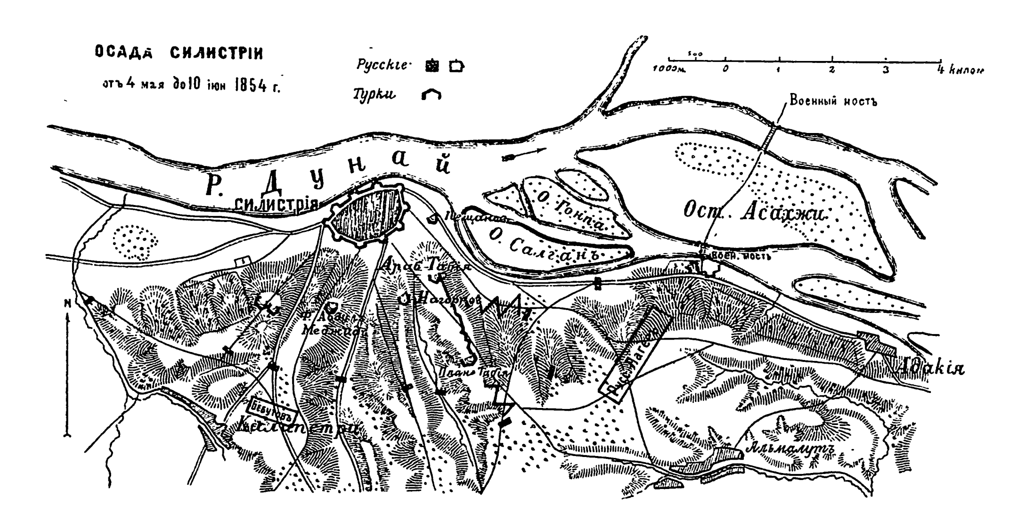
Рѣшившись, наконецъ, приступить къ осадѣ Силистріи, фельдмаршалъ приказалъ, уѣзжая въ Калярашъ, объединить въ рукахъ ген. Даненберга командованіе всѣми войсками, расположенными въ княжествѣ Валахія.

Крѣпость Силистрія служила для турокъ опорнымъ пунктомъ нижняго Дуная и прикрывала кратчайшій путь отъ этой рѣки къ Константинополю. Расположена она на низменномъ мысѣ праваго берега Дуная, ниже котораго рѣка образуетъ рядъ мелкихъ болотистыхъ острововъ. Ядро крѣпости состояло изъ 10 небольшихъ бастіоновъ съ короткими фланками, соединенными куртинами отъ 150 до 200 саж. длиною. Общее протяженіе ограды, состоявшей изъ вала со рвомъ, достигало 4 верстъ. Сила крѣпости базировалась, главнымъ образомъ, на фортахъ, сооруженныхъ на окружающихъ городъ высотахъ въ разстояніи 700—1200 саженей отъ главнаго вала. Кромѣ форта Абдулъ-Меджидъ, имѣвшаго ровъ съ каменной одеждой и казематированный редюитъ, всѣ прочіе форты были земляные. На юго-востокѣ, далеко впередъ, былъ выдвинутъ фортъ Арабъ-Табія, который занималъ командующую надъ крѣпостью высоту. Этотъ открытый съ горжи фортъ, сыгравшій столь видную роль при оборонѣ Силистріи, въ апрѣлѣ только строился и имѣлъ брустверъ не болѣе 3 фут. вышиною, достигшій, однако, во время осады 12 ф. Къ сѣверу отъ Арабъ-Табія были сооружены укрѣпленія Еланли-Табія, Дейрменъ-Табія, а на высотѣ между Арабъ-Табія и Абдулъ-Меджидъ—промежуточное укрѣпленіе Орбу-Табія; правѣе и нѣсколько впереди укрѣпленія Абдулъ-Меджидъ были расположены люнеты Кучукъ-Мустафа и Кяхья-Табія. Береговой фронтъ главнаго вала на флангахъ имѣлъ 2 батареи. Гарнизонъ крѣпости въ началѣ мая состоялъ изъ 16 т. чел., а на вооруженіи было отъ 50 до 120 орудій. Обезпеченная продовольствіемъ на годъ, крѣпость имѣла комендантомъ энергичнаго Мусса-пашу, реорганизатора турецкой артиллеріи.

Ко времени начала осады Силистріи кн. Варшавскій имѣлъ сосредоточеннымъ у этой крѣпости 56 бат., 30 эск., 15 сот., 192 полевыхъ, 52 осадныхъ орудія, 2 парохода, отрядъ канонерскихъ лодокъ, три артиллерійскихъ парка, осадный инженерный и понтонный парки, общей численностью до 65 т. чел. Большая часть этихъ силъ (пришедшій изъ Черноводъ отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса) была расположена на высотахъ, прикрывавшихъ

голову моста через Дунай, фронтомъ на югъ и юго-западъ и предназначалась для отраженія арміи Омера-паши, если бы таковая атаковала насъ со стороны Шумлы. Избранная позиція прикрывалась съ юга Алмалуйскимъ, а съ юго-запада нѣсколькими другими оврагами. 8-я пѣхотная дивизія, предназначавшаяся для дѣйствій противъ крѣпости, расположилась, перейдя на правый берегъ Дуная, фронтомъ къ Силистріи, между рѣкой и правымъ флангомъ отряда генерала Лидерса.

Острова Салганъ и Гола были заняты Камчатскимъ егерскимъ полкомъ, островъ Голый—Вознесенскимъ уланскимъ полкомъ, а Кременчугскій егерскій полкъ съ легкой батареей стоялъ у моста черезъ р. Борчъ, за которой были сосредоточены парки и госпиталя. Единственное сообщеніе праваго берега Дуная съ Калarашемъ производилось черезъ болотистый островъ Голый

и р. Борчъ, при чемъ за мостами на Дунаѣ необходимо было слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ, въ виду наступающаго времени періодическаго подъема воды въ рѣкѣ.

4-го мая наша артиллерія удачно обстрѣливала сѣв.-восточн. уголъ крѣпости—бастіонъ Ченгель, а 5-го вечеромъ для обстрѣливанія этого же бастіона были сооружены батареи на островѣ Салганѣ. На слѣдующую ночь была заложена первая параллель въ разстояніи 700 саж. отъ Арабскаго форта и въ $2^1/_2$ верст. отъ главнаго вала.

Воспользовавшись тѣмъ, что крѣпость съ западной стороны обложена не была, турки 8-го мая ввели въ Силистрію подкрѣпленіе въ 5 батальоновъ съ 6 орудіями.

Въ ночь на 9-е начаты были работы по устройству 2-й параллели въ разстояніи 350 саж. отъ форта Арабъ-Табія. Дѣятельно производившимися осадными работами руководилъ генералъ-адъютантъ Шильдеръ, имѣя однимъ изъ помощниковъ подполковника Тотлебена—будущаго героя Севастополя.

При небольшихъ потеряхъ въ людяхъ осадныя работы продолжались до 16-го мая, когда было рѣшено заложить противъ Арабъ-Табія участокъ третьей параллели въ разстояніи 80 саженей отъ бастіона.

15-го мая начальствованіе войсками въ траншеяхъ было объединено въ лицѣ начальника 8-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Сельвана, въ помощь которому были назначены генералы Веселитскій, кн. Урусовъ и полковникъ графъ Опперманъ. Опасенія кн. Варшавскимъ наступленія союзниковъ вызвали сформированіе особаго рекогносцировочнаго отряда подъ начальствомъ князя Бебутова, въ составѣ 4 бат., 6 эск., 1 пѣшей и 1 конной батареи.

Между тѣмъ, въ ночь на 17-е подъ Силистріей случайно для насъ разыгрался высоко драматическій эпизодъ.

Съ наступленіемъ темноты съ нашей стороны начались по обыкновенію осадныя работы, при этомъ, въ виду неоднократныхъ вылазокъ турокъ, мы начали въ послѣдніе дни ставить за нашимъ лѣвымъ флангомъ особый дежурный резервъ, независимо отъ траншейнаго караула и его резервовъ. Въ описываемую ночь за лѣвымъ флангомъ былъ поставленъ отрядъ, въ составѣ 2 бат., 6 пѣш. ор., 2 эск., 1 с. и 4 к. ор., подъ начальствомъ гвардейской конной артиллеріи полковника Костанда. Кромѣ того, генералъ Сельванъ приказалъ командиру 2 бригады его дивизіи, генералу Попову, если онъ услышитъ ночью сильную стрѣльбу въ траншеяхъ, выстроить свою бригаду и быть готовымъ къ немедленному движенію на помощь. Это распоряженіе, повидимому, было вызвано опасностью работъ, производимыхъ уже на близкомъ разстояніи отъ непріятельскаго укрѣпленія, а также проявленными уже турками энергіей и активностью въ оборонѣ крѣпости.

Около полуночи турки вышли изъ рытвины, находившейся на правомъ флангѣ Арабъ-Табіи и подъ покровительствомъ сильнаго огня съ форта, двинулись противъ нашихъ работъ лѣваго фланга. Генералъ Веселитскій легко отбилъ эту атаку двумя, находившимися въ его рукахъ, батальонами. Вслѣдъ за вылазкой на лѣвомъ флангѣ послѣдовала таковая же на правомъ, также скоро отбитая.

Между тѣмъ, фортъ Арабъ-Табія замеръ и не открывалъ огня. Окружавшіе слабохарактернаго генерала Сельвана адъютанты фельдмаршала убѣдили его атаковать, повидимому, покинутый турками, фортъ. Войска, назначенныя для штурма, выстроились въ одну линію въ колоннахъ къ атакѣ, тыломъ къ нашимъ траншеямъ, отстоявшимъ отъ турецкаго форта шаговъ на триста. На правомъ флангѣ сталъ 3-й батальонъ Алексопольскаго полка, въ центрѣ 3-й батальонъ Полтавскаго полка и на лѣвомъ флангѣ 3-й батальонъ Замосцскаго полка изъ отряда полковника Костанда. Батальоны Алексопольскій и Полтавскій должны были наступать уступомъ справа, а Замосцскій батальонъ дѣйствовать по усмотрѣнію полковника Костанда. Генералу Попову съ резервомъ приказано было слѣдовать на помощь. Двинувшіяся съ барабаннымъ боемъ на штурмъ войска заставили встрепенуться все еще молчавшихъ турокъ, которые теперь встрѣтили наши колонны убійственнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Безостановочно продвигавшіяся штурмующія части скоро опустились въ 12-футовой глубины ровъ и, несмотря на то, что никакихъ приспособленій для облегченія эскаладированія укрѣпленія съ собой взято не было, черезъ $^1/_4$ часа всѣ амбразуры съ орудіями были въ нашихъ рукахъ, и внутри Арабскаго форта завя-

залась борьба не на жизнь, а на смерть. Атака русскихъ дошла, по свидѣтельству Омера-паши, до такого предѣла, когда обыкновенно всякое сопротивленіе со стороны гарнизона прекращается. И побѣда была безусловно въ нашихъ рукахъ, тѣмъ болѣе, что еще четыре батальона резерва генерала Попова торопились къ мѣсту схватки.

Но въ это время гдѣ-то раздался сигналъ отбоя. Никто на него не обратилъ вниманія, кромѣ генерала Веселитскаго, который старался узнать, кто далъ отбой. Ничего не узнавши, не найдя старшаго начальника, генерала Сельвана, Веселитскій отдалъ приказъ трубить отбой, который раздался вскорѣ властнымъ звукомъ по всему фронту. Но войска не слушались отбоя и не хотѣли уступать завоеваннаго. Пришлось прибѣгнуть къ настойчивымъ приказаніямъ, послѣ которыхъ только войска отошли, переправившись съ большими потерями черезъ ровъ и понеся при отступленіи большія потери. Генералъ Сельванъ погибъ во время штурма, Веселитскій и Костанда были ранены.

Но отступленіемъ въ траншеи трехъ батальоновъ, первоначально штурмовавшихъ Арабское укрѣпленіе, еще не окончилось кровавое дѣло этой ночи. Въ моментъ отступленія къ мѣсту свалки подходилъ резервъ генерала Попова. Не войдя въ связь съ бывшими впереди начальниками, не разузнавъ положенія дѣла и не получивъ никакихъ приказаній, Поповъ повелъ въ атаку свой резервъ, преимущественно направляя его въ охватъ Арабскаго форта. И, лишь понеся большія потери и убѣдившись, что войска Веселитскаго и Костанда отошли назадъ, четыре батальона Попова также повернули обратно.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли убитыми и ранеными 2 генераловъ, 25 офицеровъ и 911 нижнихъ чиновъ. Турки опредѣляютъ свои потери въ 100 человѣкъ.

Такъ кончился этотъ «безсмысленный и безпорядочный», по словамъ генерала Коцебу, штурмъ, придавшій бодрости обороняющемуся и задержавшій ходъ работъ атакующаго.

Осадныя работы послѣ Сельванскаго штурма продолжались въ прежнемъ направленіи, при чемъ главное вниманіе обращалось на подходъ къ Арабъ-Табія. Въ ночь на 19-е заложенная еще 16-го числа траншея была продолжена тихою сапою. 21-го мая она подошла къ форту на 18 саженей. Для того, чтобы имѣть возможность вести дальше эту работу съ наименьшими потерями, въ этотъ день вечеромъ пространство земли между оконечностью траншеи и оврагомъ, проходившимъ подлѣ турецкаго укрѣпленія, было взорвано, а воронки взрыва коронованы турами. Непріятель открылъ огонь со всѣхъ батарей и произвелъ вылазку, но былъ съ урономъ отбитъ.

Въ эти дни Силистрійскій гарнизонъ понесъ большую утрату въ лицѣ энергичнаго коменданта Мусса-паши, который былъ убитъ осколкомъ бомбы у себя на квартирѣ во время молитвы. Замѣстителемъ его явился Гуссейнъ-паша, бывшій комендантомъ Арабъ-Табія.

Не рѣшаясь, изъ-за боязни растянуть блокадный корпусъ, на полное обложеніе крѣпости, кн. Варшавскій выдвинулъ на сообщенія Силистріи съ Шумлою особый отрядъ генералъ-лейтенанта Хрулева. 28-го мая подъ личнымъ

начальствомъ фельдмаршала съ цѣлью «обозрѣнія отдѣльныхъ непріятельскихъ укрѣпленій и расположенія турецкихъ войскъ и, вмѣстѣ съ симъ, съ намѣреніемъ показать непріятелю значительность нашихъ силъ, а главное показать войскамъ нашимъ, какимъ образомъ маневрировать и устраиваться въ виду непріятеля», было произведено наступленіе къ Силистріи отряда въ составѣ 31 бат., 32 эск. и 8 каз. сот., 16 пѣш. и 2-хъ конныхъ орудій. Во время этой рекогносцировки одно ядро упало около лошади Паскевича и онъ былъ контуженъ. Оставшись при войскахъ до окончанія перестрѣлки, фельдмаршалъ послѣ этого пересѣлъ въ дрожки и поѣхалъ въ Калarашъ, а войска пошли домой. Во время пути состояніе здоровья Паскевича сильно ухудшилось и онъ вскорѣ, сдавъ командованіе князю Горчакову, оставилъ армію.

1-го іюня въ 5 час. пополудни при осмотрѣ осадныхъ работъ генераломъ Шильдеромъ, ему раздробило правую ногу осколкомъ гранаты, а 11-го іюня, талантливый, обладающій энергіей, вѣрой въ успѣхъ дѣла и необходимымъ военнымъ чутьемъ «душа осады» инженеръ Шильдеръ, вслѣдствіе полученной раны, скончался.

Осмѣлѣвшіе, благодаря послѣднимъ событіямъ, турки послѣ 1-го іюня произвели рядъ вылазокъ, съ успѣхомъ, однако, нами отбитыхъ. 7-го іюня полковникомъ Тотлебеномъ были взорваны, въ $5^1/_2$ час. пополудни, горны подъ гребнемъ бруствера Арабъ-Табія. Дѣйствіе взрывовъ было успѣшно и ими образованъ удобовосходимый обвалъ въ 20 саженей шириною. Наши батареи начали усиленно обстрѣливать внутренность укрѣпленія. Въ ночь съ 8-го на 9-е рѣшено было взять штурмомъ Арабъ-Табія.

Всѣ приготовленія къ штурму были окончены, когда подоспѣло приказаніе остававшагося еще въ ямѣ кн. Варшавскаго: немедленно снять осаду и перейти на лѣвую сторону Дуная. Приказаніе это было вызвано тѣмъ, что 6-го іюня фельдмаршалъ получилъ письмо Государя отъ 1-го іюня съ условнымъ согласіемъ на снятіе осады и въ ту же минуту отправилъ со своимъ адъютантомъ графомъ Протасовымъ предписаніе князю Горчакову о снятіи осады, мотивированное скорымъ подходомъ къ Силистріи союзной арміи и готовностью Австріи начать военныя дѣйствія въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Уныло встрѣтили войска вѣсть объ отходѣ. Вся осада стоила намъ убитыми 6 офицеровъ и 530 нижнихъ чиновъ и ранеными 62 офицера и 1925 нижнихъ чиновъ.

Сдѣлавъ 9-го и 10-го необходимыя приготовленія, 11-го наши войска стали переходить Дунай. 12-го съ ранняго утра было приступлено къ разводкѣ ближайшихъ мостовъ, а 15-го всѣ мосты и суда спущены къ Измаилу подъ прикрытіемъ пароходовъ и канонерскихъ лодокъ. Осадная же артиллерія была отправлена сухимъ путемъ.

Перейдя Дунай, наши войска расположились слѣдующимъ образомъ: 2 драгунская дивизія въ Урзичены; отрядъ генерала Лидерса изъ полутора пѣхотныхъ дивизій съ 3 полками кавалеріи въ Калarашѣ; кн. Горчаковъ съ 9 и 10 пѣх. дивизіями и кавалерійской бригадой въ Урзичены. Вверхъ отъ Калараша Дунай охранялся отрядомъ генерала Данненберга, который имѣлъ у Ольтеницы 1 пѣх. полкъ, у Журжи бригаду и 1 полкъ конницы и въ

резервѣ у Бухареста бригаду пѣхоты и кавалерійскій полкъ. Генералу Ушакову было предписано стянуть 15-го числа свой авангардъ къ Бабадагу и все приготовить къ поспѣшному очищенію Тульчинскихъ укрѣпленій, имѣя свои главныя силы у Исакчи. При такомъ распредѣленіи своей арміи кн. Горчаковъ считалъ возможнымъ встрѣтить австрійцевъ у Проешти съ 44 батальонами и 52 эскадронами.

Омеръ-паша, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о снятіи нами осады Силистріи, приказалъ всѣмъ войскамъ, находившимся передъ Шумлою, продвинуться къ Дунаю и направилъ дивизію Гассанъ-паши, силою въ 15—18 тысячъ, къ Рущуку, имѣя цѣлью завладѣть Журжею. Этотъ пунктъ привлекалъ съ самаго начала кампаніи особое вниманіе турецкаго генералиссимуса и первоначально онъ предполагалъ даже устроить въ немъ на лѣвомъ берегу Дуная опорный пунктъ, который долженъ былъ сыграть такую же роль, какъ Калафатъ на лѣвомъ флангѣ турецкаго расположенія. Отличныя дѣйствія генерала Соймонова въ теченіе зимней кампаніи не дали осуществиться предположеніямъ Омера-паши, и теперь, при начавшемся отступленіи русской арміи, онъ вновь обратилъ свое вниманіе на Журжу. Усиленныя работы по постройкѣ тамъ нами новыхъ батарей не смутили турокъ, которые видѣли въ этомъ лишь демонстрацію для облегченія спокойнаго отхода главныхъ силъ князя. Горчакова на Серетъ. Армія Омера-паши до выясненія обстановки сосредоточилась слѣдующимъ образомъ: одинъ корпусъ, силою въ 41 батал., 24 эск. и 60 орудій, подъ начальствомъ Измаила-паши у Силистріи; второй корпусъ, силою въ 39 бат., 12 эск. и 60 орудій, подъ начальствомъ Гассана-паши у Рущука; третій, силою въ 27 бат., 24 эск. и 55 орудій у Гургенли, въ шестичасовомъ переходѣ отъ Шумлы по дорогѣ на Силистрію и, наконецъ, резервъ, силою въ 9 бат., 6 эск. и 18 орудій, оставался въ Шумлѣ. Что касается до армій западныхъ державъ, то въ то время, когда князь Горчаковъ началъ отступательное движеніе къ Урзичени, они еще продолжали сосредоточеніе къ Варнѣ, разсчитывая довершить его къ 1-му іюля нашего стиля. Австрія же попрежнему оставалась въ угрожающемъ положеніи.

Получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи 21-го іюня большихъ турецкихъ силъ у Рущука, кн. Горчаковъ немедля же пододвинулъ изъ Урзичени въ Колентино 11 пѣхотную дивизію, съ ея артиллеріей, 1 бригаду 4-й легкой кавалерійской дивизіи съ конно-легкою № 7 и донскою № 9 батареями и донской казачій № 40 полкъ. 23-го къ Журжѣ прибылъ генералъ Данненбергъ, которому было поручено начальствованіе надъ войсками, обороняющими Дунай выше Туртукая, и, найдя распоряженія генерала Соймонова отвѣчающими положенію вещей, возвратился на другой день въ Бухарестъ.

А между тѣмъ турки съ 23-го по 25-е іюня предприняли серьезную попытку оттѣснить Соймонова отъ Журжи.

Бой имѣлъ самый кровопролитный характеръ; батальоны по нѣсколько разъ ходили въ штыки. Офицеры и нижніе чины дрались съ особымъ ожесточеніемъ. Но они, бросаемые по частямъ, безъ общаго руководства, могли

только грудью своею отстоять прилегающій островъ Радоманъ, не имѣя силъ окончательно столкнуть врага въ Дунай.

Съ наступленіемъ темноты, когда бой затихъ, турки остались владѣть ближайшимъ къ Рущуку берегомъ Радомана. Наши потери въ отрядѣ генерала Соймонова за этотъ день заключались въ 342 человѣка убитыхъ и въ 22 офицерахъ и 653 нижнихъ чинахъ раненыхъ и контуженныхъ. Турки, даже по свидѣтельству ихъ самихъ, потеряли 500 человѣкъ убитыми и свыше 1000 человѣкъ ранеными.

Въ ночь на 26-е во Фратешти прибылъ съ Екатеринославскимъ полкомъ генералъ Данненбергъ, а вслѣдъ за нимъ туда же были направлены три полка 2-й дивизіи и бригада конницы съ княземъ Горчаковымъ. Не увѣдомленный о приближеніи подкрѣпленій, ген. Соймоновъ предполагалъ, что онъ предоставленъ собственнымъ силамъ, и, не считая возможнымъ продолжать отстаивать островъ Радоманъ какъ въ виду сильнаго утомленія войскъ, такъ и въ виду превосходства противника въ числѣ, очистилъ съ наступленіемъ темноты острова, а къ утру и Журжу, отведя свои войска къ Фратешти.

Послѣ Журжинскаго дѣла кн. Горчаковъ получилъ отъ своего двоюроднаго брата кн. А. М. Горчакова, новаго русскаго посла при Австрійскомъ Императорѣ, успокоительныя относительно Австріи сообщенія. Императоръ Францъ-Іосифъ обѣщалъ не вводить свои войска въ Валахію, пока мы будемъ въ ней находиться. Тогда кн. Горчаковъ сталъ опасаться наступленія на Бухарестъ союзниковъ. Поэтому главнокомандующій рѣшилъ сосредоточить всѣ свои силы, кромѣ частей, стоявшихъ противъ Австріи въ Молдавіи и Плоешти, въ центральномъ положеніи у Фратешти, Желавы и у Обилешти, имѣя передовые отряды противъ Туркутая и Силистріи. Находясь въ такомъ положеніи, онъ считалъ возможнымъ встрѣтить союзниковъ съ достаточными силами, если бы они рѣшились вступить въ Валахію. Большая часть войскъ — 43 бат. и 32 эскадрона съ самимъ кн. Горчаковымъ во главѣ, была расположена у Фратешти противъ Журжи, имѣя въ резервѣ у Желавы 16 бат. и 32 орудія; у Обилешти, для прикрытія со стороны Силистріи и Туртукая, былъ сосредоточенъ отрядъ генерала Лидерса, расположенный первоначально у Калараша.

Тѣмъ временемъ турки, не занимая Журжи и Слободзеи, усиленно строили между этими пунктами предмостное укрѣпленіе, и когда 1-го іюля кн. Горчаковъ въ своей постоянной нерѣшительности относительно того, атаковать или не атаковать турокъ, произвелъ усиленную рекогносцировку ихъ расположенія, то непріятель такъ успѣлъ укрѣпиться на лѣвомъ берегу Дуная, что всякая мысль объ атакѣ была отброшена. Приходилось ожидать наступленія союзниковъ (что однако въ ихъ планы не входило), съ одной стороны, а съ другой нельзя было быть увѣреннымъ въ нейтралитетѣ Австріи. Поэтому, простоявъ на избранныхъ позиціяхъ до 14-го іюля, мы начали свой окончательный отходъ за Серетъ и Прутъ.

15-го іюля наши войска выступили къ Бухаресту. 20-го, минуя Бухарестъ, войска достигли с. Марезены, а затѣмъ черезъ Синешти и Кашарени подошли къ Бузео 27-го іюля.Начиная съ 1-го іюля по 16-е, наша главная квартира оставалась въ Фокшанахъ, откуда излишнія тяжести и больные были отправлены въ

Яссы. 25-го іюля въ Бузео прибылъ отрядъ генерала Липранди и оттуда двинулся на Фокшаны къ Бырлату. 30-го іюля отрядъ ген. Лидерса въ составѣ 15 пѣх. дивизіи, 3 стр. бат., трехъ ротъ 5 саперн. бат. и Валахской батареи выступилъ къ Браилову, куда и прибылъ 30-го іюля. Отрядъ же генерала Ушакова продолжалъ попрежнему оставаться на правомъ берегу Дуная.

Въ концѣ августа кн. Горчаковъ съ главными силами ввѣренной ему арміи переправился на лѣвую сторону Прута у Скулянъ; затѣмъ и войска генерала Ушакова, очистивъ Добруджу, расположились у Измаила. Вслѣдъ за нашимъ уходомъ подвигались впередъ турки, и 10-го августа Омеръ-паша вступилъ въ Бухарестъ. Тогда же перешли границу Валахіи австрійцы и смѣнили турокъ въ княжествахъ по соглашенію союзныхъ державъ съ турецкимъ правительствомъ.

5. Военныя дѣйствія на Кавказѣ: операціи Александропольскаго отряда; сраженія при Башъ-Кадыкларѣ и Кюрякъ-Дара.

Наша граница съ Турціей на Азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій имѣла центральнымъ опорнымъ пунктомъ противъ Анатоліи и въ частности противъ Карса крѣпость Александрополь.

Къ сѣверо-западу отъ Александрополя была расположена крѣпость Ахалцыхъ, прикрывавшая путь Карсъ—Ардаганъ, а къ юго-востоку наша граница, со стороны Турціи и Персіи, обезпечивалась крѣпостью Эриванью.

Представлявшаяся въ видѣ куртины съ двумя флангами, граница наша ограничивалась на сѣверѣ Чалдырскимъ горнымъ хребтомъ, а на югѣ хребтами Агри-Дагъ и Кара-Дагъ, по правой сторонѣ Аракса. Протекавшая по границѣ на протяженіи 100 верстъ рѣка Арпачай уже съ конца мая была проходима въ бродъ и потому серьезной преграды не представляла.

Самыя же крѣпости были чрезвычайно слабы и, кромѣ Александрополя, кстати сказать, очень неудачно расположеннаго для овладѣнія ими, правильной осады не требовали. Кромѣ сухопутной границы на Кавказѣ, имѣлась обширная морская граница «Черноморское побережье», права на которое перешли къ намъ по Адріанопольскому миру. Это пріобрѣтеніе дало намъ возможность окружить своими владѣніями горскія племена Кавказа, номинально признававшія власть Порты Оттоманской и подчинить ихъ нашему вліянію.

Открытіе военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи застало врасплохъ намѣстника кн. Воронцова, доносившаго въ Петербургъ, что онъ не можетъ сосредоточить на границѣ болѣе 6 батальоновъ, такъ какъ всѣ остальныя силы были необходимы для удержанія въ покорности населенія Кавказа.

Въ отвѣтъ на доводы кн. Воронцова, Императоръ Николай «съ большой неохотой» отправилъ моремъ на усиленіе Кавказской арміи 13 дивизію изъ Севастополя въ Сухумъ. Только, когда эта трудная въ осеннее время операція благополучно совершилась, прекратились опасенія Государя за Кавказъ.

Но уже въ октябрѣ положеніе вещей представлялось намѣстнику снова въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Тяжелый недугъ, мѣшавшій кн. Воронцову принимать дѣятельное участіе въ управленіи ввѣреннымъ имъ краемъ, слухи о сосредоточеніи на гра-

ницѣ внушительныхъ турецкихъ силъ съ цѣлью перейти въ наступленіе, удачное нападеніе на постъ Св. Николая до объявленія войны и разброска войскъ были тому причиной.

Удрученное состояніе кн. Воронцова увеличивалось еще тѣмъ, что онъ долженъ былъ, въ виду болѣзни командира дѣйствующаго корпуса кн. Бебутова, отправить въ Александропольскій отрядъ на его мѣсто своего начальника штаба кн. Барятинскаго.

Къ ноябрю мѣсяцу войска дѣйствующаго корпуса на турецкой границѣ были доведены до $32^1/_4$ бат., 68 орудій, 10 эск., 21 сот., 4 дружинъ и 36 сотенъ мѣстной милиціи. Эти войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

Въ Александрополѣ $7^1/_4$ бат., 40 ор., 10 эск., 3 сот. каз., 3 дружины и 2 сотни милиціи. Сюда же между 2 и 16 ноября должны были прибыть $5^1/_2$ бат. и 18 сотенъ.

Въ Эривани и ея окрестностяхъ $3^1/_2$ бат., 8 ор. и 14 сотенъ милиціи. Въ Ахалкалакскомъ отрядѣ 2 бат., 4 ор. и 2 сот. милиціи. Въ Ахалцыхскомъ отрядѣ 5 бат., 8 ор., 1 дружина и 6 сот. милиціи.

Въ Гурійскомъ отрядѣ 7 бат., 8 ор. и 12 сотенъ милиціи. Въ Сурамѣ 2 бат.; они вмѣстѣ съ войсками, которыя могли освободиться съ Гурійскаго кордона, должны были составить резервъ, находящійся въ вѣдѣніи князя Воронцова.

Силы и расположеніе турокъ опредѣлились по нашимъ свѣдѣніямъ слѣдующимъ образомъ: въ Карсѣ 25 т., при 65 орудіяхъ, въ Ардаганѣ 7 т., при 10 орудіяхъ, и въ Баязетѣ 5 т., при 10 орудіяхъ. Кромѣ того, отдѣльная и очень большая часть турецкихъ войскъ была собрана въ Батумѣ.

30-го октября, къ вечеру, было получено достовѣрное извѣстіе о томъ, что главныя силы турокъ придвинулись изъ Карса къ нашимъ границамъ и расположились на ночлегъ между разрушеннымъ городомъ Ани и Баяндуромъ.

Князь Барятинскій рѣшилъ немедленно выдвинуться на позицію въ 3—4 вер. отъ Александрополя.

Утромъ 31-го октября турокъ передъ нашимъ расположеніемъ не оказалось, и кн. Барятинскій, оставивъ развѣдывательныя части, увелъ войска обратно.

1-го ноября прибылъ къ отряду выздоровѣвшій князь Бебутовъ и, узнавъ, что курды и башибузуки вновь занимаются грабежомъ въ нашихъ предѣлахъ, двинулъ г.-м. кн. Орбельяни съ 7 бат., 28 ор., 4 эск., 1 сотн. и 1 т. милиціонеровъ, чтобы очистить край отъ грабителей. Выступивъ 2-го ноября, кн. Орбельяни, храбрый и рѣшительный, но не имѣвшій практики въ вожденіи значительныхъ массъ войскъ, имѣлъ въ этотъ день бой у д. Баяндуръ съ главными силами Абди-паши, который дождался темноты и увелъ свой отрядъ на противоположный берегъ Арпачая. Вмѣстѣ съ подошедшимъ съ наступленіемъ темноты кн. Бебутовымъ, съ 3 бат., 12 ор., 6 эск. и 1 сот. казаковъ, отрядъ кн. Орбельяни отошелъ ночью въ Александрополь, имѣя выведенными изъ строя 8 офиц., 433 ниж. чин., въ то время какъ турки потеряли до 1 т. человѣкъ.

Вся тяжесть боя въ дѣлѣ подъ Баяндуромъ легла на артиллерію, и начальники свидѣтельствовали о мѣткой и хладнокровной стрѣльбѣ нашихъ артиллеристовъ.

4-го ноября, наконецъ, въ Александрополѣ былъ полученъ манифестъ о войнѣ, и руки главнокомандующаго были развязаны.

Почти одновременно съ переходомъ турокъ въ наступленіе противъ Александропольскаго отряда, начались ихъ дѣйствія и противъ Ахалцыха. Наши войска въ Ахалцыхскомъ раіонѣ къ 1-му ноября располагались слѣдующимъ образомъ: въ Ахалцыхѣ 5 бат., 8 ор., 2 сот. казаковъ, Гурійская дворянская дружина и Осетинская милиція. Въ Ахцурѣ 1 батальонъ Бѣлостокскаго полка, Горійская дружина и сотня Осетинской милиціи; въ Боржомѣ — 1 бат. Брестскаго полка и 2 роты Бѣлостокскаго полка; въ Квишхетахъ — 1 бат. Брестскаго полка и въ Сурамѣ 2 рот. Бѣлостокскаго полка и обозы 3 полковъ дивизіи.

Съ 30-го октября передъ Ахалцыхомъ, единственнымъ пунктомъ Ахалцыхскаго раіона, оставшимся всецѣло въ нашихъ рукахъ, появились передовыя части 18-тыс. корпуса Али-паши.

Это привело къ упорнымъ боямъ сначала отряда кн. Андронникова 6-го ноября у с. Ахцура съ передовыми частями Али-паши, а затѣмъ 14-го ноября подъ Ахалцыхомъ (сел. Суплисъ).

Преслѣдуя турокъ на протяженіи 5 верстъ, утомленнымъ, но воодушевленнымъ побѣдой войскамъ пришлось снова выбивать съ позиціи турецкій аріергардъ, открывшій картечный и ружейный огонь. Прогнавши непріятеля, бросившаго 3 орудія за предѣлы русской границы, нашъ отрядъ остановился.

Турки потеряли 11 орудій, много зарядныхъ ящиковъ, боевыхъ патроновъ, канцелярію Али-паши и весь лагерь съ запасами фуража и провіанта; 120 турокъ было взято въ плѣнъ и 700 тѣлъ предано землѣ. Наши потери составили 12 офицеровъ и 340 ниж. чиновъ выведенными изъ строя.

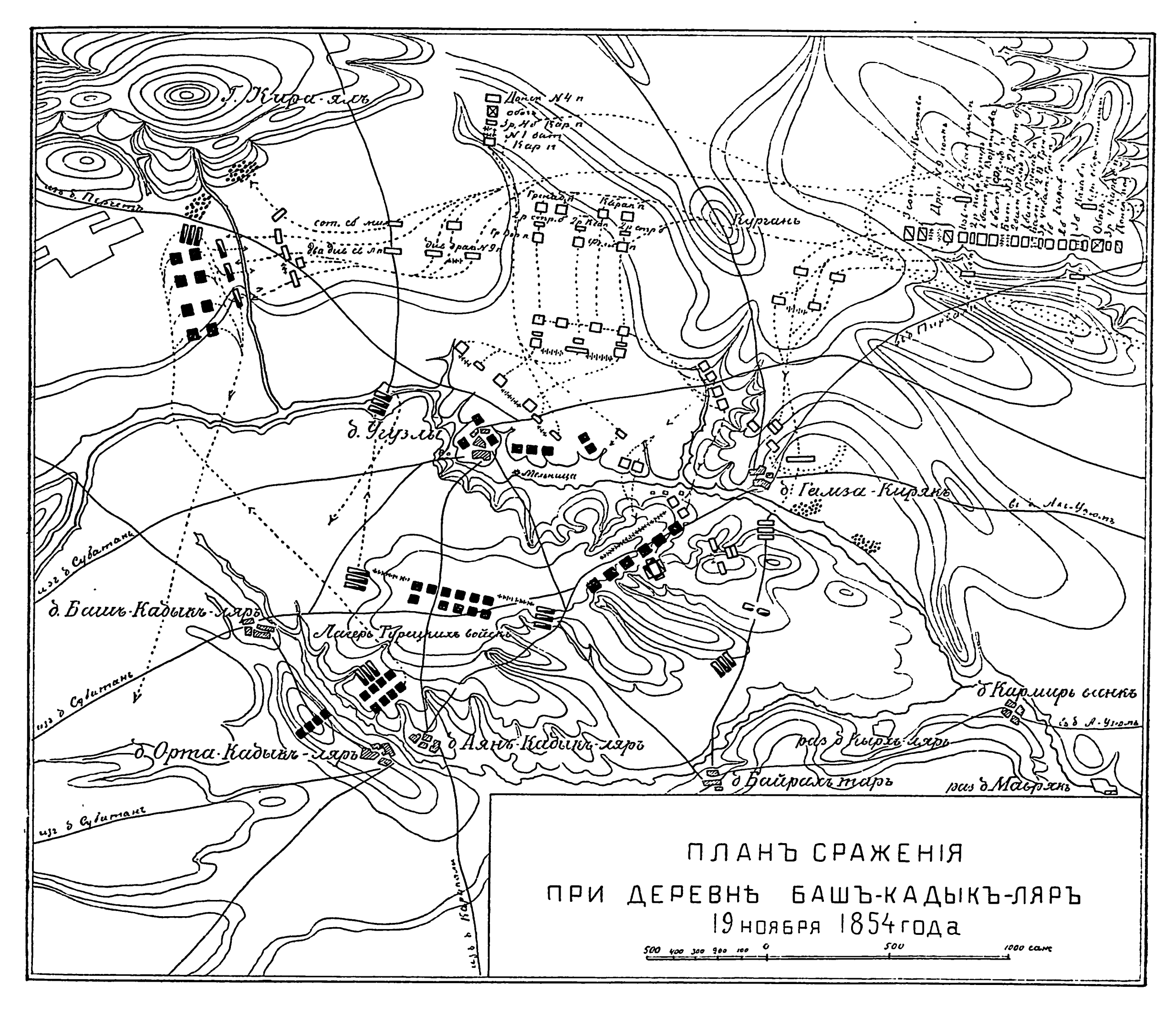
15-го и 16-го наши войска оставались на позиціи, а 17-го отрядъ, оставивъ на мѣстѣ авангардъ въ $1^1/_2$ батал., 2 ор. и 3 сот., возвратился въ Ахалцыхъ на отдыхъ. Новой побѣдой Ахалцыхскій уѣздъ былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля, спокойствіе было возстановлено и сообщеніе съ Боржомомъ открыто.

Послѣ Баяндурскаго боя тридцати-шести-тысячный турецкій корпусъ Абди-паши отступилъ за рѣку Арпачай, но, узнавъ, что нашъ отрядъ вновь отошелъ къ Александрополю, перешелъ на прежнюю позицію и укрѣпился на ней, ожидая подкрѣпленій изъ Карса.

Отрядъ кн. Бебутова въ свою очередь усилился съ 4-го по 12-е ноября двумя батальонами и 2 казачьими полками. Удовлетворяя сердечному желанію войскъ вступить въ бой, въ особенности послѣ полученія извѣстія о побѣдѣ кн. Андронникова, кн. Бебутовъ рѣшилъ выступить въ ночь съ 13-го на 14-е ноября со своимъ отрядомъ для атаки турокъ на Баяндурской позиціи и для изгнанія непріятеля изъ нашихъ предѣловъ.

Узнавъ о выступленіи 14-го ноября русскихъ, турки стали отходить, и лишь 17-го ноября столкновеніе нашихъ фуражировъ съ конницею непріятеля подало мысль, что вѣроятно недалеко и его главныя силы.

Съ вечера 18-го ноября лишніе обозы были отправлены въ Александрополь подъ прикрытіемъ 1 батальона, 6 орудій и 2 сот. казаковъ, а 19-го числа отрядъ кн. Бебутова двинулся въ 7 час. утра отъ с. Башъ-Турагеля по Карсской дорогѣ къ с. Орта-Кадыклара и Башъ-Кадыклара, гдѣ по полученнымъ свѣдѣніямъ остановились турки. Отрядъ, пройдя 20 верстъ и переправившись черезъ рѣку Карсъ-чай въ бродъ у с. Пирвали, въ полдень поднялся на вы-

соты, которыя далѣе постепенно спускались къ ручью Маврякъ - чай. Съ этихъ высотъ нашему отряду открылась, благодаря ясной погодѣ, вся непріятельская позиція. Она представляла изъ себя рядъ возвышенностей, имѣвшихъ общее направленіе отъ д. Гамза-Кирякъ на Башъ-Кадыкларъ. Съ фронта эта труднодоступная позиція прикрывалась ручьемъ Маврякъ-чай, имѣвшимъ обрывистые берега, и д. Угузлы, но зато въ тылу у нея протекалъ ручей Кадыкларъ, крутые берега котораго стѣсняли маневрированіе большихъ массъ войскъ. Число турокъ, расположенныхъ на позиціи, простиралось до 20 тысячъ регулярной пѣхоты, 3 тысячъ регулярной конницы и болѣе 14 тысячъ курдовъ и милиціи и 46 орудій.

Наши же силы достигали лишь 12,655 чел. по списку съ нестроевыми (8 бат. пѣхоты и 3 т. конницы).

Когда въ 10 час. утра Рейсъ-Ахметъ-паша, командовавшій турецкимъ отрядомъ, получилъ извѣстіе о приближеніи кн. Бебутова, онъ построилъ свои войска на лѣвомъ берегу р. Кадыкларъ въ двѣ боевыя линіи по 6 батальоновъ въ каждой. На правомъ флангѣ стало 16, а на лѣвомъ 6 орудій; обѣ батареи съ фланговъ были прикрыты двумя полками регулярной конницы. Въ резервѣ расположились 8 бат. пѣхоты и полкъ регулярной конницы съ орудіями. Иррегулярная конница, курды и башибузуки, расположились въ большихъ массахъ правѣе позиціи, въ лощинахъ у с. Гамза-Кирякъ и на лѣвомъ флангѣ выше с. Угузлы. Кн. Бебутовъ, произведя рекогносцировку, рѣшилъ обойти лѣвый флангъ противника, стать на Карсской дорогѣ и оттуда нанести туркамъ ударъ, лишивъ ихъ пути отступленія.

Былъ первый часъ дня, когда кн. Бебутовъ приказалъ отряду спуститься къ с. Угузлы и построить боевой порядокъ.

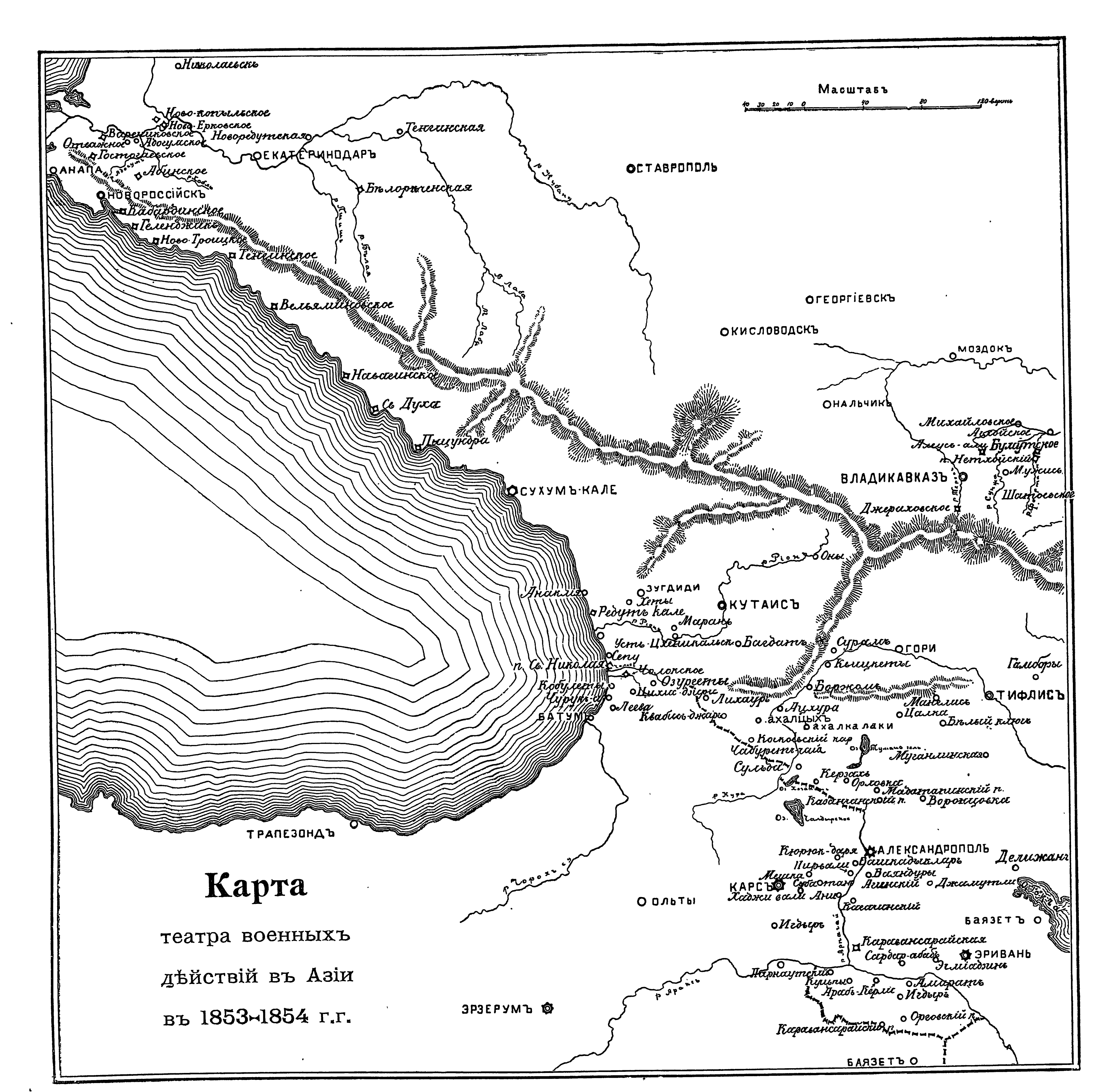
Первой линіей, которую составили 3 бат., 2 саперныхъ роты и 16 ор., командовалъ генералъ Кишинскій, второй линіей, изъ 4 бат., начальствовалъ кн. Багратіонъ-Мухранскій. Для охраненія нашего праваго фланга отъ многочисленной турецкой конницы было направлено къ верховью оврага 6 эск. Нижегородскихъ драгунъ и 3 сотни съ 4 кон. орудіями подъ начальствомъ кн. Чавчавадзе. Для охраненія лѣваго фланга было выдвинуто къ с. Гамза-Кирякъ 4 эск. драгунъ, 700 каз. и 4 кон. ор. подъ начальствомъ генерала Багговута.

1 $^3/_4$ бат., 8 пѣш. ор. и 5 сотенъ казаковъ составили резервъ, прикрывавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и обозъ.

Съ наступленіемъ кн. Бебутова, перешелъ къ активнымъ дѣйствіямъ и Рейсъ-Ахметъ-паша. Двѣ своихъ линіи онъ перестроилъ въ одну и занялъ ими берегъ Маврякъ-чая отъ с. Гамза-Кирякъ до с. Угузлы, а резервъ изъ 8 бат., 8 ор. и полка регулярной конницы былъ направленъ въ обходъ нашего праваго фланга между с. Угузлы и Караялъ.

Это новое распредѣленіе непріятельскихъ войскъ заставило кн. Бебутова измѣнить свое первоначальное предположеніе и нанести ударъ на ближайшій, т. е. правый флангъ турецкаго расположенія. Нашей первой линіи было приказано подвинуться къ д. Угузлы. Турки упорно наступали, и только дружный ударъ въ штыки 1-го бат. Егерскаго кн. Воронцова полка и 2 ротъ Кавказскаго стрѣлковаго батальона опрокинулъ въ оврагъ непріятельскія колонны.

Вышедшая влѣво 2-я линія, не дойдя $^1/_2$ версты до непріятеля, передохнула на балкѣ и перестроилась къ штурму. Послѣ личной рекогносцировки, кн. Багратіонъ подъѣхалъ къ войскамъ и воодушевилъ ихъ. Колоннѣ надлежало спуститься въ оврагъ и подняться на высоту для взятія батареи подъ картечнымъ огнемъ орудій и батальнымъ огнемъ пѣхоты. Стройное движеніе нашихъ войскъ, наступавшихъ держа ружья на-руку, съ развернутыми знаменами и барабаннымъ боемъ произвело замѣтное впечатлѣніе на турокъ. Выдержавъ 3 залпа изъ орудій, Эриванскіе карабинеры отбросили штыками вышедшую имъ навстрѣчу пѣхоту и съ крикомъ «ура» ударили на правый флангъ непріятельской батареи. И послѣ жаркой рукопашной схватки знамя

Масштабъ
Карта
театра военныхъ
дѣйствій въ Азіи
въ 1853—1854 г.г.
Николаевскъ
Ново-копыльское
Ново-Ерковское
Варениковское
Адогумское
Новоредутская
Тенгинская
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
СТАВРОПОЛЬ
АНАПА
Абинское
НОВОРОССІЙСКЪ
Кабардинское
Геленджикъ
Ново-Троицкое
Тенгинское
Вельяминовское
Навагинское
Св. Духа
Пицунда
СУХУМЪ-КАЛЕ
Бѣлорѣченская
ГЕОРГІЕВСКЪ
КИСЛОВОДСКЪ
МОЗДОКЪ
НАЛЬЧИКЪ
Михайловское
ВЛАДИКАВКАЗЪ
Джераховское
Оны
ЗУГДИДИ
КУТАИСЪ
Редутъ-Кале
Анаклія
Марани
Багдатъ
Сурамъ
ГОРИ
Гамборы
Боржомъ
ТИФЛИСЪ
Озургеты
Кобулеты
БАТУМЪ
Лихауръ
Ацхуръ
ахалцыхъ
ахалкалаки
Сульда
Керзахъ
Орловка
Воронцовка
АЛЕКСАНДРОПОЛЬ
Делижанъ
КАРСЪ
Баяндуры
Джамушли
ОЛЬТЫ
ТРАПЕЗОНДЪ
БАЯЗЕТЪ
Караван-сарайская
Сардаръ-абадъ
ЭРИВАНЬ
Эчміадзинъ
Игдыръ
ЭРЗЕРУМЪ
Оргозскій п.
Караван-сарайскій п.
БАЯЗЕТЪ

второго батальона карабинеръ было водружено пор. Менделѣевымъ и штабсъ-капитаномъ Кавтарадзе на непріятельской батареѣ.

Колонна гренадеръ, наступавшая въ то время правѣе карабинеръ, ослабленная значительнымъ урономъ и особенно потерями среди офицеровъ, была встрѣчена на подъемѣ на батарею значительными силами непріятеля.

Замѣтивъ критическое положеніе гренадеръ, кн. Бебутовъ лично повелъ въ бой свой послѣдній резервъ—2 роты Эриванцевъ и взводъ легкой батареи.

Картечный огонь пріостановилъ турокъ, а кн. Бебутовъ, устранивъ замѣшательство въ колоннѣ гренадеръ, двинулъ ихъ на батарею, гдѣ послѣ дружной атаки они примкнули къ Эриванцамъ. Взятая 16 батарея вознаградила мужество нашихъ войскъ. Въ этой атакѣ приняла участію и конница нашего лѣваго фланга.

Генералъ Багговутъ опрокинулъ двинувшуюся противъ него турецкую конницу и устремившихся за нею курдовъ и въ самую рѣшительную минуту сраженія смѣло перенесся черезъ рѣку и вышелъ по горному скату на плато, занятое правымъ крыломъ непріятельской арміи.

Сотникъ Кульгачевъ со взводомъ донской батареи опередилъ конницу и, подскакавъ къ фланговому батальону турокъ на 50 саж., осыпалъ его картечью. Драгуны врубились въ каре, построенное турками и, пробивъ его уголъ, разметали батальоны шашками. Тѣмъ временемъ казаки опрокинули регулярный кавалерійскій полкъ, взяли знамя и заскакали въ тылъ туркамъ.

Эти одновременные удары поколебали непріятеля и, дрогнувъ, онъ обратился въ бѣгство.

Когда эти описанныя дѣйствія происходили на нашемъ лѣвомъ флангѣ, то непріятель въ центрѣ продолжалъ оказывать упорное сопротивленіе колоннѣ ген. Кишинскаго.

Выбивъ непріятеля изъ селенія, отрядъ генерала Кишинскаго переправился черезъ оврагъ и скоро примкнулъ къ флангу лѣвой колонны, уже стоявшей на взятыхъ батареяхъ. Во время боя на нашемъ фронтѣ и лѣвомъ флангѣ, конница нашего праваго фланга, подъ начальствомъ командира Нижегородцевъ кн. Чавчавадзе, выдержала натискъ несоразмѣрныхъ превосходныхъ силъ, направленныхъ въ обходъ нашего праваго фланга (2 уланскихъ полка, 8 пѣх. бат., сопровождаемыхъ толпами курдовъ).

Сознавая всю опасность замысловъ непріятеля, кн. Чавчавадзе построилъ своихъ драгунъ съ 4 донскими орудіями въ боевой порядокъ, направивъ дивизіонъ казаковъ противъ курдовъ.

Послѣ залпа двухъ нашихъ орудій, подскакавшихъ на картечный выстрѣлъ къ приближавшейся турецкой конницѣ, непріятельскіе уланы были обращены въ бѣгство двумя дивизіонами драгунъ, а пикерный дивизіонъ опрокинулъ за оврагъ 4 пѣхотныхъ батальона. Едва наши драгуны отошли на прежнюю позицію, какъ новой атакой пришлось разсѣивать оправившихся уланъ и подоспѣвшую пѣхоту. 4 орудія составили трофеи второго удара.

Описанный бой покрылъ неувядаемой славой доблестныхъ Нижегородскихъ драгунъ, въ продолженіе $2^1/_2$ часовъ отбивавшихъ атаки превосходнаго противника. Въ $3^1/_2$ час. бой повсемѣстно прекратился, и конница лѣваго

фланга двинулась преслѣдовать разбитаго непріятеля; колонна ген. Кишинскаго отправилась на Башъ-Кадыкларъ, а гренадеры на Орта-Кадыкларъ.

Турки, покинувъ лагерь, бѣжали къ Карсу. Прекративъ позднимъ вечеромъ преслѣдованіе, наши войска нашли пріютъ въ покинутомъ турецкомъ лагерѣ. Мы потеряли 8 оф. и 308 ниж. чиновъ убитыми, 1 генерала, 48 оф. и 920 ниж. чиновъ ранеными.

Непріятель оставилъ убитыми свыше $1^1/_2$ тысячи человѣкъ, общая же потеря турокъ достигла 8 тысячъ человѣкъ. Въ рукахъ побѣдителей осталось 24 орудія, 13 зарядныхъ ящиковъ, знамя, 13 значковъ, масса лошадей и оружія.

Въ награду за побѣду кн. Бебутовъ получилъ орденъ Георгія 2-го кл., Багговутъ, кн. Багратіонъ-Мухранскій и кн. Чавчавадзе—ордена Св. Георгія 3-го класса, 10 штабъ и оберъ-офицеровъ были награждены орденами Георгія 4-го кл., а на каждую роту, батарею и дивизіонъ дано было по 10 крестовъ.

Урокъ, полученный непріятелемъ подъ Башъ-Кадыкларомъ, сдѣлалъ то, что ни турки, ни курды, ни башибузуки не осмѣливались цѣлую зиму нарушить спокойствіе на нашей границѣ.

9-го февраля кн. Воронцовъ представилъ, согласно волѣ Государя, свои предположенія о планѣ кампаніи на 1854 годъ. Намѣстникъ сознавался, что въ истекшій осенній періодъ кампаніи у него не было общихъ предположеній о дѣйствіяхъ противъ турокъ, и цѣль заключалась въ томъ, чтобы отбросить противника подальше отъ нашей границы, что и было съ успѣхомъ достигнуто случайно собранными отрядами. Такъ какъ турки послѣ этого сосредоточили значительныя силы противъ Гуріи, Ахалцыха, Ахалкалакъ и Эривани, то и намъ, волей-неволей, приходилось разбросать свои войска по всей, растянутой на 700 верстъ, пограничной полосѣ, группируя ихъ у поименованныхъ пунктовъ.

Кн. Воронцовъ полагалъ выдѣлить отрядъ въ Гуріи по его отдаленности въ самостоятельный, а остальнымъ войскамъ дѣйствовавшаго корпуса поставить задачей овладѣніе Карсомъ, Ардаганомъ и Баязетомъ. Однако, открыть наступательныя дѣйствія въ глубь Малой Азіи кн. Воронцовъ находилъ возможнымъ лишь въ случаѣ мира съ западными державами, такъ какъ не обезпечивъ себя предварительно на всемъ протяженіи праваго фланга, мы не могли, по его мнѣнію, и думать о широкихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Одобривъ планъ намѣстника, Государь призналъ необходимымъ увеличить отрядъ, расположенный въ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, до 20 батальоновъ, подчинивъ его кн. Андронникову. Дѣйствующій же корпусъ долженъ былъ, до выясненія намѣреній непріятеля на нашемъ правомъ флангѣ, ограничиться защитой границы. Однако, волненія послѣдняго года, окончательно подорвавшія здоровье кн. Воронцова, не дали ему возможности осуществить намѣченный планъ дѣйствій и, прося освободить себя отъ непосильной при болѣзненномъ состояніи работы, онъ 3-го марта отбылъ изъ Тифлиса, сдавъ временно должность генералу Реаду.

Имѣя въ виду, что изъ числа назначенныхъ на Кавказѣ 18-й и 17-й пѣхотныхъ дивизій, прибытіе второй изъ нихъ было отмѣнено, генералъ Реадъ распредѣлилъ свои войска слѣдующимъ образомъ:

Центръ Кавказской линіи—17 бат., 16 пѣш. и 8 кон. орудій и 12 сотенъ;

Владикавказскій округъ—$13^1/_2$ бат., 8 ор. и 6 сотенъ;

Лѣвый флангъ линіи—14 бат., 20 пѣш. и 10 кон. орудій и 32 сотни;

Прикаспійскій край — 24 бат., 8 пѣш., 2 горныхъ и 2 кон. орудія и 30 сотенъ;

Лезгинская линія — 10 бат., 2 пѣш., 8 горныхъ и 4 кон. орудія, 5 пѣшихъ и 19 конныхъ сотенъ.

Итого для борьбы съ горцами предназначалось $78^1/_2$ бат., 104 сотни и 106 орудій, кромѣ 11 бат. и 12 орудій, оставленныхъ въ Тифлисѣ.

Въ дѣйствующія на турецкой границѣ войска входили:

Самостоятельный отдѣлъ войскъ князя Андронникова изъ отрядовъ Гурійскаго—13 бат., 16 пѣш. и 8 кон. орудій, 9 сотенъ казаковъ, 26 пѣш. и 3 кон. сотни милиціи, и Ахалцыхскаго—$7^3/_4$ бат., 16 пѣш. и 4 горн. орудія и 6 сотенъ казаковъ. [Всего у князя Андронникова — $25^3/_4$ бат., 44 орудія, 15 сотенъ казаковъ и 29 сот. милиціи.

Дѣйствующій корпусъ кн. Бебутова изъ отрядовъ: Ахалкалакскаго — $2^1/_4$ бат., 4 пѣш. орудій, 3 сотни казаковъ и 1 сотни милиціи, главнаго Александропольскаго—$18^1/_2$ бат., 48 пѣш. и 16 кон. орудій, 26 эск., 21 сот. казаковъ, и Эриванскаго — $6^1/_2$ бат., 8 пѣш. орудій, 6 сотенъ казаковъ и 2 сотни милиціи. Всего у кн. Бебутова—$27^1/_4$ бат., 76 ор., 26 эск., 30 сот. казаковъ и 3 сотни милиціи.

Такимъ образомъ, на турецкой границѣ всего предполагалось сосредоточить—53 бат., 120 ор., 26 эск., 45 сот. казаковъ и 32 сотни милиціи. Въ общемъ резервѣ оставалось 4 бат., 8 пѣш. и 4 конныхъ орудія.

Кромѣ того, въ Черноморіи, подъ начальствомъ генерала Хомутова, находилось $25^1/_4$ бат., $90^1/_2$ сот. и 50 орудій, распредѣленныхъ на два отряда— Таманскій и Закубанскій. Что касается до турецкой арміи, то она, устроившись на зиму и получивъ подкрѣпленія, имѣла главныя силы въ 60 т. человѣкъ расположенными подъ стѣнами Карса, а отдѣльные корпуса стояли въ Батумѣ, занимая авангардомъ Озургеты, и въ Баязетѣ.

27-го мая Кобулетскій бекъ Гассанъ-паша, ставъ во главѣ озургетскаго турецкаго авангарда силою въ 12 тысячъ человѣкъ при 4 орудіяхъ, началъ наступленіе на с. Нигоити, гдѣ стоялъ авангардъ подполковника кн. Эристова, силою въ $2^1/_2$ бат., 4 орудія и 10 сотенъ Гурійской милиціи, который и разбилъ на голову Гассанъ-пашу.

Получивъ извѣстіе о побѣдѣ при с. Нигоити, кн. Андронниковъ двинулся съ главными силами своего отряда 29-го мая къ с. Озургеты, а оттуда вслѣдъ за отступившимъ за р. Чолокъ непріятелемъ; на р. Чолокъ кн. Андронниковъ разбилъ 4-го іюня турокъ, подъ начальствомъ Селима-паши, въ числѣ 34 т. человѣкъ, на голову.

Трофеями этой славной побѣды служили 13 орудій, много знаменъ, имущество 3 лагерей и масса плѣнныхъ. Потери турокъ достигли 5 тысячъ человѣкъ, наши 1500 человѣкъ.

Сраженіе на р. Чолокъ совершенно разстроило Батумскій корпусъ и обезпечило край, ввѣренный попеченію кн. Андронникова.

Не менѣе успѣшны были наши дѣйствія и на лѣвомъ флангѣ въ Эриванскомъ отрядѣ.

Сосредоточивъ свой отрядъ у Амарата, начальникъ Эриванскаго отряда, баронъ Врангель, первоначально охранялъ Эриванскую губернію отъ непріятельскихъ покушеній. 18-го іюня отрядъ этотъ въ составѣ 5 бат., 12 орудій, 9 сотенъ казаковъ и 9 сотенъ милиціонеровъ перешелъ къ Игдырю, затѣмъ 22-го продвинулся до Орговскаго поста, откуда, послѣ небольшого дѣла, 23-го іюня отошелъ обратно къ Игдырю, гдѣ и простоялъ въ бездѣйствіи до половины іюля.

Получивъ разрѣшеніе перейти въ наступленіе, отрядъ барона Врангеля въ 2 часа ночи 16-го іюля выступилъ съ цѣлью скрытно занять перевалъ черезъ хребетъ Агри-Дагъ, въ шести верстахъ отъ котораго въ долинѣ расположился вышедшій изъ Баязета корпусъ Селима-паши. Здѣсь, у небольшого озера Чинъ-гина, рѣшительно атаковавъ превосходнаго въ силахъ (у турокъ 12.000, у насъ—3.000) врага, бар. Врангель разбилъ его на голову.

4 орудія, нѣсколько знаменъ, масса всевозможныхъ запасовъ и два турецкихъ лагеря достались въ руки побѣдителей. Потери турокъ достигли 3 т. человѣкъ, наши 400 человѣкъ, при чемъ былъ раненъ и самъ баронъ Врангель. Конница преслѣдовала непріятеля на протяженіи 3 верстъ, послѣ чего, въ виду чрезмѣрнаго утомленія коней, была остановлена, и отрядъ расположился на ночлегъ бивакомъ на мѣстѣ турецкой позиціи, откуда была видна вся Баязетская долина.

Турки, очистивъ Баязетъ, бѣжали безостановочно къ Вану.

На слѣдующій день баронъ Врангель двинулся къ Баязету, который и занялъ 19-го числа.

Найдя тамъ большіе запасы, онъ частью увезъ ихъ, частью уничтожилъ, и, не рискуя оставаться со столь малыми силами въ такомъ удаленіи отъ нашей границы, отошелъ назадъ и занялъ позицію на Абазъ-Гельскомъ перевалѣ. Расположеніе въ этомъ пунктѣ давало возможность господствовать надъ караваннымъ путемъ изъ Персіи, а самое движеніе барона Врангеля по направленію къ Карсу должно было оказать содѣйствіе кн. Бебутову.

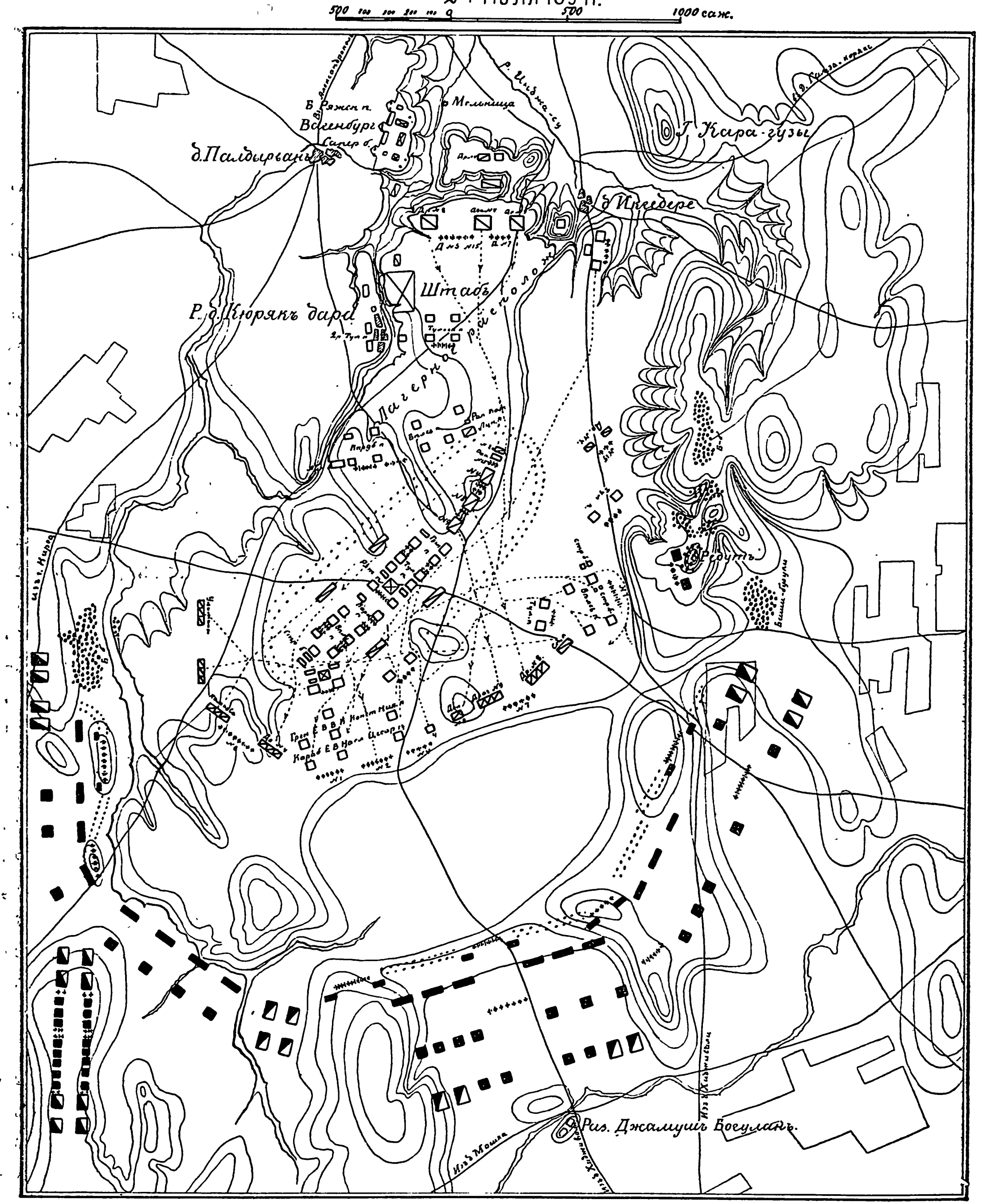
Александропольскій отрядъ, имѣя цѣлью двигаться въ предѣлахъ Турціи по направленію къ Карсу, выступилъ 15-го іюня съ начальникомъ кн. Бебутовымъ и вновь назначеннымъ его помощникомъ кн. Барятинскимъ во главѣ.

20-го іюня корпусъ кн. Бебутова, въ составѣ 17 бат., 26 эск., 72 ор., 14 сот. казаковъ и 14 сотенъ милиціи перешелъ черезъ Карсъ-чай и остановился на ночлегъ въ 10 верстахъ отъ этой рѣки между селеніями Палдерваномъ и Кюрякъ-Дара. До турецкаго лагеря у Хаджи-Вали оставалось 15 верстъ. Здѣсь въ близкомъ сосѣдствѣ отъ турокъ Александропольскій отрядъ простоялъ свыше мѣсяца, не предпринимая никакихъ активныхъ дѣйствій.

22-го іюля командующій Анатолійской арміей Зафиръ-паша получилъ свѣдѣніе о пораженіи Баязетскаго отряда и о намѣреніяхъ барона Врангеля соединиться съ кн. Бебутовымъ для совмѣстныхъ дѣйствій. Желая предупредить усиленіе Александропольскаго отряда, Зафиръ-паша рѣшилъ утромъ 24-го

атаковать кн. Бебутова на его позиціи. Съ этой цѣлью обозы были отпра-влены къ Карсу, а войскамъ было приказано пододвинуться ночью къ ру

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ДЕР. КЮРЯКЪ-ДАРА
24 іюля 1854 г.

ской позиціи, а на разсвѣтѣ ее атаковать. Для этого отрядъ Абдурахманъ-паши, въ составѣ 5 бат., горной батареи и 2 эск., долженъ былъ въ полночь направиться на высоты Кара-Яла и овладѣть этимъ пунктомъ. Правая ко-

лонна подъ начальствомъ Керима-паши, силою 19 бат., 16 эск. и 30 орудій, должна была выступить вслѣдъ за Абдурахманомъ-пашой, направиться къ подошвѣ Кара-Яла и развернуть боевой порядокъ влѣво отъ предыдущаго отряда. Лѣвая колонна, подъ командой генерала Кмети, въ составѣ 22 бат., 22 эск. и 48 орудій, выступивши вслѣдъ за правой, должна была взять направленіе отъ Хаджи-Вали на Ингедери и выстроить боевой порядокъ въ уступной формѣ справа, примыкая къ лѣвому флангу правой колонны. Артиллерія, массированная въ 4 большія батареи, должна была занять интервалъ между колоннами, имѣя за собою резервъ въ составѣ 4 бат. и 2 кавалерійскихъ полковъ. Баши-бузуки около 8 т. чел. двигались на обоихъ флангахъ.

Князь Бебутовъ, узнавъ о приготовленіяхъ турокъ къ выступленію, но не зная цѣли ихъ движенія, рѣшилъ, въ случаѣ наступленія противника, предупредить его въ полѣ, въ случаѣ же его отхода къ Карсу, — идти къ этому пункту черезъ Мешко и ударить туркамъ во флангъ.

Передъ разсвѣтомъ 24-го нашъ отрядъ (усиленный 15-го іюля 2 бат. и 6 орудіями) съ авангардомъ изъ стрѣлковаго батальона, 3-хъ сотенъ казаковъ и 2-хъ сотенъ охотниковъ вытянулся на позиціи и приготовился къ движенію. Такимъ образомъ 18 тысячъ нашихъ силъ должны были вступить въ бой съ 34—36 т. турокъ въ случайной для обѣихъ сторонъ обстановкѣ. Пройдя три версты по направленію на Мешко, передовыя цѣпи Александропольскаго отряда замѣтили на волнистой равнинѣ, отдѣлявшей насъ отъ турецкаго лагеря, движущіяся намъ навстрѣчу массы. Въ то же время на отрогахъ Кара-Яла, гдѣ былъ нашъ редутъ, не занятый нами по случаю перехода въ наступленіе, показались турки. Кн. Бебутовъ приказалъ разсыпать цѣпь, конницѣ выдвинуться впередъ, а пѣхотнымъ колоннамъ зайти правымъ плечомъ и стать на позиціи. Когда наша передовая конница развернулась на ближайшемъ берегу лощины, пересѣкавшей поле сраженія по вогнутой къ сторонѣ турокъ дугѣ, то и непріятельская кавалерія, въ свою очередь, также заняла противоположный берегъ, къ которому уже спѣшили головныя части турецкой пѣхоты.

Кн. Бебутовъ быстро оцѣнилъ обстановку и, видя растянутое на 8 верстахъ расположеніе турокъ, рѣшилъ прорвать центръ арміи Зафира-паши. Тѣмъ временемъ наши пѣхотныя части, исполняя данное имъ приказаніе, зашли правымъ плечомъ и стали на указанной позиціи, имѣя въ первой линіи Бѣлевскій и Эриванскій полки, а за ними Гренадерскій и Тульскій. Батареи выѣхали въ интервалы первой линіи. Шесть эскадроновъ Новороссійскихъ драгунъ и сводный линейный казачій полкъ съ № 6 Донской батареей стали на правомъ флангѣ, остальная конница въ резервѣ. Вслѣдъ за этимъ князь Бебутовъ образовалъ подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго отрядъ изъ 5 бат. и 8 орудій съ приказаніемъ штурмовать Кара-Ялъ и выбить оттуда турокъ, а для прикрытія этой атаки справа были выдвинуты впередъ 16 эск. и 6 сотенъ. Черезъ нѣсколько минутъ на поддержку генерала Бѣлявскаго были двинуты 2 бат. Тульскаго полка, а гренадерская бригада, назначенная для удара противъ непріятельскаго центра, выдвинулась впередъ на окраину лощины.

Открывшая еще въ $5^1/_4$ часовъ утра огонь, артиллерія Керима-паши начала въ 6 часовъ съ продвиженіемъ впередъ правой турецкой колонны наносить намъ существенный вредъ.

Около этого времени генералъ Бѣлявскій, получившій приказаніе, отмѣнявшее атаку Кара-Яла, занялъ позицію у подошвы этой горы и открылъ по непріятельскимъ колоннамъ штуцерный и артиллерійскій огонь.

Едва только пѣхота генерала Бѣлявскаго дала нашей конницѣ опорную точку, какъ начальствовавшій здѣсь кавалеріей генералъ Багговутъ приказалъ Тверскимъ драгунамъ атаковать главную батарею праваго крыла турокъ.

Молча веденная атака подъ картечнымъ огнемъ съ фронта и фланга отбросила передовые турецкіе батальоны, и скоро, изрубивъ прислугу, драгуны были уже на орудіяхъ. Вынесшіеся было изъ резерва баши-бузуки и повернувшіе за ними уже однажды помятые батальоны были обращены въ бѣгство. Исполнивъ задачу, Тверцы увезли 4 непріятельскихъ орудія и отошли за Нижегородцевъ.

Въ свою очередь турки пожелали отвлечь стремительную атаку натискомъ на другомъ пунктѣ и направили три штуцерныхъ батальона и уланъ противъ отряда генерала Бѣлявскаго.—Скоро нашъ лѣвый флангъ долженъ былъ перейти къ оборонѣ, и чувствовалось, что ему, можетъ быть, не удастся устоять противъ рѣшительнаго натиска отборныхъ турецкихъ войскъ.

Замѣтивъ опасность положенія, стоявшіе невдалекѣ Нижегородскіе драгуны кинулись въ шашки на штуцерные батальоны, а дивизіонъ № 7-й Донской батареи есаула Кульгачева, снявшись съ передковъ непосредственно передъ непріятельской пѣхотой, обдалъ ее картечью. Но, не глядя на градъ пуль и безпрерывныя атаки нашихъ драгунъ, турки захватили часть орудій Кульгачева и не выпустили ихъ до тѣхъ поръ, пока силы не оставили послѣдняго изъ оставшихся въ живыхъ. Но, сломивъ геройство турецкой пѣхоты, Нижегородцы не досчитали въ своихъ порѣдѣвшихъ отъ потерь рядахъ 23 изъ общаго числа 33-хъ офицеровъ.

Тѣмъ временемъ генералъ Бѣлявскій справился съ уланами и пошелъ въ штыки на правый флангъ пѣхоты турокъ; Нижегородцы снова понеслись въ атаку и къ 8 часамъ утра правое турецкое крыло окончательно дало тылъ. Преслѣдовать дивизію Керима-паши было невозможно, такъ какъ колонна генерала Кмети вошла уже въ боевую линію и угрожала правому нашему флангу. Туда спѣшно былъ направленъ генералъ Багговутъ съ дивизіономъ Тверского полка и тремя сотнями казаковъ.

Когда разыгралось дѣло у генерала Бѣлявскаго, то кн. Бебутовъ двинулъ въ 7 часовъ утра гренадерскую бригаду съ тремя батареями для прорыва центра боевого порядка турокъ.

Спустившись въ лощину, гренадеры заняли первоначально позицію въ 450 саженяхъ отъ противника. Затѣмъ, медленно и стройно продвигаясь впередъ, бригада начала нести сильныя потери отъ перекрестнаго огня расположившихся по охватывающей дугѣ турокъ, направившихъ, кромѣ того, сюда свою конницу.

Но трудное положеніе бригады сильно облегчилось съ отступленіемъ праваго турецкаго фланга, и предводимые кн. Барятинскимъ гренадеры ринулись въ атаку.

Турки не дрогнули и, осыпаемые картечью снявшейся въ 60 саженяхъ нашей артиллеріи, пошли сами въ атаку. Схватка была жаркая и долговременная. Однако съ трудомъ, но все же гренадеры сломили вдвое превосходнаго врага и, одной угрозой подвергнуть 2 линію батальоновъ участи первой, заставили турокъ отойти. Въ этотъ моментъ, когда правый флангъ уже бѣжалъ, а центръ былъ сломленъ, къ полю сраженія начала подходить лѣвая колонна, сбившаяся съ пути и грозившая теперь охватить нашъ правый флангъ. Этой колоннѣ предшествовали массы баши-бузуковъ, поддержанные регулярной конницей и артиллеріей.

Здѣсь было 6 эскадроновъ Новороссійскихъ драгунъ съ Донской № 6 батареей, 9 сотенъ линейныхъ казаковъ и еше правѣе 10 сотенъ милиціи. Къ 8 часамъ утра турки сосредоточили на своемъ лѣвомъ флангѣ отъ 14 до 16 батальоновъ, 3 батареи и нѣсколько уланскихъ полковъ. Выставивъ 2 сильныя батареи, турки громили фронтъ нашей конницы перекрестнымъ огнемъ; ихъ пѣхота стояла въ нѣсколько линій на близкій пушечный выстрѣлъ; массы баши-бузуковъ, поддержанные регулярной конницей, полкомъ пѣхоты и батареей, обходили и тѣснили оконечность нашего праваго фланга. Время дальше терять было нельзя и, принявшій начальство надъ правымъ флангомъ, генералъ Багговутъ рѣшилъ перейти въ наступленіе. Усиленный шестью ротами Ряжскаго полка, 4-мя орудіями, дивизіономъ Тверскихъ драгунъ, 3 сотнями казаковъ и ракетами, правый флангъ выстроился въ боевой порядокъ.

Брошенныя въ баши-бузуковъ нѣсколько ракетъ заставили ихъ отхлынуть, вслѣдъ за чѣмъ наша конница пошла въ атаку. Баши-бузуки и подкрѣпившіе ихъ уланы были смяты, отброшены, прислуга конной турецкой батареи была изрублена.

На державшійся за конницей полкъ пѣхоты были направлены роты Ряжскаго полка, но, встрѣченныя сильнымъ огнемъ, онѣ пріостановились. Видя это, турки перешли въ контръ-атаку. Но, бросившійся на нихъ дивизіонъ Тверскихъ драгунъ заставилъ непріятельскую пѣхоту повернуть назадъ, а Ряжскія роты вновь перешли въ наступленіе. Между тѣмъ, кн. Бебутовъ, видя, что центръ турокъ прорванъ, что кн. Барятинскій съ отрядомъ генерала Бриммера зашелъ уже правымъ плечомъ впередъ и сталъ въ тылу запоздавшей отступленіемъ лѣвой колонны турокъ, рѣшилъ ввести въ дѣло послѣдній резервъ—2 батальона Тульскаго полка, 8 ор. и 4 эскадрона Новороссійскихъ драгунъ. Ставъ во главѣ этого отряда, маститый воинъ, кн. Бебутовъ лично повелъ его противъ сопротивляющагося еще противника и довершилъ полное пораженіе арміи мушира Зафира-паши. Въ первомъ часу дня прекратилось преслѣдованіе, въ виду полнаго изнеможенія людей. Благодаря этому, остатки непріятельской арміи, несмотря на совершенное ея пораженіе, успѣли спастись, собрались къ Карсу и послужили основаніемъ для новыхъ формированій. Трофеями побѣды были 15 орудій, 6 знаменъ, множество оружія и свыше 2 тысячъ плѣнныхъ. Общія потери турокъ достигли 10 т. ч., у насъ же выбыло изъ строя около 3 тысячъ. Князь Бебутовъ въ награду за эту побѣду былъ награжденъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. 4-го августа войска наши начали отходить къ своимъ

границамъ и въ ноябрѣ расположились на квартиры у Александрополя, а позднѣе разошлись на широкія квартиры въ окрестностяхъ Александрополя, Тифлиса, Ахалкалаки и Делижана. Прочіе же отряды въ наступившую зиму были расквартированы слѣдующимъ образомъ:

Ахалкалакскій—въ окрестностяхъ Ахалкалакъ;

Ахалцыхскій—въ окрестностяхъ Ахалцыха и на пространствѣ между Ахалцыхомъ и Сурамомъ;

Гурійскій—въ окрестностяхъ Кутаиса и на пространствѣ отъ Сурама до устья рѣчки Техуры, впадающей въ Ріонъ.

---

6. Операціи въ Крыму: театръ воен. дѣйствій; состояніе кр. Севастополя. Высадка союзниковъ; сраженіе на Алмѣ. Обложеніе Севастополя съ южной стороны; бомбардировка 5-го октября; Балаклавскій бой; сраженіе при Инкерманѣ.

Если до осени 1854 г. враги Россіи имѣли въ борьбѣ съ нею болѣе обширныя, но менѣе опредѣленныя цѣли ослабить русское вліяніе въ Европѣ, то съ этого времени цѣли ихъ хотя и сузились, но зато пріобрѣли болѣе опредѣленную форму—раздавить могущество Россіи на Черномъ морѣ. Предполагалось положить окончательный предѣлъ ея дальнѣйшему поступательному движенію на югъ, съ цѣлью захвата проливовъ, или же хотя бы только замедлить это движеніе на много лѣтъ.

Въ дѣйствительности же борьба за Черное море вылилась въ форму борьбы за Севастополь, базу и мѣсто стоянки нашего, грознаго въ то время для Турціи, Черноморскаго флота.

Крымскій полуостровъ, сильно вдающійся неправильнымъ четырехугольникомъ въ Черное море, соединяется съ материкомъ узкимъ Перекопскимъ перешейкомъ, шириною около 18 верстъ.

Съ сѣвера на югъ полуостровъ имѣетъ протяженіе около 200 вер., а съ запада на востокъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ 300 верстъ. Съ трехъ сторонъ Крымъ омывается Чернымъ моремъ, а сѣверо-восточная его часть Азовскимъ моремъ и озеромъ Сивашъ или Гнилымъ моремъ. Сравнительно мало изрѣзанные берега Крыма, а также почти повсемѣстное мелководье у береговъ образуетъ весьма немного заливовъ и бухтъ, удобныхъ для якорной стоянки. Къ числу послѣднихъ надо отнести на сѣв.-зап. берегу бухту Акъ-Мечетскую, далѣе на юго-западномъ участкѣ Евпаторійскій рейдъ, который однако совершенно открытъ и имѣетъ грунтъ, затрудняющій стоянку судовъ на якорѣ, затѣмъ Севастопольскій рейдъ и гавань, и глубокій Балаклавскій заливъ; изъ числа заливовъ: Ялтинскаго, Алуштинскаго, Суданскаго и Ѳеодосійскаго, только послѣдній вполнѣ удобенъ для якорной стоянки. Омывая далѣе южный берегъ Керченскаго полуострова, Черное море черезъ Керчь-Еникальскій проливъ, длиною 40 верстъ и шириною въ самомъ узкомъ мѣстѣ $4\frac{1}{2}$ версты, соединяется съ Азовскимъ. Азовское море, мелководное у береговъ и неудобное поэтому для судоходства, омываетъ сѣверный берегъ Кер-

ченскаго полуострова до Арабатской стрѣлки, отдѣляющей его отъ озера Сивашъ.

Нѣсколько уширивающаяся на сѣверъ стрѣлка отдѣляется отъ материка Геническимъ проливомъ.

Крымскій полуостровъ дѣлится по рельефу мѣстности на двѣ неравныя и рѣзко отличающіяся части—горную и степную; часть, простирающаяся на 15—60 верстъ отъ морского берега внутрь страны, горная и она занимаетъ около $^1/_3$ всей поверхности; остальное пространство полуострова степное.

Главный хребетъ Крымскихъ горъ тянется вдоль южнаго берега и большей частью въ недалекомъ отъ него разстояніи. Какъ онъ, такъ и параллельные ему второстепенные хребты, круто обрываются къ югу и, напротивъ, полого спускаются къ сѣверу. Высшая часть хребта Чатырь-Дагъ 5.000 футъ.

Близъ Ѳеодосійской бухты главный хребетъ почти прерывается, сохраняя слабую связь съ горными возвышенностями Керченскаго полуострова.

Изъ рѣкъ сѣвернаго склона Крымскаго хребта наиболѣе замѣчательны: р. Черная, протекающая по болотистой Инкерманской долинѣ, Бельбекъ, Кача и Алма, долины которыхъ покрыты виноградниками.

Всѣ названныя рѣки не судоходны и представляютъ затрудненія для переправы лишь въ періодъ дождей и таянія снѣга.

Хорошими путями сообщенія Крымъ во время Восточной войны былъ до крайности бѣденъ. До 1854 года, за исключеніемъ шоссе, построеннаго вдоль южнаго берега на протяженіи около 100 верстъ отъ с. Таушанъ-Базаръ, у подошвы Чатыръ-Дага, до Севастополя, всѣ прочіе пути сообщенія состояли изъ грунтовыхъ почтовыхъ дорогъ. Средоточіемъ всѣхъ путей въ Крыму былъ Симферополь, отъ котораго дороги расходились въ слѣдующихъ направленіяхъ: 1) Изъ Симферополя на Перекопъ, главный почтовый, торговый и военный путь, по которому производились всѣ сношенія Крыма съ прочими частями Имперіи. 2) Изъ Севастополя на Евпаторію и Акъ-Мечеть 3) Изъ Симферополя черезъ Бахчисарай до Севастополя, главное сообщеніе Севастополя съ остальнымъ полуостровомъ и съ внутренними областями Имперіи. (Дорога эта находилась въ весьма дурномъ состояніи и пролегала то по каменистой горной, то по глинистой мѣстности, то по болотистымъ низменностямъ). 4) Отъ предыдущей дороги вѣтвь, отдѣляющаяся близъ Бахчисарая и направляющаяся на Балаклаву. 5) Симферополь, Карасу-Базаръ, Ѳеодосія, Керчь. 6) Симферополь, Чангарскій мостъ (соединяющій Крымъ и материкъ въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ оз. Сивашъ), Харьковъ. 7) Отъ Ѳеодосіи по Арабатской стрѣлкѣ, по паромной переправѣ черезъ проливъ Геническъ на материкъ. Кромѣ того, изъ Севастополя, Евпаторіи, Карасу-Базара и Ѳеодосіи шли дороги, которыя выходили на главный путь изъ Симферополя въ Перекопъ.

Населеніе Крымскаго полуострова до войны превышало 430 т. чел., что составляло 811 чел. на квадратную милю. Большая часть населенія состояла изъ татаръ, остальные же были караимы, жившіе преимущественно въ городахъ, нѣмцы колонисты въ Ѳеодосійскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ, греки въ Балаклавѣ, небольшое число русскихъ переселенцевъ, болгаре, армя-

не и евреи. Жители степей занимались преимущественно скотоводствомъ, главнымъ же занятіемъ жителей горной части Крыма являлось садоводство. Селенія-аулы татаръ по тѣснотѣ и загрязненности помѣщеній для расположенія въ нихъ войскъ не годились.

Въ общемъ Крымъ не представлялъ удобствъ ни въ смыслѣ путей сообщенія, ни въ цѣляхъ расквартированія, ни въ отношеніи снабженія всѣми припасами, за исключеніемъ мяса, имѣвшагося въ достаточномъ количествѣ.

Подвозъ моремъ прекратился съ началомъ войны, а сухопутные пути были трудно доступны.

Окрестности Севастополя, на которыхъ преимущественно сосредоточились военныя операціи 1854—1855 гг. и потому заслуживающія болѣе подробнаго описанія, ограничиваются на сѣверѣ р. Бельбекомъ, на западѣ и на югѣ Чернымъ моремъ и на востокѣ Балаклавской бухтой и отрогами главнаго хребта Крымскихъ горъ. Въ очерченномъ районѣ, въ отличие отъ остальной части полуострова, очень извилистый берегъ моря образуетъ нѣсколько бухтъ. Таковы Севастопольскій рейдъ, въ 6 верстъ длины, отъ 250 до 450 саж. ширины и отъ 35 до 63 фут. глубины, по своимъ качествамъ одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Сѣверный и южный берега бухты, образуемые уступами горъ, высоки, скалисты и обрывисты, но къ морю понижаются. Сѣверный берегъ образуетъ нѣсколько выдающихся мысовъ и малыхъ бухтъ, въ которыя впадаютъ короткія и неглубокія балки: Сѣверная, Сухая, Куриная, Панаіотова, Голландія, Сухарная, Маячная и Графская. Южный берегъ образуетъ три большія бухты, глубоко вдающіяся въ материкъ: Киленъ-балочную или Киленъ-бухту, Южную, очень удобную, и Артиллерійскую. Изъ нихъ Южная бухта совершенно защищена отъ всѣхъ вѣтровъ и представляетъ превосходную естественную гавань, въ которой помѣщался весь Черноморскій флотъ. Отъ Артиллерійской бухты къ востоку морской берегъ, постепенно понижаясь до Херсонесскаго мыса, образуетъ еще нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ бухтъ: Карантинную, Херсонесскую, Казачью, Песочную, Камышевую и Стрѣлецкую.

Отъ Херсонесскаго мыса берегъ круто поворачиваетъ на юго-востокъ, постепенно возвышается и переходитъ въ отвѣсные и мѣстами нависшіе обрывы, образующіе у Балаклавы весьма удобную, но однако, со стѣсненнымъ выходомъ въ море бухту.

Самыя ближайшія окрестности Севастополя большимъ рейдомъ и рѣкою Черной раздѣляются на 2 части. Южная, или такъ называемый Херсонесскій полуостровъ, отъ Севастополя постепенно повышается къ востоку и у верховьевъ Большого рейда обрывается уступомъ Сапунъ-Горою, составляющею 12-верстную неприступную позицію, обращенную фронтомъ къ востоку.

Херсонесское плато, сильно изрѣзанное балками, идущими по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, дѣлится глубокой Сарандинакиной балкой на 2 части съ различнымъ характеромъ. Восточная часть представляетъ, сравнительно съ западной, болѣе пересѣченную мѣстность съ глубокими балками и крутыми берегами этихъ балокъ, именно: Киленъ-Балка, протяженіемъ до 4 верстъ. Пространство между Киленъ-Балкою, рейдомъ и

рѣкою Черной состоитъ изъ Инкерманскихъ высотъ. Почти параллельно съ Киленъ-Балкой идетъ Доковъ оврагъ. Мѣстность между Киленъ-Балкою и Доковымъ оврагомъ представляетъ длинный хребетъ съ тремя отдѣльными высотами: ближайшая къ городу—Малаховъ курганъ, далѣе высота Камчатскаго люнета и на одной линіи съ ними у устья Микрюковой балки (одно изъ развѣтвленій верховьевъ Киленъ-Балки) высота Викторія или Микрюкова.

Слѣдующая балка, Лабораторная, соединяющаяся въ устьѣ съ Сарандинакиной. Хребетъ между Лабораторной балкой и Доковымъ оврагомъ также образуетъ двѣ высоты: Бамборскую, ближайшую къ городу, и Воронцовскую, въ верстѣ отъ первой.

Наконецъ, упомянутая выше Сарандинакина балка, которая идетъ почти по прямому направленію съ юга на сѣверъ, длиною въ 6 верстъ, до впаденія въ Южную бухту. Она, соединяясь у своего устья съ Лабораторной балкой, образуетъ довольно обширную низменность, называемую Пересыпь.

Съ правой стороны Сарандинакина балка принимаетъ въ себя двѣ другія—Хомутовку и Делагардіеву. Высота, находящаяся между Лабораторною, Сарандинакиною и Делагардіевой балками, называется Зеленой горой.

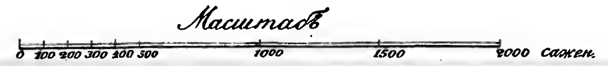
Западная часть Херсонесской возвышенности гораздо обширнѣе и мѣстность на ней менѣе пересѣчена.

Почти параллельно Сарандинакиной балкѣ здѣсь тянется Карантинная балка съ менѣе крутыми и почти повсюду удобовосходимыми берегами. Возвышенное плато между Сарандинакиной и Карантинной балками называется Куликовымъ полемъ.

Отсюда берутъ начало: Городской оврагъ, пересѣкающій городъ и впадающій въ Артиллерійскую бухту; Загородная балка, пролегающая къ западу отъ города, и Кладбищенская лощина. Между Карантинной балкой и вершиной городского оврага находится отдѣльная продолговатая высота съ пологими скатами, называемая Рудольфовой горой. Къ западу отъ Карантинной балки мѣстность, называемая Новой Землей, принимаетъ болѣе ровный характеръ; изъ пересѣкающихъ ее балокъ самыя значительныя—Стрѣлецкая и Камышевая, впадающія въ бухты того же наименованія.

Почва Херсонесскаго полуострова представляетъ пласты твердаго известняка, мѣстами совершенно обнаженнаго, мѣстами же покрытаго тонкимъ слоемъ глины и растительной земли, перемѣшанной съ хрящомъ.

Растительностью и водой мѣстность бѣдна до крайности и только Киленъ-балочная высота и верховья Доковой и Лабораторной балокъ были покрыты дубнякомъ и колючимъ кустарникомъ, все же остальное пространство представляло голую степь. Мѣстность между восточной оконечностью Херсонесскаго плато, Сапунъ-горою, Балаклавскими высотами и ближайшими отрогами главнаго хребта образуютъ живописную и плодородную Балаклавскую долину, которая постепенно понижается къ Черной рѣчкѣ, образуя рядъ отдѣльныхъ холмовъ; наиболѣе значительныя изъ нихъ—Федюхины высоты. Мѣстность къ сѣверу отъ большого рейда и долины рѣки Черной, ограниченная рѣкою Бельбекомъ и притокомъ Черной-Шулею, составляетъ часть второстепеннаго хребта параллельнаго Яйлѣ.

СЕВАСТОПОЛЬ

Севастопольскій Рейдъ

Инкерман высоты

Р. Черная

бродъ

Планъ окрестностей Севастополя.

Изъясненіе къ плану: I. II. III. IV. V. VI. — Нумера бастіоновъ. *Корнил.*-Бастіонъ Корнилова, или Малаховъ курганъ. *a.*—Батарея Геннериха. *b.*—Батарея Жервé. *c.*—Батарея Будищева. *d.*—Батарея Яновскаго. *e.*—Батарея Никонова. *f.*—Батарея Перекомскаго. *g.*—Батарея Сталя. *h.*—Батарея Брыпкина. *i.*—Батарея Костомарова. *k.*—Редутъ Язоновскій. *l.*—Редутъ Чесменскій. *m.*—Редутъ Шварца. *p.*—Люнетъ Бѣлкина. *n.*—Батарея Бутакова. *o.*—Редутъ Ростислава. *v.*—Батарея Шемякина. *A.*—Забалк. батарея. *B.*—Селенгин. редутъ. *C.*—Волын. редутъ. *D.*—Камчат. люнетъ.

Восточную часть ея составляетъ Каралезская гора, лежащая между Бельбекомъ и Каралезскимъ ущельемъ. Далѣе въ прямомъ направленіи на протяженіи 10 верстъ тянутся Мекензіевы горы, образуя ближе къ бухтѣ многочисленныя балки.

Этотъ горный массивъ образуетъ еще одну болѣе слабую позицію фронтомъ на сѣверъ по лѣвому берегу Бельбека.

На южномъ преимущественно берегу Севастопольскаго рейда расположенъ, основанный въ 1784 году, городъ Севастополь. Находясь почти въ средоточіи Чернаго моря, въ выдающемся положеніи нашего прибережья и представляя всѣ удобства для стоянки многочисленнаго флота, онъ составляетъ важный стратегическій пунктъ какъ для оборонительной, такъ и для наступательной войны.

Южная сторона Севастополя раздѣлялась на Городскую сторону, лежащую къ западу отъ Южной бухты, и Корабельную, расположенную къ востоку отъ нея.

Къ началу Восточной войны Севастополь, будучи главнымъ военнымъ портомъ на югѣ Россіи, былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для флота. Тамъ было прекрасное, такъ называемое, Лазаревское адмиралтейство, доки, водопроводъ, окружный арсеналъ, дѣловые дворы, провіантскіе магазины, лабораторія, значительный складъ орудій, пороха и прочихъ припасовъ, сухарный заводъ, казармы для морскихъ чиновъ и два госпиталя. Въ городѣ насчитывалось до 2 тысячъ каменныхъ домовъ и до 40 тысячъ жителей, почти исключительно русскаго, близко стоявшаго къ флоту, населенія.

По своимъ природнымъ свойствамъ Севастополь даетъ массу положительныхъ данныхъ для сильной обороны со стороны моря и крайне неудобенъ для обороны съ суши. Раздѣленный большимъ рейдомъ, какъ непроходимой въ бродъ рѣкою, на двѣ части, сѣверную и южную, онъ требуетъ для своей обороны сравнительно большого числа войскъ.

Сѣверный берегъ рейда командуетъ городомъ и всѣми морскими сооруженіями, а потому обладаніе имъ равносильно владѣнію рейдомъ и портомъ. Въ юго-восточной своей части городъ окруженъ командующими высотами, которыя постепенно повышаются до Сапунъ-горы, отстоящей отъ него въ 9—10 верстахъ. Наиболѣе удобная для обороны западная часть, гдѣ мѣстность менѣе пересѣчена.

Что касается до обороны рейда съ моря, то къ началу Восточной войны она уже была совершенно закончена и состояла изъ 8 сильныхъ батарей. Изъ нихъ казематированныя—Константиновская, Михайловская и отчасти каменная, отчасти земляная—№ 4-й батарея, были на сѣверномъ берегу рейда, а Павловская, Николаевская, № 8-й, въ связи съ 7 бастіономъ, Александровская и № 10-й—на южной сторонѣ рейда. Кромѣ Александровской батареи, которая была частью каменная, частью земляная, и земляныхъ батарей № 8-й и № 10-й, остальныя были каменныя, казематированныя.

Всѣ эти батареи, вооруженныя 533 орудіями, обстрѣливали взморье и рейдъ фронтальнымъ, фланговымъ и тыльнымъ огнемъ.

Для обороны же Севастополя съ суши было сдѣлано очень мало и, надо признать, что городъ съ этой стороны былъ совершенно не укрѣпленъ. Такъ, во исполненіе проекта укрѣпленій города 1837 г., на южной сторонѣ рейда были выполнены слѣдующія работы: оборонительныя казармы для закрытія горжъ на мѣстахъ бастіоновъ №№ 1-й, 5-й и 6-й, почти законченный бастіонъ № 7-й и оборонительныя стѣны между бастіономъ № 7-й и мѣстами бастіоновъ №№ 6-й и 5-й. На мѣстахъ рвовъ проектированныхъ бастіоновъ №№ 3-й, 4-й и 6-й были сдѣланы небольшіе валики. Кромѣ того, была сдѣлана тыльная оборонительная стѣнка позади батареи № 8-й и бастіона № 7-й между артиллерійскими зданіями.

На сѣверной сторонѣ имѣлось единственное Сѣверное укрѣпленіе, построенное еще въ 1818 году и оставшееся до Восточной войны безъ измѣненія. Оно имѣло видъ восьми-угольнаго форта съ боками отъ 80 до 100 саженей. Укрѣпленіе не было примѣнено къ мѣстности и не было анфилировано съ высотъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ него и само почти не доставляло никакой обороны впереди лежащей мѣстности.

Брустверá укрѣпленій осыпались, развалились и совершенно утратили свою первоначальную профиль.

Ни одно изъ укрѣпленій сухопутной стороны къ 1853 году не было вооружено, а на береговыхъ батареяхъ хотя орудія и были установлены, но все же не въ полномъ числѣ.

Практическую стрѣльбу гарнизонная артиллерія производила только изъ двухъ ближайшихъ къ морю батарей, для остальныхъ же не было опредѣлено ни угловъ возвышенія, ни дѣйствительности выстрѣловъ. На каждое орудіе имѣлось по 160 боевыхъ зарядовъ, изъ которыхъ въ готовомъ видѣ на батареяхъ было по 115 для бомбовыхъ пушекъ и единороговъ и 55 для мортиръ. Во всей крѣпости не было ни одной снаряженной бомбы. Такимъ образомъ, ко времени начала военныхъ дѣйствій съ Турціей оборонительная сила Севастополя не соотвѣтствовала необходимой безопасности этого ключа къ владычеству Россіи на Черномъ морѣ и базѣ нашего флота. Но, пропуская подробности, строительныя предположенія и самый постепенный ходъ работъ по укрѣпленію г. Севастополя, посмотримъ, въ какомъ же состояніи находились въ дѣйствительности укрѣпленія Севастополя ко 2 (14) сентября, когда вражеская нога впервые вступила на землю Таврическаго полуострова.

Укрѣпленія со стороны моря оставались тѣ же, что были и въ 1853 году. Они были усилены лишь на сѣверномъ берегу башней, воздвигнутой усердіемъ морского подрядчика отставного поручика Волохова, имѣвшей цѣлью препятствовать непріятелю обстрѣливать съ моря въ тылъ Константиновскую батарею; въ тылу же ея была построена земляная батарея Карташевскаго на 5 крѣпостныхъ орудій. Кромѣ того, вдоль рейда были построены: земляная батарея № 1-й, на мыску между Константиновской и Михайловской батареями, Двѣнадцати-Апостольская, Парижская и Святославская.

Сухопутныя же укрѣпленія находились въ слѣдующемъ состояніи: на южной сторонѣ самымъ сильнымъ укрѣпленіемъ былъ 6-й бастіонъ, начатый постройкой только зимою и еще не оконченный.

По устройству 5-го бастіона ничего сдѣлано не было и лишь возведенная тамъ башня была приспособлена для артиллерійской обороны и снабжена 11 орудіями.

Оборонительная стѣнка между 7, 6 и 5 бастіонами была закончена и вооружена 14 орудіями.

Лѣвѣе 5-го бастіона, на берегу городского оврага, былъ построенъ и вооруженъ редутъ Шварца (№ 1).

Для загражденія промежутка между редутами Шварца и 4 бастіономъ было устроено три завала. Первый изъ нихъ, начинаясь у редута, спускался въ городской оврагъ и закрывалъ выходы улицъ; въ четырехъ мѣстахъ за нимъ было поставлено 8 орудій. Второй завалъ пересѣкалъ Балаклавскую дорогу и былъ вооруженъ 4 полевыми орудіями. Третій завалъ, вооруженный двумя 24-ф. пушками, поднимался по крутизнамъ на Бульварную высоту.

Отъ 4-го бастіона, вооруженнаго 17 орудіями, былъ устроенъ вдоль окраины большого бульвара каменный завалъ, на оконечности котораго у Грибка (бесѣдка надъ обрывомъ высоты) была построена слабая батарейка № 2 (Грибокъ); у вершины Южной бухты, на Пересыпи, были устроены 4 батарейки; на Бамборской высотѣ, на мѣстѣ, назначенномъ для 3-го бастіона, была устроена батарея, въ видѣ редута съ отрѣзомъ. Для фланкированія лѣваго фаса батареи, построенной на мѣстѣ 3-го бастіона, была построена у восточнаго угла сада Прокофьева маленькая батарея Будищева (№ 3-й) въ видѣ каменнаго завала.

Позади этой батарейки была устроена у восточныхъ воротъ морского госпиталя другая батарейка—Госпитальная (№ 4-й).

На Малаховомъ курганѣ, кромѣ башни, никакихъ сооруженій возведено не было.

На мѣстѣ 2-го бастіона, на голой скалѣ была устроена 6-орудійная батарея для дѣйствія по Киленъ-балочной высотѣ. По обѣ стороны этой батареи тянулись каменные завалы, примыкавшіе къ садовой оградѣ въ Ушаковой балкѣ. На мѣстѣ 1-го бастіона была также возведена 4-ор. батарея полевой профили. Казарма 1-го бастіона была вооружена 9 полупудовыми единорогами.

На Корабельной сторонѣ была устроена, кромѣ этихъ укрѣпленій, линія каменныхъ заваловъ, которая простиралась отъ ограды морского госпиталя къ Доковой стѣнѣ и далѣе черезъ морской островъ къ оградѣ общественнаго сада въ Ушаковой балкѣ.

Всѣ описанныя укрѣпленія южной стороны были весьма слабы и удовлетворяли лишь до извѣстной степени условію отраженія только немногочисленнаго десанта. На вооруженіи ихъ, совмѣстно съ сухопутной частью бастіона № 7-й и батареи № 10, было всего 145 орудій.

Причины неготовности Севастополя должны быть отнесены къ инертности князя Меншикова и къ отсутствію должной энергіи начальника инженеровъ генерала Павловскаго.

Далѣе къ числу причинъ неготовности Севастополя относятся отсутствіе искусныхъ и энергичныхъ руководителей, недостатокъ шанцеваго инструмента и прочихъ запасовъ сухопутнаго вѣдомства. Самая же значительная

П. С. Нахимовъ въ Севастополѣ. Съ карт. И. Прянишникова.

Опросъ плѣнныхъ. Съ карт. В. Маковскаго.

доля вины должна лечь на князя Меншикова, не умѣвшаго объединить мѣстныхъ дѣятелей, влить въ нихъ должную энергію и настоять на быстрой и планосообразной работѣ.

Къ концу марта 1854 года въ окрестностяхъ Севастополя были сосредоточены: Волынскій пѣх. полкъ—4 бат., Минскаго пѣх. полка—3 бат.; резервная бригада 13 пѣх. дивизіи—8 бат.; 6-го саперн. бат.—1 бат.; Черноморскаго резервнаго лин. бат.—1 бат.; Кіевскаго гусарскаго полка—4 эск.; Веймарнск. гус. п.—12 эск.; 14 артиллер. бриг.— 12 ор. и кон. легк. № 12 бат.— 6 кон. ор., всего 17 бат., 12 эск., 12 пол. и 6 кон. орудій.

Князь Меншиковъ рѣшилъ изъ всѣхъ этихъ войскъ, за исключеніемъ 8 бат. резервной бригады, образовать дѣйствующій въ полѣ отрядъ для отраженія непріятельскихъ покушеній къ высадкѣ и къ нападенію на Севастополь съ береговой стороны. Въ составъ отряда должна была войти и 2-я бригада 17-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей, по прибытіи ея въ Крымъ.

Всѣ эти силы князь Меншиковъ рѣшилъ сосредоточить на Бельбекѣ, предназначивъ для обороны собственно города и укрѣпленій сѣвернаго берега резервную бригаду съ 4 полевыми орудіями и батареей горныхъ единороговъ, сводный флотскій батальонъ и нестроевыя команды сухопутнаго и морского вѣдомства.

Кромѣ этихъ войскъ въ Крыму находились: въ Ѳеодосіи—4-й бат. Минскаго полка, 2 роты Таврическаго гарнизоннаго бат. и 4 ор. 14 арт. бригады—всего $1^1/_2$ бат., 4 ор.; въ Керчи—около батальона мѣстныхъ войскъ и въ резервѣ между этими пунктами 4 эск. Веймарн. гус. пол. Отрядъ этотъ находился подъ начальствомъ генерала Жабокрицкаго.

Государь особенно безпокоился за оборону восточной части Крыма. Благодаря этому, съ приходомъ въ Крымъ 1 бр. 17 пѣх. дивизіи, князь Меншиковъ, по сношенію съ наказнымъ атаманомъ войска Донского генераломъ Хомутовымъ, расположилъ войска для обороны восточной части Крыма слѣдующимъ образомъ: въ Керчи — 3 бат., казачій полкъ и батарея; въ Ѳеодосіи—$3^1/_2$ бат., казачій полкъ и батарея и въ Арчинѣ—въ резервѣ 4 бат. казачій полкъ и донская батарея. Всего, такимъ образомъ, на Керченскомъ полуостровѣ сосредоточивалось $10^1/_2$ батальоновъ, 3 каз. полка и 3 батареи, и, кромѣ того, полкъ гусаръ передвигался въ Карасу-базаръ. Общее начальство надъ этими войсками генералъ Хомутовъ оставлялъ въ своихъ рукахъ.

Въ началѣ іюля изъ абордажныхъ судовыхъ командъ были сформированы 2 рез. бат., а изъ орудій, снятыхъ съ судовъ, подвижная десантная батарея.

Помимо этого предполагалось, что если противникъ начнетъ высаживаться поблизости отъ Севастополя (на что потребуется дней 5), то генералъ Хомутовъ, пройдя 200 верстъ въ 5—6 переходовъ при условіи, что ранцы повезутъ на подводахъ, успѣетъ подойти и ударить ему въ тылъ.

Прибытіе 6-й дивизіи еще больше увеличило радужное настроеніе князя Меншикова, и онъ писалъ, что хотя слухи о высадкѣ и продолжаются, но что со стороны союзниковъ было бы благоразумнымъ не пускаться въ подобную рискованную экспедицію.

Прибывающую дивизію командующій войсками рѣшилъ расположить слѣдующимъ образомъ: одну бригаду на Алмѣ у с. Бурлюкъ, а другую въ

Симферополѣ, чтобы имѣть возможность оказать помощь Хомутову въ случаѣ непріятельскаго десанта на Азовскомъ берегу.

Успокоеніе Меншикова передалось и въ С.-Петербургъ.

Къ 1-му сентября 1854 года общее число сухопутныхъ вооруженныхъ силъ въ Крыму было слѣдующее: мѣстныхъ войскъ—$19^1/_2$ бат. и дѣйствующихъ—$51^3/_4$ бат., 17 эск., 27 сот., 108 ор.—всего 51 т. человѣкъ. Дѣйствующія войска подраздѣлялись на 2 группы, изъ которыхъ на самомъ полуостровѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Меншикова находилось: $42^1/_2$ бат., 16 эск., 11 сот. и 84 ор., числомъ въ 35 тысячъ человѣкъ.

Изъ общаго числа войскъ князя Меншикова въ окрестностяхъ Севастополя находилось: 26 бат., 3 сот. и 42 ор. Между Качею и Алмой—8 бат., 8 эск. и 32 ор.; на аванпостахъ 6 сотенъ и остальныя—у Симферополя, на пути изъ Перекопа.

Войска, состоявшія подъ начальствомъ ген. Хомутова, были раздѣлены на 2 отряда и резервъ. Ѳеодосійскій отрядъ ген. Жабокрицкаго, силою въ $2^3/_4$ бат., 6 сот. и 8 ор. Керченскій отрядъ ген. Тимофѣева, силою въ $2^3/_4$ бат., 6 сот. и 8 ор. и резервъ у Арчина, силою въ 4 бат., 1 эск., 6 сот. и 8 ор. Князь Меншиковъ могъ, такимъ образомъ, при появленіи непріятеля сосредоточить въ окрестностяхъ Севастополя изъ всего находящагося на полуостровѣ числа войскъ не болѣе 30 т. человѣкъ.

Въ распоряженіи командующаго войсками находилась, кромѣ того, большая часть Черноморскаго флота, личный составъ котораго доходилъ до 18,500 человѣкъ, въ томъ числѣ 416 офицеровъ.

Если же сюда прибавить составъ арсенальныхъ, портовыхъ и лабораторныхъ ротъ, ластовыхъ экипажей и пр., то число чиновъ флота, находившихся въ Севастополѣ, простиралось до $24^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Но изъ всего этого числа моряковъ для сухопутной обороны города предназначалось 418 ч. арт. прислуги и 3600 человѣкъ разныхъ командъ, въ томъ числѣ были и 4 десантныхъ роты.

Къ 1-му сентября 1854 года непріятельскій флотъ доставилъ къ берегамъ Евпаторіи Союзную армію, достигавшую 60 тысячъ при 134 полевыхъ и 72 осадныхъ орудіяхъ. Изъ общаго числа союзниковъ около 30 т. ч. (40 бат., 2 эск., 6—8 п. ор.) приходилось на долю французовъ, около 22 тысячъ человѣкъ (32 бат., 10 эск., 54 ор.) на долю англичанъ, а 7 т. человѣкъ при 12 орудіяхъ составляли турки.

Въ тотъ же день трехтысячный отрядъ непріятеля вытѣснилъ изъ Евпаторіи слабосильную команду егерей-Тарутинцевъ и захватилъ въ складахъ 60 т. пудовъ пшеницы, обезпечивъ армію этимъ провіантомъ на четыре мѣсяца.

Со 2-го по 6-ое сентября союзники высаживали свои войска на берегъ между Евпаторіей и дер. Кюнтоуганъ совершенно въ мирныхъ условіяхъ, такъ какъ попытокъ помѣшать съ нашей стороны не предпринималось. Русская армія, руководимая своимъ главнокомандующимъ, адмираломъ—княземъ Меншиковымъ, силою въ 35 т. человѣкъ ($42^1/_2$ бат., 27 эск. и 84 орудія), сосредоточилась на лѣвомъ берегу рѣки Алмы, на пути высадившихся союз-

никовъ къ Севастополю. «Не признавъ возможнымъ атаковать высаженныя войска на плоскомъ берегѣ, обстрѣливаемомъ съ флота», князь Меншиковъ рѣшилъ помѣряться силою съ противникомъ на занятой имъ выгодной позиціи, прикрывавшей путь къ цѣли дѣйствій непріятеля—къ г. Севастополю.

Располагаясь по обѣ стороны дороги Евпаторія—Севастополь, Алминская позиція представляла изъ себя плато лѣваго берега рѣки Алмы, высотою 150—350 футовъ съ весьма крутыми, обрывистыми, труднодоступными даже для пѣхоты скатами на участкѣ отъ устья до селенія Алматамакъ, составлявшаго лѣвый флангъ нашей позиціи; выше этого селенія возвышенности лѣваго берега сворачиваютъ къ югу и отходятъ отъ рѣки, пріобрѣтая постепенно характеръ открытыхъ террасъ.

Въ центрѣ позиціи фронтъ ея пересѣкался у селенія Бурлюкъ спадающею къ рѣкѣ Алмѣ балкою, по которой проложена главная Евпаторійская дорога. Къ востоку отъ этой дороги находится довольно значительная возвышенность, отдѣльный холмъ которой отстоялъ отъ рѣки въ 300-хъ саженяхъ, составляя крайній правый флангъ нашей позиціи.

Высоты лѣваго берега Алмы представляли всѣ удобства обзора и обстрѣла обширной равнины праваго берега, покрытой густыми виноградниками, садами и селеніями (Алматамакъ, Бурлюкъ и Тарханларъ) лишь непосредственно у рѣки.

Алма проходима во многихъ мѣстахъ въ бродъ, мостъ же (деревянный) имѣлся лишь противъ селенія Бурлюкъ. Выгодными сторонами позиціи являлись: 1) командованіе впередилежащей мѣстностью (обзоръ, обстрѣлъ), 2) скрытое расположеніе нашихъ войскъ, 3) обстрѣлъ съ моря затруднялся, благодаря высотамъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Къ числу недостатковъ позиціи надо отнести: 1) растянутость — 7 верстъ, хотя лѣвый флангъ могъ обороняться въ силу своей труднодоступности весьма небольшими силами, и 2) укрытія праваго берега (сады, селенія) могли служить защитою врагу.

И безъ того сильная позиція на Алмѣ могла, конечно, быть доведена средствами фортификаціи до высокой степени обороноспособности, но, несмотря на избытокъ времени, средствъ и рабочихъ, ничего въ этомъ отношеніи сдѣлано не было.

Пространство отъ моря до лѣваго фланга нашего расположенія, т.-е. до дороги Алматамакъ—Аджибулатъ, обезпечивалось только батальономъ Минскаго полка, высланнаго къ д. Аклесъ съ цѣлью мѣшать возможной высадкѣ въ бухтѣ Улукуль. Обходъ нашего лѣваго фланга считался въ виду его труднодоступности невозможнымъ.

Интересно то обстоятельство, что прежде ежедневно къ бухтѣ Улукуль высылался батальонъ съ четырьмя орудіями, а къ старому Татарскому укрѣпленію на утесѣ лѣваго берега Алмы—1 рота.

Съ вершины этого утеса, почти вовсе недоступнаго, вьется лишь одна искусственная тропинка къ рѣкѣ, и преградить здѣсь наступленіе непріятелю представлялось дѣломъ весьма легкимъ. Но въ роковой день сраженія ни къ бухтѣ, ни къ утесу не было выслано ни войскъ, ни наблюдателей.

Къ востоку отъ дороги Алматамакъ—Аджибулатъ по обрыву Алмы располагались въ ротныхъ колоннахъ 5-й и 6-й батальоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ, имѣя за собою Тарутинцевъ въ колоннахъ къ атакѣ. Московскій полкъ, составляя вмѣстѣ съ 4-мя батареями 17 артил. бригады резервъ участка, располагался въ верстѣ за его серединою.

Въ центрѣ позиціи у подошвы горъ и почти надъ самымъ виноградникомъ лѣваго берега Алмы стояли легкія № 1 и № 2 батареи 16-й артил. бригады. Позади ихъ на полугорѣ стоялъ построенный въ колоннахъ къ атакѣ Бородинскій полкъ. На правомъ участкѣ позиціи, восточнѣе Евпаторійской дороги, на сѣверо-западномъ склонѣ имѣющейся тамъ возвышенности стояла въ эполементѣ, въ разстояніи картечнаго выстрѣла отъ Бурлюкскаго моста, батарейная № 1 батарея 16-й артиллерійской бригады; за нею—егерскій Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ (нынѣ Казанскій); на вершинѣ той же горы въ эполементѣ стояла № 3 батарея 14-й артил. бригады, а правѣе ея—Суздальскій пѣх. полкъ, съ легкою № 4 батареею той же бригады. На южномъ склонѣ горы во второй линіи были расположены Владимірскій и Углицкій полки и за ними въ резервѣ—батарейная № 5 и легкая резервная № 4 донская батарея. Казаки, располагаясь за правымъ флангомъ, прикрывали его.

6-й стрѣлковый, 6-й саперный и сводный морской батальонъ были разсыпаны въ садахъ деревень Бурлюкъ и Алматамакъ. Обшій резервъ, располагавшійся въ ложбинѣ при Евпаторійской дорогѣ, составляли 3 батальона Минскаго полка, Волынскій полкъ съ легкою № 5 батареею 17-й артил. бригады и гусарская бригада 6-й кавал. дивизіи. Командованіе войсками, размѣщенными въ центрѣ и на правомъ флангѣ (вправо отъ Евпаторійской дороги), было ввѣрено генералу кн. Горчакову [1]), войсками же лѣваго фланга командовалъ генер.-лейт. Кирьяковъ.

Непріятельская армія, закончивъ приготовленія, 7-го сентября выступила къ рѣкѣ Алмѣ и послѣ небольшого авангарднаго дѣла остановилась невдалекѣ отъ нашей позиціи, съ цѣлью атаковать ее съ разсвѣтомъ 8-го.

Сообразно этому 4 дивизіи французовъ и 1 дивизія турокъ должны были составить правое крыло атакующихъ войскъ, лѣвое же состояло изъ пяти англійскихъ дивизій, еще лѣвѣе которыхъ должна была слѣдовать конница Кардигана.

Союзники предполагали атаковать, пользуясь превосходствомъ силъ, одновременно позицію русскихъ съ фронта, обойти дивизіей Боске нашъ лѣвый флангъ и нанести рѣшительный ударъ нашему правому флангу, также обойдя его. Въ цѣляхъ одновременности дѣйствій, выступленіе дивизіи Боске съ ночлега было назначено въ $5^1/_2$ часовъ утра, англичанамъ—въ 6 часовъ утра, прочимъ войскамъ—въ $6^1/_2$ час. утра. Однако, до девяти часовъ наступленіе Боске и остальныхъ французскихъ дивизій сильно тормозилось тѣмъ обстоятельствомъ, что англичане, ожидая почему-то утромъ вторичнаго приказанія, только въ 9 часовъ утра двинулись съ мѣстъ ночлега. Тогда и генералъ Боске, успѣвшій уже произвести тщательную развѣдку мѣстности зуа-

---

[1]) Братъ главнокомандующаго Дунайской арміей.

План сраженія на рѣкѣ Альмѣ 8 (20) сентября 1854 года.

Союзныя войска

а а. Построеніе въ боевой порядокъ передъ аттакою

b b. Обходное движеніе див. Боске

c c. Аттака лѣваго фланга Русской позиціи

Русскія войска

а а. Первоначальное расположеніе

b b. Расположеніе войскъ направленныхъ изъ резерва на усиленіе лѣваго фланга

c c. Расположеніе войскъ прикрывавшихъ отступленіе

Черное море

Бурлюкъ

Алма тамакъ

Тарутинскій п.

Бородинскій п.

Суздальскій п.

Владимірскій п.

Казанскій п.

Московскій п.

Мыс Лукулл

Масштабъ

100 200 300 1000 1500 саженъ

Русскія войска: Пѣхота, Кавалерія

Пѣхота: Франц. войска, Англійскія; Кав.; Турки

вами и алжирскими стрѣлками, перешелъ въ наступленіе двумя колоннами. Правую колонну составила бригада генерала Буа, двинутая по отмели вдоль Морского берега, а лѣвую—бригада генерала д'Отмара, направленная по пролегавшей въ оврагѣ тропинкѣ. Генералъ Боске шелъ во главѣ лѣвой колонны.

Зуавы быстро поднялись на утесы лѣваго берега, а одинъ ихъ батальонъ немедленно продвинулся къ дер. Улукулъ и, найдя ее свободной, занялъ. Когда наступавшая подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и огня съ пароходовъ дивизія Боске развернулась на высотахъ лѣваго берега Алмы, прочія войска союзной арміи построили боевой порядокъ. Противъ с. Алматамакъ развернулись французы, имѣя въ 1-й линіи дивизіи Канробера и Наполеона, а дивизіи Форе и турецкую, двинутую по пути правой колонны генерала Боске—во второй линіи.

Противъ селенія и моста черезъ Алму выстроились въ боевой порядокъ англичане. У нихъ въ 1-й линіи были дивизіи Эвенса и Броуна, а во второй—Энгленда и Герцога Кембриджскаго. Резервъ, составленный изъ дивизій Каткара и бригады конницы Кардигана, расположился за лѣвымъ флангомъ. Боевой порядокъ союзниковъ прикрывался огнемъ 3-хъ батарей и цѣпи разсыпанныхъ впереди штуцерныхъ.

Сосредоточеніе дивизіи Боске къ нашему лѣвому флангу было замѣчено съ 8 час. утра. Видя наступленіе спускающихся къ рѣкѣ батальоновъ, главнокомандующій переѣхалъ на лѣвый флангъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда врагъ уже преодолѣлъ высоты праваго берега. Между тѣмъ зуавы разсыпали цѣпь и, обойдя второй батальонъ Минскаго полка, открыли въ тылъ ему огонь.

Посланный на помощь батальонъ Московцевъ встрѣтили успѣвшіе устроиться пять батальоновъ дивизіи д'Отмара, а новое подкрѣпленіе въ лицѣ всего остального Минскаго полка нарвалось уже на 10 батальоновъ подоспѣвшей бригады Буа. Огонь съ судовъ и превосходство въ силахъ сломили отвагу русскихъ батальоновъ. Загнувъ флангомъ къ позиціи, Минскій полкъ и Московскій батальонъ неоднократно повторяли попытки штыками сбросить въ рѣку наступавшаго непріятеля, но, не принимая атаки и пользуясь превосходствомъ вооруженія, французы безнаказанно разстрѣливали ряды русскихъ.

Въ то время, когда загорѣлся бой на лѣвомъ флангѣ, маршалъ С. Арно приказалъ французскимъ дивизіямъ начать наступленіе съ фронта. Преимущество вооруженія союзниковъ скоро склонило успѣхъ боя на сторону французовъ, и сначала штуцерные 3-го батальона Московскаго полка, занимавшіе селеніе Алматамакъ, а потомъ и весь Московскій полкъ, спустившійся съ высотъ въ долину Алмы съ цѣлью обстрѣлять наступающія французскія колонны, понесъ громадныя потери, а безрезультатный огонь нашихъ ружей—не могъ остановить наступленіе дивизій Канробера и принца Наполеона.

Англичане вступили въ бой позднѣе французовъ и притомъ вышли не противъ праваго фланга русской позиціи, а развернулись съ фронта на селенія Бурлюкъ и Тарханларъ. Слабо занятые нашими стрѣлками сады праваго берега Алмы скоро перешли въ руки непріятеля.

Овладѣвъ правымъ берегомъ, союзники перешли въ наступленіе съ фронта сразу всѣми силами. Перешедшіе въ бродъ Алму батальоны понесли тяжелыя потери отъ огня упорно оборонявшихся русскихъ стрѣлковъ и 4-й легкой батареи 17-й артиллерійской бригады.

Не успѣвшія подать на высоты свою артиллерію наступавшія дивизіи воспользовались помощью генерала Боске, приславшаго одну батарею.

Въ то же время маршалъ С. Арно поддержалъ наступавшія войска дивизіей генерала Форе, направивъ одну ея бригаду на содѣйствіе генералу Боске, а другую генералу Канроберу.

Высланная въ голову колоннъ артиллерія успѣла повліять на исходъ боя на этомъ участкѣ поля сраженія, и около двухъ часовъ пополудни наше лѣвое крыло отошло.

Около этого времени медленно, но въ образцовомъ порядкѣ подходили къ с. Бурлюкъ англійскія колонны лорда Раглана.

Наши отступившія части подожгли селеніе (Бурлюкъ), а саперы, видя продолжающееся наступленіе непріятеля, кинулись разрушать мостъ, «но совершенно въ этомъ не успѣли». Однако и англичане, понеся громадныя потери, на нѣкоторое время залегли.

Вынесшаяся было къ мосту бригада Кардигана не выдержала нашего огня и отхлынула. Но стрѣлки противника, продвинувшіеся впередъ и залегшіе въ виноградникахъ и за камнями, довели огонь до высшаго напряженія, и Бородинскій полкъ съ легкими батареями, понеся огромныя потери, понемногу сталъ отходить. Новое наступленіе англичанъ въ 3 часа дня было встрѣчено огнемъ батарейной № 1 батареи 16-й артиллерійской бригады. Первые же, съ большимъ трудомъ переправившіеся, 5 англійскихъ батальоновъ, были двинуты для атаки этой укрытой эполементомъ батареи. Для защиты ея двинулись два батальона Казанскаго полка. Но когда они миновали батарею, то тѣмъ самымъ, заслонивъ ея огонь, лишили себя огневой поддержки, дали передохнуть англичанамъ, которые, не принявъ атаки, стали издали разстрѣливать наступавшихъ русскихъ. Безсильные противъ англійскаго огня Казанскіе батальоны стали отходить, а на ихъ плечахъ на батарею ворвались англичане. Два новыхъ батальона Владимірскаго полка, не ожидая пока врагъ устроится въ эполементѣ, ударили на англичанъ и штыками погнали ихъ къ рѣкѣ. Безостановочно наступавшіе Владимірцы съ генералами кн. Горчаковымъ и Квицинскимъ во главѣ скоро начали обстрѣливаться съ фланга двумя англійскими орудіями, въ то время когда съ фронта трещали штуцера подкрѣпленныхъ подошедшими поддержками и начавшихъ устраиваться англичанъ.

Охвативъ наступавшихъ, непріятель поставилъ Владимірцевъ подъ перекрестный огонь и въ нѣсколько минутъ вырвалъ изъ среды полка всѣхъ офицеровъ и громадное число рядовъ. Израненный, несомый на носилкахъ, генералъ Квицинскій сталъ возвращать изъ боя остатки славнаго полка, разсчитаннаго послѣ сраженія лишь на 4 роты.

Суздальскій и Углицкій полки прикрыли отступленіе нашихъ войскъ, а непріятель съ возвышенностей былой нашей позиціи громилъ отходящія по дорогѣ за правымъ флангомъ наши колонны. Одновременно съ правымъ крыломъ и центромъ отходили вдоль долины Улукулъ и части лѣваго крыла.

Для заполненія образовавшагося въ серединѣ промежутка, нѣсколько позади мѣста расположенія нашего главнаго резерва, развернулись: Волынскій полкъ съ тремя выѣхавшими на позицію батареями, гусары и казаки. Этотъ аріергардъ принудилъ утомленнаго и разстроеннаго боемъ непріятеля прекратить преслѣдованіе.

Двойное превосходство врага въ силахъ, важное преимущество въ вооруженіи, неиспользованіе нами всѣхъ средствъ фортификаціи въ цѣляхъ возможнаго усиленія позиціи, недостаточность развѣдки, не выяснившей возможности обхода нашего лѣваго фланга, отсутствіе наблюденія за флангами и за движеніемъ непріятельскихъ колоннъ и, наконецъ, разрозненность въ дѣйствіяхъ частей нашего боевого порядка, не имѣвшихъ общаго руководства и предоставленныхъ самимъ себѣ, сдѣлали свое дѣло и, понеся громадныя потери въ 5709 человѣкъ (1200 убитыми, 3174 ран. и 735 б. пр.), наша армія 9-го сентября отошла къ Севастополю.

Озабоченный обороной Севастополя съ моря, кн. Меншиковъ въ день Алминскаго сраженія приказалъ генералъ-адъютанту Корнилову затопить у входа на рейдъ нѣсколько кораблей. Желая сразиться на морѣ съ врагомъ, генералъ-адъютантъ Корниловъ всячески боролся противу затопленія. Прервавъ собранный имъ совѣтъ изъ флагмановъ и капитановъ, также высказавшихся за потопленіе судовъ,—Корниловъ произнесъ: „Готовьтесь къ выходу; будетъ данъ сигналъ, кому что дѣлать“.

Но, настаивая на своемъ, главнокомандующій предложилъ Корнилову оставить Севастополь и хотѣлъ уже отдать приказъ о потопленіи кораблей вице-адмиралу Станюковичу. „Остановитесь“, вскричалъ Корниловъ, „это самоубійство то, къ чему вы меня принуждаете. Но, чтобы я оставилъ Севастополь, окружаемый непріятелемъ—невозможно. Я готовъ повиноваться вамъ“. 10-го состоялось распоряженіе, а утромъ 11-го на мѣстахъ затопленныхъ кораблей „Сизополя“, „Варны“, „Силистріи“, „Уріила“, „Флоры“, „Селафіила“ и „Три Святителя“ плавали лишь обломки рангоутовъ.

11-го сентября у главнокомандующаго созрѣло рѣшеніе предоставить оборону Севастополя резервнымъ батальонамъ, саперамъ и морякамъ, а съ прочими войсками отойти къ Бахчисараю, гдѣ занять фланговую позицію на случай движенія непріятеля къ Севастополю и въ то же время обезпечить себѣ сообщеніе съ Перекопскимъ перешейкомъ, а оттуда и съ внутренними губерніями. Командованіе расположенными въ Севастополѣ войсками князь Меншиковъ передавалъ начальнику 14-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Моллеру 2-му; оборона сѣверной стороны поручалась генералъ-адъютанту Корнилову, а южной вице-адмиралу Нахимову. Во исполненіе распоряженія главнокомандующаго, войска Севастопольскаго гарнизона 13-го сентября были расположены слѣдующимъ образомъ:

а) На сѣверной сторонѣ: въ сѣверномъ укрѣпленіи—6 т. человѣкъ подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Бартенева; у праваго ретраншамента—до 2200 человѣкъ капитана 1-го ранга Зарницкаго; у лѣваго ретраншамента и въ балкѣ сѣверной пристани—3200 человѣкъ вице-адмирала Новосильскаго;

на Константиновской батареѣ—800 человѣкъ и прислуга на батареяхъ: Константиновской, Карташевскаго, Волохова, Пестича и № 4-й.

б) На южной сторонѣ: 5800 нижнихъ чиновъ и прислуга батарей: легкой № 4-й (14-й арт. бриг.), 2-й морской подвижной, и 4 орудій резервной бригады 13-й пѣх. дивизіи.

Въ то же время, начатыя еще со 2-го сентября усиленныя работы по приведенію крѣпости въ оборонительное состояніе, производившіяся подъ руководствомъ недавно прибывшаго въ Севастополь полковника Тотлебена, шли самымъ усиленнымъ темпомъ.

Утомленіе войскъ и необходимость наладить эвакуацію больныхъ и раненыхъ, устроить тылъ, задержали союзниковъ на берегахъ Алмы до 11-го сентября. Въ этотъ день въ 7 часовъ утра союзники двинулись къ р. Качѣ, послѣ ночлега на которой было предположено атаковать сѣверное укрѣпленіе. Однако полученныя свѣдѣнія объ устройствѣ новыхъ батарей на сѣверной сторонѣ и о потопленіи кораблей, лишавшемъ союзниковъ содѣйствія флота, повліяли на измѣненіе плана атаки крѣпости и 13-го сентября, когда авангардъ союзниковъ подходилъ уже къ Бельбеку, ими рѣшенъ былъ переходъ на южную сторону. Между тѣмъ въ ночь съ 11-го на 12-е авангардъ кн. Меншикова двинулся къ хутору Мекензи, Отаркой и далѣе къ сѣверу отъ Севастополя, въ то время, когда союзники переходили съ сѣверной стороны Севастополя на южную.

13-го сентября у хутора Мекензи конница союзниковъ столкнулась съ частью нашего обоза, слѣдовавшаго въ хвостѣ колонны князя Меншикова и захватила 25 повозокъ. 14-го, оставивъ авангардъ генерала Жабокрицкаго въ Отаркой, кн. Меншиковъ отошелъ къ рѣкѣ Качѣ по дорогѣ на Бахчисарай, а союзники, перейдя на южную сторону, заняли: французы—Федюхины высоты, а англичане Балаклаву, послѣ отчаяннаго сопротивленія въ послѣдней роты Греческаго батальона. Базу свою французы устроили въ Камышевой бухтѣ, а англичане въ Балаклавѣ, которую кн. Меншиковъ считалъ недоступной для судовъ большого ранга.

14-го же сентября въ командованіе союзными войсками вступилъ генералъ Канроберъ вмѣсто заболѣвшаго холерой, свирѣпствовавшей въ союзной арміи, и скоро умершаго маршала С. Арно.

Убѣдившись въ переходѣ союзниковъ на южную сторону, генералъ-адъютантъ Корниловъ списалъ еще 6 тысячъ человѣкъ съ судовъ и принялъ на себя, по просьбѣ генералъ-лейтенанта Моллера 2-го и вице-адмирала Нахимова, офиціально должность начальника штаба обороны, а фактически и все руководство ею.

Работы по укрѣпленію южной стороны пошли съ удвоенной энергіей; гарнизонъ ея былъ доведенъ до 6 тысячъ человѣкъ при 23 орудіяхъ; гарнизонъ же сѣверной стороны былъ соотвѣтственно ослабленъ и составлялъ $3^1/_2$ тыс. человѣкъ. На судахъ было оставлено 3 тысячи матросовъ.

Князь Меншиковъ, убѣдившись послѣ перехода союзниковъ на южную сторону въ безопасности своихъ сообщеній съ внутренними губерніями, 18-го сентября вернулся къ Севастополю и расположился на сѣверной его сторонѣ.

Первая рекогносцировка союзниками укрѣпленій южной стороны относится къ 15-му сентября. Глазамъ развѣдчиковъ представилась картина кипучей дѣятельности осажденныхъ. Рядъ новыхъ укрѣпленій, батарей, траншей, заваловъ не могъ не вызвать удивленія. Послѣ рекогносцировки было принято мнѣніе англійскаго инженера Бургона, стоявшаго за правильную осаду и говорившаго, что штурмовать укрѣпленія, не подготовивъ атаки ихъ огнемъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, легкомысленно. Вслѣдъ за рѣшеніемъ прибѣгнуть къ правильной осадѣ, союзники измѣнили свое первоначальное расположеніе и заняли слѣдующія мѣста: французы—3-я и 4-я дивизіи (г. Форе)—между Стрѣлецкой бухтой и Сарадинакиной балкой въ разстояніи $2^1/_2$—3 верстъ отъ города и фронтомъ къ бастіонамъ 4-му, 5-му, 6-му и 7-му; правѣе французовъ стали англичане;—на лѣвомъ флангѣ 3-я дивизія Ингленда, въ центрѣ—4-я дивизія Каткарта и легкая Броуна; на правомъ, занимая обрывы Сапунъ-горы противъ развалинъ Инкермана, 2-я дивизія Леси-Эванса; за легкою дивизіей стояли парки, первая дивизія герцога Кембриджскаго и конница.

Остальныя двѣ французскія дивизіи—первая и вторая, подъ начальствомъ генерала Боске, и турецкая дивизія составили обсерваціонный корпусъ, расположенный на обрывахъ Сапунъ-горы фронтомъ къ Балаклавѣ и Федюхинымъ высотамъ. На обсерваціонный корпусъ возлагалась задача охранять армію со стороны Черной рѣчки. Французы имѣли промежуточную базу въ Камышевой и Казачьей бухтахъ, а англичане базировались на Балаклаву. Численность союзниковъ къ 19-му сентября достигла 67 т. человѣкъ (41 т. французовъ, 20 т. англичанъ и 6 т. турокъ). Постепенно подходившія подкрѣпленія усиливали также и русскую полевую армію и гарнизонъ Севастополя, достигшій къ концу сентября 30 т. человѣкъ.

Энергія полковника Тотлебена и усердіе гарнизона привели къ тому, что въ періодъ съ 14-го сентября по 4-е октября вновь были построены 20 батарей, вдвое увеличено вооруженіе, составлявшее теперь 341 орудіе, и впереди нѣкоторыхъ бастіоновъ и Малахова кургана были заложены фугасы и построены засѣки. Въ этотъ періодъ времени наши батареи обстрѣливали непріятеля, а гарнизономъ производились вылазки съ цѣлью безпокоить устраивавшагося на позиціяхъ врага.

Наконецъ, закончивъ свои предварительныя работы, въ пасмурную и вѣтряную ночь съ 27-го на 28-е сентября, французы заложили 1 параллель на Рудольфовой горѣ въ 400 саженяхъ отъ 5-го бастіона; англичане, построивъ двумя ночами раньше двѣ батареи для обстрѣливанія Малахова кургана и батарей Ландкастеровскими орудіями, въ ночь съ 28-го на 29-е заложили первую параллель на Воронцовской высотѣ и горѣ Зеленой въ 700 саж. отъ бастіона № 3-й. Къ 4-му октября 53 французскихъ и 73 англійскихъ орудія готовы были открыть огонь изъ батарей по осажденнымъ. Штурмъ былъ предположенъ 5-го послѣ подготовки его огнемъ артиллеріи.

Канонада началась съ 6—7 часовъ утра 5-го октября и спустя часъ уже оборонительныя казармы 5-го и 6-го бастіоновъ и Малахова кургана

оказались сильно поврежденными; состоявшія за парапетомъ орудія 5-го бастіона и на башнѣ приведены къ молчанію. Но и французамъ былъ причиненъ изрядный вредъ; такъ, береговая батарея № 10-й сбила 3 непріятельскихъ орудія, на непріятельской № 4-й батареѣ былъ нами взорванъ пороховой погребъ, на 1-й—зарядный ящикъ.

Около 11 часовъ бомбардировка на французскомъ фронтѣ стихла. На нашемъ лѣвомъ крылѣ особенно пострадалъ 3-й бастіонъ, гдѣ выбыли изъ строя послѣдовательно 6 командировъ и дважды была смѣнена прислуга у орудій, третья часть которыхъ была сбита. Въ 3 часа на 3 бастіонѣ взорвался погребъ, обративъ укрѣпленіе въ груду камней; въ 4 взорвался ящикъ на Малаховомъ курганѣ.

Вредъ, намъ нанесенный, не былъ бы особенно великъ, если бы не смерть доблестнаго генералъ-адъютанта Корнилова. Показываясь безпрерывно въ опаснѣйшихъ мѣстахъ и не сдаваясь на убѣжденія беречь себя, онъ возражалъ: «что скажутъ обо мнѣ солдаты, если сегодня меня не увидятъ». Проѣхавъ къ Малахову кургану, встрѣченный восторженными кликами матросовъ 44 флотскаго экипажа, Корниловъ спокойно отдавалъ распоряженія, наблюдая за врагомъ. Исполнивъ, казалось, все, онъ сошелъ съ Малаховой башни, подошелъ къ Кремальерной батареѣ, чтобы сѣсть на лошадь и поѣхать въ Ушакову балку, гдѣ стояли резервы. Въ это время ядро ранило его въ ногу у живота. «Отстаивайте же Севастополь», сказалъ онъ окружающимъ и потерялъ сознаніе. Очнувшись въ госпиталѣ, онъ говорилъ свидѣтелямъ своей кончины: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна»; и спустя немного: «Благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ». И уже въ агоніи услышавъ голоса о томъ, что англичане будто бы принуждены къ молчанію, вскричалъ «ура» и, болѣе въ себя не приходя, скончался.

Когда бомбардировка нашего праваго крыла прекратилась и огонь поддерживался лишь англичанами,—вступили въ дѣло корабли непріятельской эскадры, но отъ этой бомбардировки они пострадали болѣе, нежели крѣпостные верки.

Видя безуспѣшность морской атаки, союзники скоро прекратили бой и лишь англичане вели огонь на сухопутномъ фронтѣ до наступленія полной темноты. Убыль наша въ день перваго бомбардированія составила 1250 человѣкъ, союзники потеряли 868 человѣкъ. Напрасныя жертвы осаждающихъ, не достигшихъ серьезнаго результата, вселили уныніе въ ихъ рядахъ и привели къ сознанію, что только медленной осадой имъ удастся овладѣть Севастополемъ.

Неудача союзниковъ напротивъ подняла духъ осажденныхъ, увеличила ихъ силы и желаніе отстоять кусокъ родной земли. Обращаясь къ причинамъ неудачныхъ дѣйствій французовъ, необходимо отмѣтить, что сосредоточенное расположеніе батарей на Рудольфовой горѣ приводило къ необходимости вести обстрѣлъ нашей позиціи по расходящемуся вѣеру, тогда какъ намъ приходилось вести огонь по вѣеру сходящемуся, что въ смыслѣ сосредоточенія огня несравненно выгоднѣе.

Достигнутые же англичанами успѣхи объясняются тѣмъ, что дѣйствіе ихъ орудій съ фронта сопровождалось огнемъ фланговымъ и частью даже тыльнымъ.

Ночь съ 5-го на 6-е была нами употреблена на исправленіе поврежденій и на приведеніе въ относительно оборонительное состояніе бастіона № 3-й. А французы въ эту ночь и день вывели участокъ первой параллели отъ Рудольфовой горы къ капители 4-го бастіона, обнаруживъ тѣмъ свое намѣреніе прибѣгнуть къ правильной осадѣ. Разсвѣтъ 6-го принесъ намъ новую бомбардировку бастіона № 3-й, 4-й и Малахова кургана со стороны англійскихъ батарей. Потери 3-го бастіона вновь достигли 543 человѣкъ. Затѣмъ, начиная съ 7-го по 13-е октября, ежедневно съ нашей стороны въ отвѣтъ на непріятельскую канонаду выпускалось отъ 10 до 12, 14 т. снарядовъ.

Устройство траверсовъ и блиндажей, искусство опытныхъ сигнальщиковъ, предупреждавшихъ о летящихъ на укрѣпленія снарядахъ, значительно уменьшили наши потери, достигавшія за сутки въ среднемъ 254 человѣкъ. Кромѣ того, громадную роль сыграло чрезвычайно удачное расположеніе новыхъ батарей, строившихся подъ руководствомъ Тотлебена. Едва союзники построютъ батарею, какъ за ночь Тотлебенъ выстраивалъ противъ нея 2, и тѣмъ не давалъ имъ возможности пріобрѣсти перевѣса въ огнѣ.

Не ограничивавшійся одной пассивной обороной, доблестный гарнизонъ Севастополя сталъ прибѣгать къ вылазкамъ. Мѣшая непріятелю производить ночныя работы, охотники, въ большинствѣ случаевъ участвовавшіе въ этихъ опасныхъ предпріятіяхъ, держали непріятеля въ постоянномъ тревожномъ ожиданіи нападенія. Активныя наши выступленія вліяли прекрасно на духъ защитниковъ, и число желающихъ принять участіе въ вылазкахъ росло. Такъ, въ ночь съ 8-го на 9-е октября нашимъ морякамъ удалось заклепать 7 французскихъ орудій на Рудольфовой горѣ. Въ этой вылазкѣ погибли славной смертью лейтенантъ Троицкій и кн. Путятинъ.

Въ ночь на 10-е французы повели подступы противъ капители 4-го бастіона, редута Шварца и успѣли заложить участокъ 2-й параллели.

Въ первой половинѣ октября наши силы достигли 65 т. человѣкъ и въ самомъ недалекомъ будущемъ, съ подходомъ 10-й и 11-й дивизій, должны были возрасти до 80—90 тысячъ. Къ этому же времени численность союзниковъ доходила до 70—85 тысячъ человѣкъ. Если принять во вниманіе растянутое положеніе союзниковъ и необходимость прикрывать осадныя работы,—то для насъ являлось весьма выгоднымъ предпринять наступленіе на базу англичанъ—Балаклаву—и тѣмъ поставить союзниковъ въ затруднительное положеніе. Гарнизонъ Балаклавы состоялъ изъ 3350 англичанъ и 1000 турокъ, послѣдніе занимали редуты (шесть), которые составляли внѣшнюю линію укрѣпленій и были расположены на холмахъ, отдѣляющихъ Балаклавскую долину отъ долины Черной рѣчки. Вторую линію укрѣпленій, внутреннюю, составлялъ рядъ батарей, соединенныхъ траншеями.

Для атаки Балаклавы былъ отряженъ 16-т. отрядъ ген. Липранди, первоначально сосредоточившійся въ Чоргунѣ.

Начатое въ 6 часовъ утра русскими наступленіе, поддержанное канонадой, черезъ часъ уже увѣнчалось взятіемъ редутовъ, поспѣшно покинутыхъ турецкимъ гарнизономъ. На выручку бѣжавшимъ туркамъ была устремлена конная бригада Скерлета, а затѣмъ и Кардигана. Дѣло свелось къ кавалерійскому

бою, въ которомъ удачной фланговой атакой Еропкинъ со своимъ сводным уланъ. полкомъ разбилъ англійскую конницу.

Подходъ французскихъ войскъ на выручку заставилъ генерала Липранди только удержать въ своихъ рукахъ редуты 1-й, 2-й и 3-й и, не двигаясь далѣе, тѣмъ самымъ прекратить сраженіе. Потери наши составили 550 человѣкъ, союзниковъ 598.

Значеніе боя было, конечно, главнымъ образомъ моральное, поднявшее бодрое настроеніе въ войскахъ. И только остается пожалѣть, что эта операція была предпринята безъ достаточныхъ для полнаго успѣха силъ, которыя можно было сосредоточить, подождавъ подхода 10-й и 11-й дивизій. Тогда слѣдовало однимъ могучимъ ударомъ лишить англичанъ ихъ базы, къ охранѣ которой до сей поры они относились не столь внимательно.

Союзники, обезпокоенные Балаклавской операціей, ослабили послѣ нея бомбардировку Севастополя и сосредоточили все свое вниманіе на обезпеченіе промежуточной базы англичанъ. Обсерваціонный корпусъ пододвинулся къ англичанамъ, 1-й французской дивизіи приказано быть готовой оказать англичанамъ необходимое содѣйствіе.

Усиленныя осадныя работы французовъ пододвинули къ 20-му октября ихъ траншеи до 100 саженъ къ 4-му бастіону, тогда какъ траншеи медленно дѣйствовавшихъ англичанъ остановились въ верстѣ отъ бастіона № 3-й.

22-го въ составъ Севастопольскаго гарнизона влилась 10-я дивизія. Полученныя около этого времени свѣдѣнія о предположенной въ началѣ ноября атакѣ города, вынудили князя Меншикова озаботиться подготовкой Севастополя къ штурму и принятіемъ необходимыхъ мѣръ на случай очищенія города. Съ подошедшими частями 10-й и 11-й дивизій общее количество русскихъ въ Крыму достигло 90—100 т. человѣкъ, тогда какъ союзники насчитывали лишь 70 тысячъ. Казалось, моментъ для дѣйствій назрѣлъ, и главнокомандующій рѣшилъ перейти въ наступленіе всѣми силами.

Исходя изъ того, что успѣшная атака непріятельскаго расположенія можетъ быть достигнута при одновременномъ нападеніи на правый флангъ, центръ, съ цѣлью его прорвать, и лѣвый флангъ, съ цѣлью приковать къ мѣсту расположенныя тамъ непріятельскія силы, князь Меншиковъ распредѣлилъ предназначенныя для наступленія войска слѣдующимъ образомъ:

1) Дѣйствующій отрядъ города Севастополя — 29 батальоновъ, 1 каз. сотня, 38 ор.,—всего 19 т. человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, долженъ былъ начать наступленіе изъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра;

2) Отрядъ съ Инкерманской горы, генералъ-лейтенанта Павлова, силою въ 20 $^1/_2$ бат., 96 ор., всего 16 т. человѣкъ, долженъ былъ выступить въ 6 ч. утра, возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ генералъ-лейтенантомъ Соймоновымъ. Общее руководство этими двумя отрядами возлагалось на генерала Данненберга;

3) Чоргунскій отрядъ ген. кн. Горчакова, силою въ 16 бат., 52 эск., 10 сотенъ, 88 ор., всего 20 тысячъ человѣкъ,—имѣлъ назначеніемъ

отвлекать вниманіе союзниковъ и долженъ былъ овладѣть однимъ изъ подъемовъ на Сапунъ-гору;

4) Гарнизонъ—имѣлъ задачей содѣйствовать наступленію огнемъ и въ случаѣ замѣшательства у непріятеля захватить батареи противника; для обезпеченія отъ непріятеля Бахчисарайской дороги на Мекензіевой горѣ былъ оставленъ отрядъ около 6 тысячъ при 36 орудіяхъ.

Отрядамъ генераловъ Соймонова [1]) и Павлова предстояло наступать сперва по узкому, 350 саж. шириною, плато между долиною Черной рѣчки и Киленъ-балки и далѣе къ единственно доступному участку непріятельскаго расположенія между вершинами Каменоломнаго оврага и другого, впадающаго въ Киленъ-балку.

Дождь, сопровождавшійся сильнымъ вѣтромъ, испортилъ окончательно дороги, но помогъ скрытному сосредоточенію нашихъ войскъ къ исходнымъ пунктамъ, начавшемуся еще съ 2 часовъ ночи. Къ 6 часамъ утра отрядъ ген.-лейт. Соймонова уже построился въ верстѣ отъ праваго непріятельскаго фланга фронтомъ къ 2-й англійской дивизіи генерала Лесси, расположеніе которой было обезпечено тремя весьма слабыми укрѣпленіями.

При первыхъ же выстрѣлахъ со стороны Киленъ-балки не ждавшая атаки дивизія Лесси (при 12 ор.) стала въ ружье, примкнувъ свой правый флангъ къ редуту № 1-й, а лѣвый къ верховьямъ Киленъ-балки. Съ трудомъ преодолѣвая размокшій грунтъ, разстрѣливаемые нарѣзнымъ оружіемъ англичанъ, русскіе медленно, но безостановочно продвигались впередъ. Въ теченіе часа вторая англійская дивизія была значительно усилена и ко времени атаки достигла 12—13 т. человѣкъ.

Осиливъ естественныя препятствія, два батальона Тобольцевъ съ двумя батальонами Колыванскаго полка опрокинули бригаду Паннефазера, овладѣли редутомъ № 2-й и заклепали 2 орудія. Въ то время, подошедшій къ Инкерманскому мосту еще въ 5 часовъ утра и задержанный возобновленіемъ переправы, генералъ Павловъ только началъ переходить рѣку Черную. Между тѣмъ, егеря 10-й дивизіи окончательно разстроили передовые полки бригадъ Паннефазера и Буллера, а два батальона Екатеринбургскаго перешли верховья Киленъ-балки, атаковали бригаду Кондригтона и захватили 4 орудія, но, наткнувшись на превосходныя силы и не поддержанные съ тылу, принуждены были отойти.

Однореме́нно остановились, а скоро и отошли понесшіе большія потери егеря 10-й дивизіи, прикрытые Бутырскимъ и Углицкимъ полками, за правымъ флангомъ которыхъ находились въ резервѣ Владимірскій и Суздальскій полки.

Огонь 38 орудій помогъ нашимъ батальонамъ отступить и расположиться внѣ выстрѣловъ.

Въ 8 часовъ утра на занятыя англичанами высоты взобрались Тарутинскій и Бородинскій полки, ведя атаку подъ прикрытіемъ канонады генерала Соймонова на правый флангъ бригады Адамса.

---

[1]) По предположенію колонна генерала Соймонова должна была слѣдовать по лѣвому берегу Киленъ-балочнаго оврага, но на дѣлѣ произошла путаница изъ-за названія—правый или лѣвый берегъ.

Рѣшительно атакованные англичане подались назадъ, а Тарутинцы захватываютъ редутъ № 1-й. Отошедшая бригада Адамса стала издали разстрѣливать Тарутинцевъ и, нанеся послѣднимъ громадныя потери, атаковала ихъ. Порѣдѣвшіе Тарутинцы покинули редутъ, но, едва успѣвъ возстановить порядокъ и сомкнуть ряды, они новой атакой отбрасываютъ англичанъ. Однако къ бригадѣ Адамса успѣли подойти 6 свѣжихъ батальоновъ гвардіи, за ними устроившаяся бригада Паннефазера, и волна ослабленныхъ Тарутинцевъ откатилась къ Каменоломному оврагу.

Рукопашный бой смѣнился канонадой. Развернувъ свои силы, англичане имѣли на правомъ флангѣ у вершины Каменоломнаго оврага гвардейскую бригаду Бентика, редутъ № 1-й занимали Кольдстримы, въ центрѣ стали бригады Адамса и Паннефазера, на лѣвомъ флангѣ была бригада Буллера. Бригада Кондригтона расположилась на лѣвомъ берегу Киленъ-балки. Кромѣ того, къ полю сраженія должны были скоро подойти вызванные еще въ 7 часовъ утра, прибывшимъ къ мѣсту боя лордомъ Рагланомъ, дивизіи Каткара и Джона Кемпбеля.

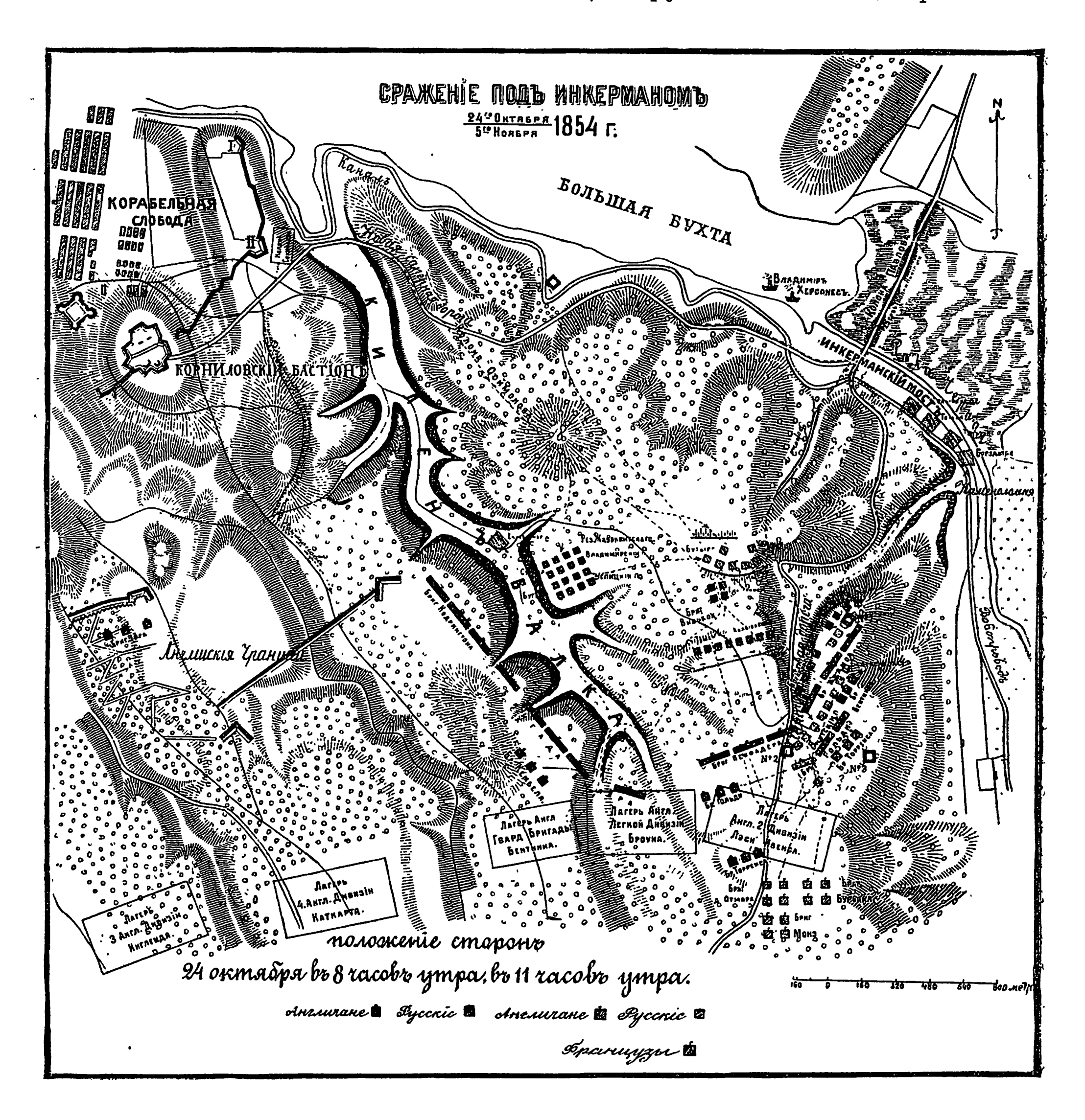
Генералъ Боске, обезпокоенный движеніемъ Чоргунскаго отряда, первоначально приготовился встрѣтить атаку кн. Горчакова, но потомъ, видя, что дѣятельность его ограничивалась одною канонадой, разгадалъ демонстративный характеръ и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы перевести возможно большее количество войскъ къ рѣшительному пункту поля сраженія.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра на Киленъ-балочное плато взошли батальоны Охотскаго полка и, видя передъ собой развернувшагося врага, бросились на него, не ожидая подхода прочихъ батальоновъ и артиллеріи отряда генерала Павлова. Встрѣченные канонадою и сильнымъ штуцернымъ огнемъ англичанъ, стрѣлки Охотскаго полка были первоначально оттѣснены; но, поддержанные 4 сапернымъ батальономъ, опрокинули непріятельскихъ стрѣлковъ и прикрыли развертываніе колонны Инкерманскаго отряда. За Охотскимъ полкомъ развернулись Якутскій и Селенгинскій полки, имѣя впереди и влѣво 32 орудія. Огонь нашей артиллеріи, сосредоточенный по непріятельской № 1-й батареѣ, сильно способствовалъ взятію ея штыками Охотцевъ, понесшихъ, однако, ужасныя потери отъ перекрестнаго огня англичанъ.

Прибывшій въ этотъ моментъ на поле сраженія генералъ Каткартъ со своей дивизіей немедленно двинулъ въ обходъ Охотцевъ бригаду; но атака ея была отбита Селенгинцами. Приблизившись неосторожно къ батареѣ № 1-й и разсчитывая найти тамъ англичанъ, генералъ Каткартъ неожиданно для себя былъ атакованъ Охотскимъ полкомъ и поддержавшими его Якутцами и Селенгинцами. Громадныя потери среди начальствующихъ лицъ и выбытіе изъ строя $^1/_4$ состава нижнихъ чиновъ, при полномъ израсходованіи резервовъ, заставили англичанъ прибѣгнуть къ помощи французовъ, отъ содѣйствія которыхъ до сей поры они отказывались.

Но стихійное наступленіе 11-й дивизіи не удалось остановить и прибывшимъ передовымъ частямъ французовъ съ генераломъ Бурбаки во главѣ. Уже разстроенные боемъ ряды англичанъ и французовъ, перемѣшавшись, подались назадъ. Успѣхъ на рѣшительномъ пунктѣ поля сраженія, казалось, былъ ужъ обезпеченъ.

Оставалось только отвлечь вниманіе противника на прочемъ фронтѣ, приковать къ мѣстамъ своего первоначальнаго расположенія силы союзниковъ при помощи вылазки изъ Севастополя и энергичнаго наступленія Чоргунскаго отряда, — и побѣда была бы въ рукахъ русскихъ... Но, произведенная изъ Севастополя вылазка, по малочисленности принимавшихъ въ ней участіе силъ, особаго вліянія на ходъ боя не оказала, а руководимые кн. Горчаковымъ

20 т. человѣкъ Чоргунскаго отряда оставались равнодушными зрителями разыгрывавшейся на Инкерманѣ драмы.

Половина всѣхъ силъ Чоргунскаго отряда была оставлена кн. Горчаковымъ на правомъ берегу рѣчки Черной въ то время, когда другая половина была растянута на пронстранствѣ отъ Федюхиныхъ высотъ до Балаклавскаго редута № 1-й. Подобное расположеніе отряда обусловливало полную невозможность энергичнаго наступленія и ему оставалось ограничиться безвредной, продолжавшейся до 9 часовъ утра канонадой; съ 9 часовъ утра и до 4 ча-

Подвигъ матроса Шевченко. Съ карт. В. Маковскаго.

Смерть П. С. Нахимова. Съ карт. В. Маковскаго.

совъ дня обѣ стороны лишь наблюдали другъ друга. Въ 4 часа кн. Горчаковъ расположилъ свой отрядъ въ долинѣ Черной рѣчки.

Бездѣятельность Чоргунскаго отряда позволила ген. Боске выдѣлить значительныя силы на поддержку англичанъ и уже съ 11 часовъ утра двѣнадцати тысячамъ пѣхоты и многочисленной конницѣ кн. Горчакова были противопоставлены 5 бат. бригады Эспинаса силою 3200 человѣкъ.

Новыя французскія силы совмѣстно съ англичанами навалились на порѣдѣвшіе и истомленные продолжительнымъ боемъ полки 11-й дивизіи. Уступая громадному превосходству въ силахъ, части отряда генерала Павлова начали понемногу отходить. Не введенными въ бой у насъ были лишь полки Бутырскій, Углицкій, Владимірскій и Суздальскій. Первымъ двумъ предстояло прикрыть отступленіе 11-й дивизіи, а вторые должны были расположиться вдоль саперной дороги, по которой тянулась наша разстроенная боемъ артиллерія. Въ 1 часъ дня на смѣну отступавшимъ были выдвинуты Владимірскій и Суздальскій полки и грудью своею прикрыли отходящія части.

Скоро однако потери заставили и это свѣжее прикрытіе отступить вслѣдъ за прочими войсками, изъ которыхъ артиллерія вмѣстѣ съ вышедшими изъ Севастополя частями направилась къ мосту на Киленъ-балкѣ, а части отряда генерала Павлова—къ рѣчкѣ Черной.

Провожая отступающихъ штуцернымъ огнемъ, стрѣлки противника, пользуясь кустарникомъ, слишкомъ приблизились къ нашимъ батареямъ и едва не захватили нѣсколько орудій. Лишь находчивость Тотлебена, своевременно разсыпавшаго роту Углицкаго полка, поддержанную затѣмъ батальономъ Бутырскаго и двумя батальонами Владимірцевъ, дала возможность выиграть время и, подъ прикрытіемъ огня нѣсколькихъ выкаченныхъ на позицію орудій, спасти нашу артиллерію, успѣвшую втянуться за оборонительную линію лишь въ $8^1/_2$ час. вечера.

Потери наши были для того времени колоссальны: 6 генераловъ, 289 офицеровъ и 11669 нижнихъ чиновъ выведены изъ строя. Союзники потеряли $4^1/_2$ т. человѣкъ. Главными причинами нашей неудачи надо признать:

1) Неиспользованіе всѣхъ силъ, имѣвшихся въ распоряженіи кн. Меншикова; полки Тобольскій, Волынскій, 8 бат. 13 резервной дивизіи, многочисленная конница, моряки, отрядъ князя Горчакова, отрядъ на Мекензіевой горѣ — почти вовсе не приняли участія въ бою, а силы переименованныхъ частей составляли $^1/_3$ общаго числа войскъ;

2) Неясность диспозиціи, приведшая къ тому, что колонны дѣйствовали безъ всякой связи и вступали въ бой по частямъ, и

3) Преступная бездѣятельность князя Горчакова, предоставившаго ген. Данненберга самому себѣ.

Все же результатомъ Инкерманскаго сраженія явилось то обстоятельство, что союзники отказались временно отъ всякихъ штурмовъ Севастополя и перешли къ правильной осадѣ.

---

7. Осада Севастополя; бой за передовыя позиціи; бомбардировка 28-го марта—7-го апрѣля; штурмы 26-го мая и 6 іюня.

Союзники, несмотря на успѣхъ въ сраженіи при Инкерманѣ и несмотря на подходъ 31-го октября новыхъ подкрѣпленій, отказались однако на нѣкоторое время отъ рѣшительныхъ дѣйствій и обратили самое серьезное вниманіе на обезпеченіе своего расположенія отъ нашихъ покушеній.

Съ конца октября въ окрестностяхъ Севастополя сильно ухудшилась погода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе теплой одежды въ наступившія ненастныя и дождливыя ночи, и частыя бури съ проливными дождями развили болѣзненность среди союзниковъ, и холера стала уносить большое количество жертвъ. Въ ночь же на 2-е ноября весь лагерь союзниковъ затопило ливнемъ, бурею сорвало палатки, а на морѣ значительное число судовъ было потоплено и разбито.

Разрушенія, причиненныя въ эту ночь осаднымъ работамъ, заставили непріятеля заняться ихъ исправленіемъ, прекративъ на время веденіе новыхъ подступовъ.

Принятыя нашей администраціей мѣры достаточно обезпечили защитниковъ теплой одеждой и только безсмѣнное расположеніе людей на позиціи изнуряло гарнизонъ Севастополя, давая возможность развиваться лихорадкамъ и желудочнымъ заболѣваніямъ.

Усиливая свою циркумъ-валаціонную линію, союзники особенно прочно укрѣпили Киленъ-балочную высоту, создавъ, кромѣ уже имѣвшихся, рядъ новыхъ редутовъ, получившихъ общее названіе «Черныхъ редутовъ», предназначавшихся для обстрѣливанія подступовъ отъ Киленъ-бухты и Черной рѣчки.

Въ то же время были усилены укрѣпленія впереди Балаклавы и на Сапунъ-горѣ.

Ослабленіе огня осадныхъ батарей дало возможность передохнуть и гарнизону, который въ свою очередь использовалъ конецъ октября и начало ноября для ряда работъ по укрѣпленію оборонительной линіи. Такъ, Малаховъ курганъ былъ обращенъ въ сомкнутое укрѣпленіе, были сомкнуты горжи нѣкоторыхъ бастіоновъ, устроены завалы, искусственныя препятствія, и т. п.

Начатыя въ ночь на 7-е ноября атаки небольшихъ частей союзниковъ на наши завалы впереди укрѣпленій вначалѣ успѣха не имѣли, но въ ночь на 9-е англичанамъ удалось овладѣть завалами на Зеленой горѣ и устроить изъ нихъ траншею на протяженіи 100 саженъ. Чтобы не дать возможности англичанамъ утвердиться на оконечности Зеленой горы, съ нашей стороны были приняты мѣры для возможно сильнаго обстрѣливанія противника и производились частыя вылазки охотниками преимущественно изъ моряковъ и черноморскихъ пластуновъ, которые облюбовали это занятіе, сдѣлавъ изъ него родъ спорта, вносившаго нѣкоторое разнообразіе въ томительные дни обороняющагося... Первое мѣсто между молодцами охотниками безспорно принадлежало матросу 30-го флотскаго экипажа Петру Кошкѣ [1]), котораго такъ и

---

[1]) Вдова его въ настоящее время еще жива и находится на попеченіи Севастопольскаго комитета.

тянуло на какой-нибудь отчаянный подвигъ. То, незамѣтно подкравшись къ непріятелю, онъ снимаетъ часового, то спасаетъ отъ вражескаго поруганія трупъ убитаго товарища, то, ворвавшись въ траншею противника, захватываетъ съ собою плѣннаго.

Кромѣ обстрѣла непріятельскихъ работъ и вылазокъ, обороняющійся часто прибѣгалъ къ устройству ложементовъ, состоявшихъ изъ небольшихъ участковъ траншей, закладывавшихся посредствомъ летучей сапы впереди оборонительной линіи и на такомъ разстояніи отъ непріятельскихъ работъ, чтобы производству ихъ можно было бы мѣшать ружейнымъ огнемъ. Впервые ложементы были заложены передъ редутомъ Шварца и въ періодъ между 20 и 24 ноября число ихъ достигло 7-ми. Затѣмъ, по мѣрѣ распространенія французской атаки къ сторонѣ Карантинной бухты,—ложементы были устроены на всемъ протяженіи отъ Городского оврага до упомянутой бухты и на другихъ участкахъ оборонительной линіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нами было усилено вооруженіе праваго фланга обороны и построенъ рядъ батарей и новыхъ редутовъ: Чесменскій, Ростиславскій и Язоновскій; вообше продолжавшееся до половины декабря затишье было использовано въ полной мѣрѣ и оборонительная линія возможно усилена.

Еще со времени Инкерманскаго боя, французы заложили на лѣвомъ флангѣ передъ третьей параллелью полупараллель и изъ нея также вывели впередъ нѣсколько подступовъ, приблизившихъ непріятеля къ исходящему углу люнета Шварца на 210 саженей.

Но подвинуться къ намъ ближе имъ не удавалось.

Это заставило полковника Тотлебена опасаться, что французы спустились подъ землю и ведутъ подъ бастіонъ мины съ цѣлью его взорвать. Тогда полковникъ Тотлебенъ приказалъ и съ нашей стороны спуститься минами, чтобы идти навстрѣчу непріятелю.

Съ тѣхъ поръ и до паденія Севастополя передъ четвертымъ бастіономъ велась очень упорная минная война и такъ успѣшно для насъ, что французы принуждены были бросить свои попытки овладѣть 4 бастіономъ и обратить всѣ усилія на Малаховъ курганъ.

Завѣдывалъ минными работами съ нашей стороны штабсъ-капитанъ Мельниковъ, который постоянно находился въ минныхъ галлереяхъ подъ землею, постоянно слѣдилъ за непріятельскимъ минеромъ и, подпуская его незамѣтно поближе къ себѣ, взрывалъ заложенные камуфлеты, разбивалъ на большое пространство его галлереи, заставляя начинать эту кропотливую работу снова.

Самое сильное впечатлѣніе произвелъ на французовъ нашъ первый камуфлетъ, взорванный 22-го января. Услышавъ 18 января работу непріятельскаго минера, наши минеры заложили зарядъ въ 12 пудовъ и неожиданно для противника взорвали его.

Когда послѣдовалъ взрывъ, то съ нашей стороны было слышно, какъ подземный гулъ удалялся въ сторонѣ непріятеля, и потомъ въ его траншеяхъ показались пламя и дымъ. Французы были такъ ошеломлены неожиданнымъ взрывомъ, что въ испугѣ выскочили изъ своихъ закрытій и были

встрѣчены сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ нашихъ орудій, заранѣе приготовленныхъ для этой цѣли.

10-го февраля нашимъ минерамъ удалось совершить рѣдкій подвигъ: саперный унтеръ-офицеръ Федоръ Самокатовъ, работая въ галлереѣ, наткнулся на непріятельскую мину и занялъ $12^1/_2$ сажен. ея открытою силою съ командою, состоящею всего изъ четырехъ минеровъ и фейерверкера съ ракетами.

Постоянной удачей отличалась для насъ минная война, но и дорого же стоила она труженикамъ-саперамъ, которымъ цѣлые мѣсяцы приходилось жить подъ землею, въ узкихъ галлереяхъ, гдѣ нельзя было выпрямиться, при полномъ недостаткѣ свѣжаго воздуха, да къ тому же каждую минуту ожидать, что непріятельскій взрывъ живого похоронитъ въ обширной могилѣ.

Производившiяся въ теченіе всей зимы вылазки предпринимались нами съ цѣлью мѣшать ночнымъ работамъ непріятеля.

Но наибольшую славу заслужилъ постоянный участникъ вылазокъ, лейтенантъ Бирюлевъ, отличавшійся замѣчательной отвагой и распорядительностью.

Рядъ его заслугъ былъ отмѣченъ производствомъ Бирюлева въ капитанъ-лейтенанты и назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

Уступая настояніямъ Государя и военнаго министра въ необходимости перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, кн. Меншиковъ рѣшилъ штурмовать Евпаторію съ цѣлью лишить союзниковъ этого пункта высадки.

Произведенная ген. Хрулевымъ 5-го февраля 1855 года попытка штурмовать Евпаторію, благодаря сильному гарнизону, солиднымъ укрѣпленіямъ и достаточной артиллеріи, не удалась.

Несмотря на жестокій огонь обороняющагося, наши войска подошли было къ самому рву города, но, найдя ровъ наполненнымъ водой, принуждены были отойти, такъ какъ лѣстницы оказались короткими.

Извѣстіе о неудачѣ подъ Евпаторіей застало Государя на одрѣ болѣзни.

Поручая Наслѣднику отвѣтить князю Меншикову, Государь высказалъ свое огорченіе о напрасныхъ потеряхъ и, извѣрившись въ способности командовавшаго войсками въ Крыму, Высочайше уволилъ его по болѣзненному состоянію отъ должности. Начальствованіе Крымскою арміею было ввѣрено ген.-адъютанту кн. Горчакову 2-му.

Въ началѣ осады союзники главную атаку вели на укрѣпленія городской стороны и вспомогательную на третій бастіонъ. Но 20-го января 1855 года на военномъ совѣтѣ Ніель указалъ на важное значеніе Малахова кургана, командовавшаго всею Корабельною слободкою, гаванью и сообщеніями съ Сѣверною стороною; съ овладѣніемъ Малаховымъ курганомъ, по мнѣнію генерала Ніеля, представлялась возможность обстрѣливать съ тыла оборонительную линію, что въ свою очередь должно было повлечь паденіе Севастополя.

26-го января противъ Малахова кургана была заложена на разстояніи 840 саж. первая параллель и начаты постройкой 2 батареи.

Въ цѣляхъ возможнаго замедленія успѣха непріятельскихъ работъ противъ Малахова кургана, нами было рѣшено занять лежащія впереди Малахова

кургана и за Киленъ-балкою высоты. Подробно обслѣдовавъ мѣстность за Киленъ-балкою и выбравъ мѣсто для укрѣпленія, вечеромъ 10-го, въ Троицкую балку свезли шанцевый инструментъ и туры, а полковникъ Тотлебенъ съ капитаномъ Тидебель разбили редутъ въ 400 саж. отъ непріятеля и въ 450 саж. впереди 2-го бастіона, названный въ честь Селенгинцевъ – Селенгинскимъ.

Французы въ ночь съ 11-го на 12-е повели самое рѣшительное нападеніе на этотъ редутъ, но Селенгинцы и Волынцы, подъ начальствомъ генер. Хрущева, съ помощью парохода «Владиміръ» отбили блестяще всѣ попытки французовъ.

Столь же успѣшно 17-го февраля въ 100 саженяхъ впереди Селенгинскаго редута былъ выстроенъ редутъ Волынскій, а 26-го выросъ въ 315 саженяхъ отъ Малахова кургана Камчатскій люнетъ, имѣвшій назначеніемъ обстрѣливать мѣстность между Киленъ-балкою и Доковымъ оврагомъ, подступы французовъ за Киленъ-балку и англичанъ впереди 3-го бастіона.

Сооруженіе Камчатскаго люнета, составившаго центръ нашей контръ-параллели, простиравшейся къ сѣверо-востоку до Большой бухты и къ юго-западу до Лабораторной балки, заставило французовъ безотлагательно приступить къ осаднымъ работамъ противъ Зеленой горы. И въ ночь на 1-е марта французы заложили параллель въ разстояніи 225—350 саженей отъ Камчатскаго люнета. Для замедленія въ устройствѣ подступовъ непріятеля нами закладывались ложементы и крававая борьба за обладаніе каждой пядью земли возобновлялась почти что каждою ночью.

7-го марта смерть унесла доблестнаго защитника Севастополя контръ-адмирала Истомина.

Всѣ свои силы отдавая на укрѣпленіе и удержаніе Малахова кургана, онъ примирился съ необходимостью умереть, отстаивая родину, и палъ смертью храбрыхъ, возвращаясь съ осмотра Камчатскаго люнета.

8-го на сѣверную сторону прибылъ вновь назначенный командующій войсками князь Горчаковъ.

Съ цѣлью уничтожить лѣвый французскій подступъ, пододвинувшійся на 40 саженей къ нашимъ ложементамъ у Камчатскаго люнета, рѣшено было произвести, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева, большую вылазку съ войсками, численностью около 5000 человѣкъ. Кромѣ этой главной вылазки предполагалось сдѣлать противъ англичанъ двѣ другія, вспомогательныя. Однако, въ виду начавшейся перестрѣлки, условленный сигналъ барабаннымъ боемъ услышанъ не былъ и вспомогательныя вылазки капитана 2-го ранга Будищева и лейтенанта Бирюлева произошли нѣсколько позднѣе, хотя и съ обычнымъ успѣхомъ.

Предназначенные для главной вылазки батальоны расположились слѣдующимъ образомъ: впереди Камчатскаго люнета находились 2 батальона Камчатскаго полка, лѣвѣе ихъ 2 Днѣпровскихъ батальона, прочіе же были выстроены по сторонамъ люнета.

Быстро выбивъ французовъ изъ ложементовъ, Камчатцы ворвались на ихъ плечахъ въ траншею, и здѣсь завязался страшный рукопашный бой. Тогда же саперы принялись за возобновленіе ложементовъ.

Не давая возможности приблизиться непріятельскимъ резервамъ, прочіе Камчатскіе батальоны штурмовали лѣвый подступъ, прогнали французовъ, а рабочіе и моряки разрушили непріятельскія сооруженія; одновременно два Днѣпровскихъ батальона успѣшно атаковали средній французскій подступъ.

Когда работа моряковъ была уже окончена, командовавшій передовыми батальонами полковникъ Голиковъ сталъ отводить свои части.

Перешедшіе въ наступленіе французы были встрѣчены свѣжими частями изъ резерва и ударами во флангъ батальонами лѣвой колонны.

Когда же въ тылу противника раздался ружейный огонь штуцерныхъ отряда Будищева, то, окончательно ошеломленный, онъ бѣжалъ, очистивъ первую параллель и побросавъ орудія.

Достигнувъ цѣли вылазки, генералъ Хрулевъ съ большимъ трудомъ увелъ упоенныя успѣхомъ и рвавшіяся впередъ войска.

Противникъ долженъ былъ заняться исправленіемъ поврежденій, а мы тѣмъ временемъ усиливали нашу оборонительную линію.

11-го марта, послѣ описанной выше вылазки, назначено было перемиріе для уборки убитыхъ.

Какъ только взвились бѣлые флаги, возвѣщавшіе перемиріе, то цѣлыя массы русскихъ и французовъ бросились навстрѣчу другъ другу, привѣтствуя враговъ, покрывшихъ себя во время ночной схватки неувядаемой славой. Но насколько наши солдаты любили французовъ, настолько же недружелюбно относились они къ холоднымъ англичанамъ, съ которыми никогда не хотѣли здороваться.

Послѣ 10-го марта удачный опытъ примѣненія контръ-апрошей былъ къ 28-му марта распространенъ на всемъ пространствѣ противъ правой французской и обѣихъ англійскихъ атакъ между рейдомъ и Лабораторною балкою.

Къ этому же времени былъ заключенъ постройкой рядъ новыхъ батарей, сооружено до 140 блиндажей, вмѣщавшихъ по 6 человѣкъ, усилено артиллерійское вооруженіе новыхъ укрѣпленій и въ самомъ составѣ гарнизона были произведены перемѣны. Численность защитниковъ къ концу марта достигала 48487 человѣкъ, и изъ нихъ въ строю находилось 34 тысячи штыковъ и 9 т. артиллеристовъ.

Не переставая время отъ времени обстрѣливать Севастополь, союзники, между тѣмъ, готовились къ усиленной бомбардировкѣ города. И на второй день Пасхи, 28-го марта, въ 5 час. утра по сигналу ракетой открыли огонь французскія орудія, а черезъ часъ къ нимъ присоединились и батареи англичанъ. Началось второе бамбардированіе, болѣе ужасное и болѣе продолжительное, чѣмъ первое. Весь городъ,—старики, женщины и дѣти кинулись къ Николаевской батареѣ, единственному прикрытію отъ всюду падавшихъ снарядовъ.

Во все время этого второго десятидневнаго бомбардированія главной цѣлью для союзниковъ служили редутъ Шварца и 3 й, 5-й и 4-й бастіоны. Особенно страдалъ послѣдній. Нѣсколько разъ на немъ замѣняли все вооруженіе, а къ вечеру 1-го апрѣля и самъ бастіонъ былъ приведенъ въ такое состояніе, что его пришлось почти что вновь возстановлять. Помимо бомбардировки

союзники вели борьбу за обладаніе ложементами впереди редута Шварца и 4 и 5 бастіоновъ, переходившими изъ рукъ въ руки. Но все же къ концу бомбардировки—къ 7-му апрѣля—ни одного изъ укрѣпленій оборонительной линіи не перешло къ врагамъ. А всѣ преимущества были на сторонѣ противника. Ихъ охватывающее положеніе допускало вести сосредоточенный огонь; перелетъ снарядовъ наносилъ вредъ городу, тогда какъ наши перелеты пропадали даромъ; мы, ожидая штурма, должны были держать резервы вблизи боевыхъ линій, а союзники имѣли на позиціяхъ лишь артиллерійскую прислугу; наконецъ, изобиліе запасовъ, безнаказанно подвозимыхъ удобнымъ морскимъ путемъ, доставило нашимъ врагамъ возможность выпустить за 10 дней 160 тысячъ снарядовъ, тогда какъ мы выпустили лишь 80 тысячъ. Въ результатѣ въ то время, какъ наши враги потеряли во время бомбардировки 1850 человѣкъ, мы лишились 6130 человѣкъ убитыми и ранеными.

Самоотверженная работа медицинскаго персонала, руководимаго профессорами Пироговымъ и Гюббенетомъ, спасли жизнь многимъ, а преисполненныя христіанской любви заботы о раненыхъ сестеръ Бакуниной, Барщевской и Мещерской съ госпожей Стаховичъ во главѣ облегчали страданія героевъ Севастопольцевъ.

Начиная съ 7-го, французы начали производить рядъ покушеній къ образованію изъ воронокъ отъ взрывовъ горновъ сплошной траншеи передъ 5-мъ бастіономъ. Съ цѣлью этому помѣшать рѣшено было на пространствѣ передъ бастіономъ возвести рядъ контръ-апрошей.

Предпріятіе это было блестяще съ боемъ выполнено генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ, начавшимъ работы съ наступленіемъ ночи 11-го апрѣля и на другую ночь окончательно ихъ завершившимъ. Въ послѣдующіе дни новые ложементы были вооружены девятью 6-ф. мортирами.

19-го апрѣля французы, атаковавъ большими силами наши контръ-апроши впереди редута Шварца, овладѣли ими послѣ упорнаго боя съ Волынцами. Попытка наша отобрать ложементы за недостаточностью назначенныхъ для этой цѣли силъ потерпѣла неудачу. Съ своей стороны и непріятель, несмотря на достигнутые успѣхи, ограничивался, въ ожиданіи имѣвшихъ подойти подкрѣпленій, веденіемъ подступовъ и постройкой новыхъ батарей. Обороняющійся старался всѣми силами замедлить приближеніе врага и въ свою очередь сооружалъ батареи, а вылазками разрушалъ сооруженія союзниковъ, поддерживая въ нихъ тревожное настроеніе.

Израсходованные во время второго бомбардированія артиллерійскіе запасы были пополнены и въ Севастополь подвезено 27,000 пуд. пороха и 2 милліона патроновъ.

Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая армія союзниковъ усилилась 15,000 сардинскимъ корпусомъ и 25,000 резервнымъ корпусомъ французовъ.

Несогласія среди союзныхъ начальниковъ сперва привели къ рѣшенію предпринять экспедицію въ восточную часть Крыма, но потомъ категорическое приказаніе императора Наполеона III заставило союзниковъ, силы которыхъ въ Крыму достигли 170 т. человѣкъ, перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Севастополя.

Обсуждая планъ дѣйствій, предложенный Наполеономъ III, союзные военачальники его не одобрили, а генералъ Канроберъ просилъ себя освободить отъ командованія арміей и 7-го мая сдалъ ее генералу Пелисье. Съ вступленіемъ въ должность новаго главнокомандующаго союзный флотъ, дѣятельность котораго до сей поры ограничивалась доставкой къ арміи подкрѣпленій, артиллеріи и разныхъ припасовъ, получилъ назначеніе отплыть съ корпусомъ въ 16 тысячъ человѣкъ къ восточнымъ берегамъ Крыма. Въ то же время генералъ Пелисье намѣтилъ пунктомъ будущей рѣшительной атаки Малаховъ курганъ, считая, что овладѣніе имъ отдастъ въ руки союзниковъ и самый Севастополь.

Занятіе французами ложементовъ впереди редута Шварца предоставило имъ возможность поражать во флангъ 4-й бастіонъ и въ тылъ Язоновскій редутъ, а съ занятіемъ Кладбищенской высоты непріятель могъ бы поражать 5-й бастіонъ, правый фасъ люнета Бѣлкина, а также выходы изъ города между 6 и 5 бастіонами.

Укрѣпленіе Кладбищенской высоты являлось для насъ поэтому существенной необходимостью.

Генералъ Тотлебенъ предложилъ устроить параллельно оградѣ кладбища траншею въ 200 саж. и соединить ее ходомъ сообщенія съ люнетомъ Бѣлкина, а ген. Хрулевъ нашелъ необходимымъ устройство контръ-апрошей у Карантинной бухты.

Въ ночь на 9-е мая начаты были работы, и къ утру ложементы были соединены, и на лѣвомъ флангѣ французскихъ подступовъ оказался нашъ укрѣпленный лагерь. Угроза лѣвой французской атакѣ, ближайшія траншеи которой анфилировались нами, побудили генерала Пелисье къ рѣшенію немедленно атаковать наши контръ-апроши.

10-го днемъ французы готовились къ атакѣ, а вечеромъ, въ то время, когда полки Подольскій, Орловскій и два батальона Житомірскаго собрались для работъ и прикрытія контръ-апрошей, французы открыли артиллерійскій огонь и начали въ большихъ силахъ выходить изъ траншей. Завязался упорный пятичасовой рукопашный бой и лишь незадолго до разсвѣта французы отошли въ свои траншеи, успѣвъ занять лишь часть нашихъ контръ-апрошей.

У Карантинной бухты ложементы и траншеи трижды переходили изъ рукъ въ руки, но все же, въ концѣ концовъ, французы ими овладѣли.

Жестокій и продолжительный бой стоилъ намъ 78 офицеровъ и 2438 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя; французы потеряли 2303 человѣка.

Казалось, что значеніе контръ-апрошей, какъ средства активной обороны, было неоспоримо, но, боясь большихъ потерь, кн. Горчаковъ отказался отъ дальнѣйшаго отстаиванія кладбищенскихъ траншей, гарнизонъ ихъ былъ значительно уменьшенъ и въ слѣдующую же ночь они перешли въ руки непріятеля, захватившаго ихъ съ боя, при чемъ у насъ изъ строя было выведено 415 человѣкъ.

Союзный флотъ въ теченіе мая мѣсяца, а потомъ снова въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ произвелъ вторженіе въ Азовское море.

Наши слабые гарнизоны Керчи, Арабата, Геническа, Таганрога, Маріуполя и другихъ пунктовъ побережья, гдѣ могли, оказывали посильное сопротивленіе, въ противномъ случаѣ уходили, уничтожая запасы, орудія и взрывая укрѣпленія. Между прочимъ, Керчь, занятая непріятельскимъ десантомъ, осталась въ его рукахъ.

Вслѣдъ за взятіемъ кладбищенскихъ траншей генералъ Пелисье рѣшилъ немедленно приступить къ атакѣ Корниловскаго бастіона [1]). Однако, первоначально союзникамъ предстояло овладѣть передовыми укрѣпленіями нашего лѣваго фланга, а именно: Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами и Камчатскимъ люнетомъ.

Взятіе ихъ и было поставлено ближайшею задачей, выполнить которую было предположено 26-го мая. Въ штурмѣ редутовъ должны были принять участіе 39 батальоновъ, при чемъ правая колонна генерала Лаваранда направлялась на Волынскій редутъ, лѣвая ген. Фальи—на Селенгинскій; Камчатскій люнетъ должны были штурмовать 6 бат. бригады Вимпфена съ резервомъ въ 5 батальоновъ.

Съ нашей же стороны всего для обороны редутовъ, участь которыхъ должна была рѣшиться, и люнета имѣлось первоначально $5^1/_2$ бат. и штуцерные.

Въ теченіе 25-го и 26-го мая велась бомбардировка города и укрѣпленій Корабельной стороны. Въ 7 часовъ вечера 26-го взвилась сигнальная ракета и, стоявшая въ 300 шагахъ отъ Волынскаго редута, колонна столь стремительно бросилась на штурмъ, что почти безъ потерь ворвалась въ укрѣпленіе.

Одновременно же былъ атакованъ и Селенгинскій редутъ. 450 чел. Муромскаго полка, составлявшіе гарнизонъ его, не могли противостоять во много разъ превосходному въ силахъ врагу и послѣ отчаяннаго сопротивленія, потерявъ убитымъ коменданта редутовъ капитанъ-лейтенанта Шестакова, маіора Бѣлякова и большую часть людей, отошли къ Забалканской батареѣ.

Подкрѣпленные своимъ другимъ батальономъ, Муромцы не смогли однако удержаться и здѣсь, и батарея также перешла въ руки французовъ. Но скоро командиръ Полтавскаго полка со своимъ батальономъ вернулъ въ наши руки батарею, несмотря на потерю половины людей, и даже захватилъ французскую гаубицу. Непосредственно передъ атакой на Камчатскій люнетъ, туда прибылъ Нахимовъ. Едва наши артиллеристы успѣли стать къ орудіямъ, а Полтавскій батальонъ занялъ банкетъ, какъ расположенная лѣвѣе люнета 4-орудійная батарея была захвачена алжирскими стрѣлками, а сквозь амбразуры съ фронта ворвался 50-й линейный французскій полкъ. Начался упорный бой внутри люнета. Окруженный непріятелемъ, Нахимовъ едва не погибъ въ ужасной схваткѣ и только стѣной загородившіе его Полтавцы и моряки отстояли обожаемаго начальника. Полтавцы дрались отчаянно, несмотря на то, что силы врага все прибывали. Только когда и съ тылу показался непріятель, горсть храбрецовъ, оставшихся въ живыхъ, рѣшила отойти. Преслѣдовавшіе отступавшихъ вплоть до Малахова кургана французы могли бы при

---

[1]) Малаховъ курганъ по повелѣнію Императора Николая I послѣ смерти Корнилова былъ переименованъ въ Корниловскій бастіонъ.

рѣшительности имъ завладѣть, но, потерпѣвъ неудачу, они дали намъ возможность выиграть время и подвести резервы.

Когда французы впервые заняли Камчатскій люнетъ, англичане кинулись на контръ-апроши у каменоломни впереди 3-го бастіона. Борьба за обладаніе ими продолжалась очень долго, но въ концѣ концовъ они остались за врагомъ.

Потери наши въ людяхъ составляли 175 офицеровъ и 5274 нижн. чина выведенныхъ изъ строя, союзники потеряли 276 офицеровъ и около $5^{1}/_{2}$ тысячъ нижнихъ чиновъ.

На слѣдующій день французы принялись за работу по переустройству контръ-апрошей въ 3 и 4 параллели, начали сооружать на редутахъ и люнетѣ батареи и вскорѣ летучей сапой заложили противъ Малахова кургана 5-ю параллель въ разстояніи 250 саженей отъ Корниловскаго бастіона.

Англичане въ свою очередь продвинули траншеи изъ каменоломни на 115 саж. отъ 3-го бастіона, а въ каменоломнѣ соорудили батарею.

Мы также не отставали отъ противника въ энергіи веденія работъ и возвели рядъ новыхъ батарей, исправили поврежденія валовъ и амбразуръ, очистили рвы и т. п.

Поставивъ себѣ цѣлью взять Малаховъ курганъ, союзники усиленно готовились къ его штурму съ одной стороны, а съ другой не оставляли и городъ безъ вниманія, и въ продолженіе пяти дней, съ 25-го по 30-е мая, Севастополь вновь выдержалъ по счету третье бомбардированіе, не уступавшее по интенсивности огня и количеству выпущеннаго чугуна двумъ первымъ.

Штурмъ, согласно волѣ Наполеона III, былъ назначенъ на 6-е іюня, годовщину сраженія при Ватерлоо.

Предполагалось напрячь возможныя усилія для взятія Малахова кургана и затѣмъ двинуть двадцати-пяти-тысячный отрядъ на Мекензіевы высоты по направленію къ Бахчисараю. Руководство штурмомъ было поручено генералу Реньо-де-Сентъ Анжели. Непосредственно для штурма предназначалось 30 т. французскихъ войскъ и 14 тысячъ англичанъ, всего 44 тыс. человѣкъ. Отрядъ же генерала Боске, имѣвшій двигаться по р. Черной на сообщеніе нашей арміи, составили дивизіи: Канробера, Каму, Дюлака, резервная Гербильона и вся конница.

Въ цѣляхъ подготовки штурма, 5-го іюня союзники открыли 4-е бомбардированіе, направляя огонь на Корабельную сторону, 4-й бастіонъ, батареи Сѣверной стороны и рейдъ. Огонь союзниковъ былъ столь дѣйствителенъ, что уже къ 9 часамъ утра на Корниловскомъ, 1 и 2 бастіонѣ и ближайшихъ батареяхъ половина амбразуръ была завалена и много орудій и людей выбыло изъ строя. Съ трехъ часовъ дня бомбардировка была распространена и на Городскую сторону. Ночью въ обстрѣливаніи города, береговыхъ батарей и судовъ на рейдѣ приняли участіе и непріятельскіе пароходы.

На другой день канонада раздалась уже съ 3-го часа утра, и скоро получились донесенія о сосредоточеніи непріятеля въ большихъ силахъ.

Согласно диспозиціи, правая колонна союзниковъ, составленная изъ дивизій Майрана и батальоновъ гвард. стрѣлковъ, должна была направиться на 1-й и 2-й бастіоны; лѣвая колонна, дивизіи Брюне и Отемара, направля-

лась на Малаховъ курганъ; 15 батальоновъ гвардіи составляли главный резервъ и должны были штурмовать 3 англійскихъ дивизіи.

Начатое бомбардированіе спустя немного времени, въ виду нашего молчанія, объясненнаго слабостью, было прекращено и генералъ Пелисье рѣшилъ произвести штурмъ немедленно съ разсвѣтомъ. Но бой завязался ранѣе нежели онъ подалъ условленный сигналъ ракетами.

Получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи непріятеля противъ командуемаго имъ лѣваго фланга, кн. Урусовъ приказалъ пробить тревогу, расположилъ боевыя части на банкетахъ, пододвинулъ резервы и выслалъ развѣдывательные патрули, скоро открывшіе присутствіе колонны ген. Майрана. Послѣдній, боясь лишить французовъ выгоды нечаяннаго нападенія, пошелъ на штурмъ за $^1/_4$ часа до поданія условленнаго сигнала.

Огонь съ 1-го и 2-го бастіоновъ и съ пароходовъ нанесъ противнику столь значительныя потери, что французы не выдержали и подались назадъ. Прибывъ на Ландкастеровскую батарею, Пелисье поддержалъ отступавшую колонну раненаго и сдавшаго командованіе генерала Майрана 4 гв. батальонами и далъ сигналъ 3 ракетами къ общему наступленію. Въ этотъ моментъ дивизія Майрана еще не успѣла устроиться послѣ безпорядочнаго отступленія, а части лѣвой колонны не были готовы къ наступленію. Наконецъ, колебавшаяся лѣвая колонна двинулась на куртину между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, на курганъ и батарею Жерве, а англичане устремились на 3-й бастіонъ.

Несмотря на ужасный огонь обороняющагося, французы перешли было черезъ ровъ и стали приставлять къ нему лѣстницы.

Но два Суздальскіе батальона, поддержанные прибывшими изъ резерва штуцерными Якутскаго и Селенгинскаго полковъ, сбросили врага съ куртины и отбили съ большими для французовъ потерями двѣ ихъ новыя атаки.

Части, предназначавшіяся для штурма Корниловскаго бастіона, дважды приближались на сто шаговъ ко рву укрѣпленія, но страшный штуцерный и картечный огонь полевыхъ, стрѣлявшихъ черезъ банкетъ, орудій заставлялъ ихъ отходить.

Между тѣмъ бригада Ніеля, послѣ упорнаго боя со слабымъ батальономъ Полтавскаго полка, захватила батарею Жерве и домики на западномъ скатѣ Малахова кургана. Такимъ образомъ, непріятель успѣлъ прорваться сквозь нашу оборонительную линію.

Сознавая опасность положенія, генералъ Хрулевъ повелъ случайно встрѣченную роту Сѣвскаго полка и остатки Полтавскаго батальона выбивать французовъ изъ домовъ. Отчаянно защищался врагъ, но, воодушевленные генераломъ Хрулевымъ, Сѣвцы и Полтавцы все же выбили французовъ и захватили 9 офицеровъ и до 100 нижнихъ чиновъ плѣнными.

Всѣ подходившія подкрѣпленія, за отбитіемъ штурма на другихъ пунктахъ, направлялись въ распоряженіе генерала Хрулева, и скоро батарея Жерве была нами отбита и осталась за нами, несмотря на двѣ послѣдующія атаки на нее генерала Ніеля.

Англичане двинулись на штурмъ 3-го бастіона въ $3^1/_2$ часа утра. Лишь 400 шаговъ отдѣляло ихъ отъ нашихъ укрѣпленій. При выходѣ изъ траншей,

неимѣвшихъ приготовленныхъ ступеней, въ рядахъ англійскихъ войскъ нарушился порядокъ и штурмовыя колонны, превратившіяся въ толпу, смѣшались съ подошедшими резервами.

Ударившая по головнымъ частямъ противника наша картечь и залпы штуцерныхъ заставили было англичанъ отойти. Однако, устроившись, они направили одну колонну на батареи Будищева и Яновскаго, а другую непосредственно на 3-й бастіонъ. Подъ страшнымъ огнемъ, неся громадныя потери, особенно среди начальствующихъ лицъ, англичане разбирали засѣку, рубили палисады и неоднократно бросались на укрѣпленіе, но безуспѣшно.

Таковъ же былъ результатъ попытокъ англичанъ овладѣть батареями на Пересыпи. Рядъ непріятельскихъ атакъ былъ постоянно отражаемъ огнемъ картечи и прикрытія.

Къ 6 часамъ утра штурмъ отбитъ повсюду и вслѣдъ за тѣмъ открылась канонада съ обѣихъ сторонъ. Въ цѣляхъ демонстраціи во время приступа на Корабельную сторону ген. Боске выдвинулся было на позицію между сс. Кучка и Шулю, противъ лѣваго фланга нашихъ войскъ, расположенныхъ на Мекензіевыхъ высотахъ, но скоро снова отошелъ назадъ.

На другой день, 8-го іюня, состоялось перемиріе для уборки тѣлъ и раненыхъ. Всего за время усиленнаго бомбардированія и штурма у насъ было выведено изъ строя 98 офицеровъ и 4728 нижнихъ чиновъ. Союзники потеряли до 7 тысячъ человѣкъ.

Неудачу штурма наши союзники сваливали на ген. Майрана, ранѣе сигнала двинувшагося на приступъ. Справедливѣе, однако, отнести причину пораженія непріятеля къ общей его неподготовленности для нанесенія рѣшительнаго удара.

Государь щедро наградилъ защитниковъ Севастополя. «Скажите имъ», писалъ Императоръ Александръ II, «что я и вся Россія ими гордимся».

Едва передохнувъ отъ пережитыхъ ужасовъ бомбардированія и штурма, гарнизонъ Севастополя съ 7-го числа вновь принялся за работы по оборонительной линіи. Къ сожалѣнію, 8-го іюня былъ надолго выведенъ изъ строя главный и неутомимый руководитель оборонительныхъ сооруженій генералъ Тотлебенъ. Рана въ ногу на вылетъ два мѣсяца продержала въ постели доблестнаго инженера, что, конечно, не могло не отразиться на успѣхѣ нашихъ работъ.

Тѣмъ не менѣе замѣстители генерала Тотлебена—Гарднеръ, Тидебель и и Геннерихъ дѣлали свое дѣло, и къ 3-му августа Севастополь усилился рядомъ новыхъ оборонительныхъ сооруженій и батарей, снабженныхъ соотвѣтственными орудіями какъ на сухопутномъ фронтѣ, такъ и на сѣверномъ берегу большой бухты.

Неудача принудила союзниковъ напрячь всѣ усилія для того, чтобы подойти траншеями какъ можно ближе къ оборонительной линіи, пріобрѣсть перевѣсъ надъ нашей артиллеріей и, усиливъ огонь по рейду, лишить наши пароходы возможности занимать выгодныя для дѣйствія позиціи.

Въ то время, когда энергично веденныя работы союзниковъ шагъ за шагомъ приближали ихъ траншеи къ нашимъ укрѣпленіямъ, а новыя его батареи, расположенныя въ самомъ близкомъ разстояніи отъ оборонительной

линіи, громили обороняющагося, послѣдній всѣми силами старался замедлить осадныя работы и, расходуя въ день около 1700 артиллерійскихъ снарядовъ и до 12 тысячъ ружейныхъ патроновъ, несъ все же большія потери и гарнизонъ постепенно таялъ.

Наиболѣе чувствительный ударъ гарнизону Севастополя былъ нанесенъ смертью дѣятельнаго руководителя обороны адмирала Павла Степановича Нахимова. Прибывъ по служебнымъ дѣламъ на Малаховъ курганъ, онъ не внялъ просьбамъ подчиненныхъ покинуть опасное мѣсто и, взявъ трубу, сталъ наблюдать за непріятелемъ. Скоро пули замѣтившихъ его непріятельскихъ стрѣлковъ стали ложиться все ближе, ближе и, наконецъ, одною изъ нихъ онъ былъ смертельно раненъ въ високъ. Съ его смертью не стало души обороны, «всѣмъ почувствовалось», пишетъ одинъ изъ участниковъ обороны, «что недостаетъ болѣе объединяющей силы и той крѣпости убѣжденія въ необходимости держаться до крайности».

Упорно преслѣдуя намѣченную цѣль, атакующій усиленно обстрѣливалъ Городскую сторону Севастополя и траншеями приближался къ Корабельной сторонѣ. Англичане устроили на Зеленой горѣ новую параллель по окраинѣ высотъ, обращенныхъ къ южной бухтѣ, и начали выводить ходъ впередъ изъ 4 параллели.

Французы въ свою очередь приближались къ Малахову кургану и 2 бастіону.

Продвигаясь далѣе впередъ изъ устроеннаго ими въ разстояніи 75 саженей отъ бастіона плацдарма, они подошли между 5 и 12 августа къ бастіону на 40—60 саженей, а къ Малахову кургану на 50 саженей.—Обороняющійся же главное свое вниманіе въ этотъ періодъ осады обратилъ на внутреннюю оборону укрѣпленій, сооружая батареи во 2-й линіи и устраивая ретраншаменты на Малаховомъ курганѣ, 2 бастіонѣ и въ другихъ пунктахъ.

Помимо артиллерійскаго огня, въ числѣ средствъ борьбы обороняющимся попрежнему примѣнялись частыя вылазки, заставлявшія атакующаго держать въ траншеяхъ сильные караулы, и подземная война продолжалась впереди 4-го и 5-го бастіоновъ люнета Шварца и Малахова кургана. Для упроченія сношеній съ арміей и облегченія доставки въ городъ припасовъ, въ половинѣ іюля начали, а къ 18-му августа закончили постройкой мостъ на плотахъ черезъ Большую бухту. Потери наши со дня штурма 6-го іюня по 4-е августа составили около 12 $^{1}/_{2}$ тысячъ человѣкъ.

Въ концѣ іюля на усиленіе Крымской арміи на рѣку Качу подошли 4-я, 5-я пѣхотныя и 7-я резервная дивизіи, а 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи, стоявшія у Балты и Ольвіополя, двинулись къ Перекопу. Кромѣ того, въ составъ Перекопскаго отряда поступили Тульское и Орловское ополченіе, 17 же дружинъ Курскаго ополченія направились въ Крымъ.

8. Сраженіе на р. Черной; штурмъ 27-го августа; очищеніе Севастополя. Операціи союзниковъ на южномъ побережьѣ Чернаго моря. Общая убыль и потери.

«Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона», писалъ Государь 20-го іюля 1855 года князю Горчакову, «все болѣе и болѣе ослабляющія числительность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими

подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ необходимости предпринять что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона.

Въ столь важныхъ обстоятельствахъ, дабы облегчить нѣкоторымъ образомъ лежащую на васъ отвѣтственность, предлагаю вамъ собрать изъ достойныхъ и опытныхъ сотрудниковъ вашихъ военный совѣтъ. Пускай жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, приступите къ исполненію того, что признается выгоднѣйшимъ».

28-го іюля военный совѣтъ состоялся и на немъ кн. Горчаковымъ были предложены вопросы: 1) какое дѣйствіе предпринять и 2) въ какое время.

Письменныя мнѣнія были представлены на другой день, при чемъ большинство высказалось въ пользу наступленія со стороны рѣки Черной, съ чѣмъ согласился и главнокомандующій.

Но, рѣшаясь на атаку непріятеля, кн. Горчаковъ не вѣрилъ въ успѣхъ задуманнаго дѣла и не безъ основанія колебался приступить къ его выполненію.

Занятая противникомъ позиція на лѣвомъ берегу рѣки Черной располагалась на возвышенностяхъ, правую часть которыхъ составляли Гастфортовы, а лѣвую Федюхины высоты. Полого спускаясь къ Балаклавской долинѣ, онѣ напротивъ круто обрывались къ рѣкѣ, прикрывавшей непріятельскую позицію, и представляли всѣ выгоды для обороняющагося. Кромѣ рѣки Черной позиція союзниковъ прикрывалась водопроводнымъ каналомъ съ покрытыми каменною одеждою берегами. Переходъ черезъ каналъ былъ возможенъ только по мостикамъ.

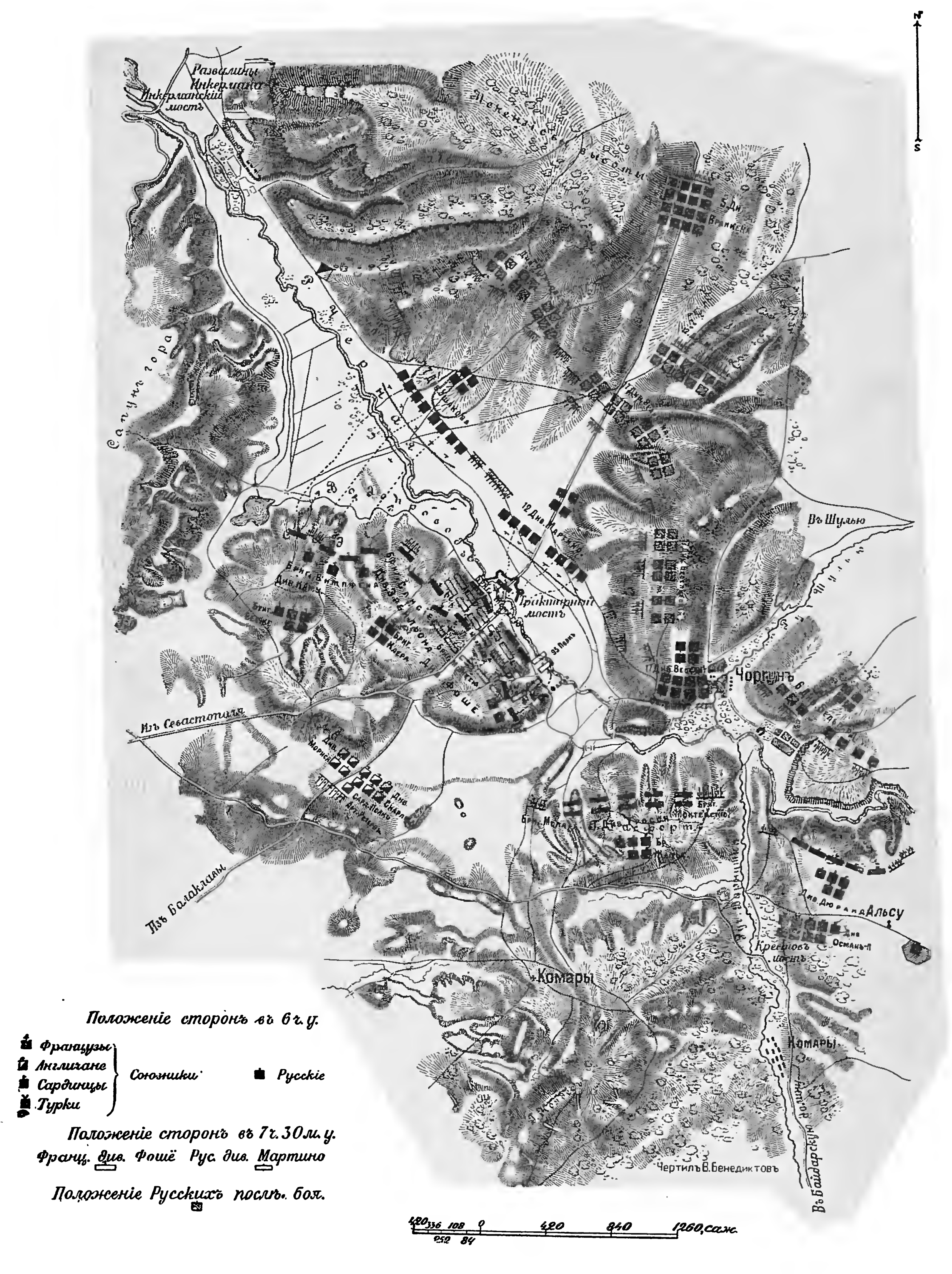
На рѣкѣ Черной имѣлось два моста: каменный, Трактирный, прикрытый слабымъ предмостнымъ укрѣпленіемъ и расположенный на дорогѣ отъ Мекензіевыхъ высотъ къ Балаклавѣ, и деревянный,—на дорогѣ отъ позиціи союзниковъ къ Телеграфной горѣ, занятый передовымъ постомъ сардинцевъ подъ прикрытіемъ эполемента.

На занятыхъ сардинскими войсками, въ числѣ 9 т. при 36 ор. подъ начальствомъ ген. Ламармора, Гастфортовыхъ высотахъ было построено нѣсколько батарей, а Федюхины высоты, для обороны которыхъ предназначались расположенные тамъ 18 т. французовъ при 48 ор. подъ начальствомъ генерала Гербильона, были усилены ложементами для стрѣлковъ.

Между Гастфортовыми и Федюхиными высотами стояла конница генерала Морриса силою въ 20 эск.; у Кадикіой располагалась англійская дивизія Скерлета—30 эск.; турецкій корпусъ въ 10 т. человѣкъ съ 36 орудіями занималъ высоты правѣе селенія Комары и, наконецъ, въ Байдарской долинѣ стояли бивакомъ 20 эск., 2 бат. и 12 к. орудій генерала д'Алонвиля.

Диспозиція для атаки непріятеля распредѣляла наши силы слѣдующимъ образомъ:

1) Правое крыло генералъ-адъютанта Реада, силою въ $25^1/_4$ бат., 14 эск. и сот. и 62 орудія, всего 14,833 человѣка и 62 орудія, должно было съ наступленіемъ сумерокъ 3-го августа спуститься съ Мекензіевой горы и стать въ

Бой на рѣкѣ Черной 4-го августа 1855 г.

резервномъ порядкѣ правѣе дороги на высотѣ новаго редута. Съ разсвѣтомъ 4-го, войска генерала Реада, выстроивъ 7 и 12 пѣх. дивизіи въ боевой порядокъ и имѣя конницу въ резервѣ, должны были двинуться къ Черной рѣкѣ и, обстрѣливая Федюхины высоты, приготовиться форсировать переправу черезъ рѣку Черную.

Для переправы черезъ рѣку Черную и атаки Федюхиныхъ высотъ генералъ Реадъ долженъ былъ ожидать приказанія главнокомандующаго, а по овладѣніи Федюхиными высотами выстроить боевой порядокъ фронтомъ частью къ Сапунъ-горѣ, частью къ сторонѣ непріятеля; послѣ боя предписывалось укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ.

2) Лѣвое крыло генералъ-лейтенанта Липранди, силою въ 30¼ бат., 2 сот., 70 ор., Греческій легіонъ, всего 15,899 человѣкъ и 70 ор., должно было въ сумерки 3-го августа выступить двумя колоннами (лѣвая—генерала Липранди 11 бат., 28 ор. за генераломъ Реадомъ и правая—генерала Бельгарда 13¼ бат., 2 сот., 42 ор. на Юкары-Каралезъ и Чоргунъ). Правая колонна, спустившись съ горы, должна была построить резервный порядокъ лѣвѣе большой дороги и на высотѣ большого редута, а лѣвая скрытно расположиться на ночь на Мокрой луговинѣ.

Съ разсвѣтомъ 4-го августа генералъ Липранди долженъ былъ атаковать Телеграфную гору, а генералъ Бельгардъ, выдвинувъ одну батарею для обстрѣливанія Телеграфной горы, а другую для обстрѣливанія долины Чоргуна и Гастфортовой горы, долженъ былъ быстро наступать къ Чоргуну. По занятіи Телеграфной горы генералъ Липранди долженъ былъ приготовиться и ждать приказанія для переправы и атаки Гастфортовыхъ высотъ.

3) Главный пѣхотный резервъ ген.-лейт. Шепелева, силою въ 30½ батальоновъ и 36 ор.—всего 18,968 человѣкъ и 36 орудій, долженъ былъ 3-го прибыть съ Бельбека на Мекензіеву гору, а 4-го за 2 часа до разсвѣта выступить и стать за войсками ген. Реада.

4) Артиллерійскій резервъ полковника Челокаева (76 ор.) долженъ былъ слѣдовать и располагаться за пѣхотнымъ резервомъ.

5) Главный кавалерійскій резервъ ген. отъ кавалеріи Шабельскаго въ 50 эск., 9 сот., 28 орудій, всего 8,195 человѣкъ и 28 ор., долженъ былъ по выступленіи съ Бельбека слѣдовать до с. Шули за колонною генерала Бельгарда и расположить 34 эск. лѣвѣе артиллерійскаго резерва, а 16 эск. должны были остаться у с. Шули.

Всего для дѣйствій противъ союзниковъ предназначалось 47,622 штыковъ, 10,263 сабель, 224 пѣшихъ и 48 кон. орудій.

Кромѣ того, для охраненія лѣваго фланга предназначалось 6 бат., 18 эск. и сот. и 12 ор. ген.-маіора Миттона. Отрядъ этотъ, скрытно сосредоточившись у с. Кучки, долженъ былъ высылать разъѣзды по всѣмъ направленіямъ; для обезпеченія тыла къ с. Ени-Сала былъ высланъ отрядъ изъ 14 эск. и сот. при 4 орудіяхъ подъ начальствомъ ген.-маіора Халецкаго; наконецъ, для прикрытія съ востока сѣверной части Севастополя и для демонстраціи къ нижней части рѣки Черной и къ Сапунъ-горѣ былъ назначенъ отрядъ генералъ-маіора Попова 1-го, силою въ 6¼ бат., 3 сот. и 16 орудій.

Послѣ бомбардировки.

Съ карт. И. Прянишникова.

Мальчикъ Пищенко.

Съ карт. В. Маковскаго.

Помимо полевыхъ войскъ главнокомандующій предполагалъ въ случаѣ успѣха привлечь къ сраженію и защитниковъ Севастополя. Сильная и своевременная вылазка могла бы довершить пораженіе союзниковъ.

Движеніе въ ночь съ 3-го на 4-е было произведено вполнѣ скрытно, и войска безъ помѣхи сосредоточились къ указаннымъ въ диспозиціи исходнымъ для атаки пунктамъ.

Съ разсвѣтомъ артиллерія колоннъ генерала Липранди и Реада открыла канонаду. Но, видя, что снаряды наши рвутся, не достигая непріятеля, генералъ Реадъ приказалъ прекратить огонь. Спустя немного времени, къ генералу Реаду прискакалъ адъютантъ главнокомандующаго, посланный еще до открытія огня нашею артиллеріею и передалъ, что «пора начинать».

Введенный въ заблужденіе, генералъ Реадъ, понимая это приказаніе, имѣвшее въ виду лишь открытіе огня, какъ указанія начать атаку непріятеля, отдалъ распоряженіе для движенія впередъ.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ бой начался съ 4 час. утра, когда войска генерала Бельгарда заняли позицію на высотахъ противъ с. Карловки, гдѣ 10 орудій открыли огонь по Телеграфной и 14 — по Гастфортовой высотѣ и на горѣ праваго берега рѣки Шули, гдѣ легкая № 8 батарея начала громить укрѣпленіе Телеграфной горы съ тыла.

Колонна же генерала Липранди выстроилась правѣе войскъ ген. Бельгарда, противъ Сардинскихъ укрѣпленій. Выдвинутая противъ непріятельскаго фронта батарейная № 3 батарея 17-й арт. бригады приняла участіе въ перекрестномъ обстрѣлѣ укрѣпленій Сардинцевъ, а двинутый, спустя немного, 4-й батальонъ Тарутинскихъ егерей скоро погналъ передъ собою непріятеля и овладѣлъ Телеграфной горой. Немедленно же огонь нашей артиллеріи былъ перенесенъ на собравшагося у Чоргунскаго моста непріятеля и по Гастфортовой высотѣ.

Успѣшныя дѣйствія нашего лѣваго фланга побудили князя Горчакова рѣшиться на атаку Гастфортовой высоты, и 5-я дивизія, стоявшая въ резервѣ, получила приказаніе поддержать наступленіе лѣваго крыла. Но уже подъѣзжая къ отряду генерала Липранди, главнокомандующій получилъ донесеніе съ праваго фланга, что «предмостное укрѣпленіе взято, и французы бѣгутъ».

Тогда князь Горчаковъ, недоумѣвая о случившемся, приказалъ генералу Реаду «атаковать Федюхины высоты, выждавъ прибытіе 5-й дивизіи», которая вмѣстѣ съ тѣмъ передавалась въ его распоряженіе.

Послѣ описаннаго недоразумѣнія съ приказаніемъ начать дѣло, генералъ Реадъ направилъ къ укрѣпленію, прикрывавшему Трактирный мостъ, 3 полка слѣдовавшей вдоль большой дороги 12-й дивизіи.

Одесскій полкъ съ полковникомъ Скюдери во главѣ быстро заставилъ французовъ очистить укрѣпленіе, и скоро наши войска перешли рѣку, а за нею и водопроводный каналъ по мостикамъ; цѣпь стрѣлковъ Одесскаго полка уже взошла, не глядя на картечь, на уступъ средней Федюхиной высоты и захватилъ непріятельскую батарею. Но большія потери Одесцевъ, храбрый командиръ которыхъ также палъ смертельно раненымъ, не дали имъ возможности развить успѣхъ, а подошедшія къ фрацузамъ подкрѣпленія помогли противнику удержать высоту въ своихъ рукахъ.

Азовскій полкъ, атаковавшій восточную Федюхину высоту, нарвался на превосходныя силы, которыя, перейдя въ свою очередь въ атаку, оттѣснили съ большими потерями 12-ю дивизію за рѣку.

Таковъ же былъ результатъ наступленія 7-й дивизіи, штурмовавшей западную Федюхину высоту и своевременно не поддержанной резервами.

Главнокомандующій, пользуясь подходомъ резервовъ, рѣшилъ повторить атаку свѣжими силами. Генераломъ Реадомъ въ бой былъ двинутъ одинъ Галицкій егерскій полкъ, который естественно и разбился о бригаду Фальи, поддержанную полками Клера. Новыя подкрѣпленія, присланныя въ распоряженіе ген. Каму, и 8 батарей, расположившихся на Федюхиныхъ высотахъ, громили вводившіеся въ бой по частямъ полки нашей 5-й дивизіи.

За Галицкимъ полкомъ въ атаку былъ двинутъ Костромской, послѣ его отхода послали снова Галицкій, снова перешедшій рѣку и каналъ, но принужденный отступить. За Галицкимъ пошелъ на штурмъ Вологодскій полкъ. Снова предмостное укрѣпленіе, переходившее нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, было нами взято. Подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ Вологодцы взобрались было даже на высоты, но, атакованные нѣсколькими непріятельскими колоннами, принуждены были отойти за рѣку, и французы окончательно утвердились въ предмостномъ укрѣпленіи.

Къ 8 час. утра громадныя потери среди начальниковъ, въ числѣ которыхъ ген. Реадъ былъ смертельно раненъ, и большая убыль въ рядахъ праваго крыла, заставили кн. Горчакова, съ цѣлью отвлеченія непріятеля, приказать ген. Липранди атаковать восточную Федюхину высоту 1-й бригадой 17-й пѣхотной дивизіи.

Спустившись съ Телеграфной горы, 1-я бригада 17-й дивизіи подъ начальвомъ ген.-м. Гриббе перешла въ бродъ рѣку и каналъ и взобралась на гору.

Однако, къ расположеннымъ здѣсь 4 ротамъ французовъ успѣли подойти 8 батальоновъ 62-го и 73-го полковъ, но шедшіе въ головѣ Бутырцы, смѣненные затѣмъ въ виду большихъ потерь Московскимъ полкомъ, все же сломили непріятеля и достигли до его лагеря. Здѣсь къ французамъ подошелъ на помощь 14-й егерскій полкъ, и спѣшила сардинская бригада Моллара.

Обезсиленная бригада 17-й дивизіи, потерявъ раненымъ своего командира, принуждена была отойти подъ прикрытіемъ Бородинскаго полка на Телеграфную гору.

Къ 10 часамъ утра, видя безплодность нашихъ разрозненныхъ атакъ, кн. Горчаковъ приказалъ отвести войска, безпрерывно терпѣвшія отъ артиллерійскаго и штуцернаго огня, отъ рѣки Черной на разстояніе пушечнаго выстрѣла, имѣя лѣвый флангъ на Телеграфной горѣ.

Уронъ нашъ въ бою составилъ свыше 8000 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими; въ томъ числѣ 3 генерала были убиты и 4 ранены. Союзники потеряли около 2 тысячъ человѣкъ.

Не вѣря въ успѣхъ задуманнаго боя, кн. Горчаковъ нерѣшительно и руководилъ войсками, перемѣнивъ разъ навсегда намѣченный пунктъ атаки, и потерялъ почву подъ ногами изъ-за происшедшей путаницы въ передачѣ приказаній; войска вводились въ дѣло частями, резервъ запоздалъ и въ результатѣ—новая неудача и громадныя потери.

Съ 5-го августа союзники начали пятое усиленное бомбардированіе Севастополя. Обычно огонь открывался залпами, затѣмъ до полудня продолжался сильный батальный огонь, послѣ чего наступалъ перерывъ отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ, которымъ пользовались защитники съ цѣлью подвезти снаряды на батареи и произвести исправленія въ разрушенныхъ сооруженіяхъ.

Передъ вечеромъ непріятель снова открывалъ огонь, и бомбы продолжали сыпаться всю ночь на всемъ пространствѣ оборонительной линіи.

Въ теченіе 5-го и 6-го августа противникъ производилъ до 17 т. выстрѣловъ въ сутки, тогда какъ мы имѣли возможность израсходовать за оба дня лишь около 15000 снарядовъ.

Ежедневныя потери въ тысячу человѣкъ привели къ необходимости усилить гарнизонъ 4-ю пѣхотною дивизіею, увеличившей число защитниковъ на $7^1/_2$ тысячъ человѣкъ, и тремя дружинами Курскаго ополченія.

Кромѣ бомбардировки, непріятель прибѣгалъ по ночамъ къ фальшивымъ тревогамъ, заставляя защитниковъ покидать закрытія, выходить на банкеты въ то время, когда по нимъ сосредоточивался усиленный огонь.

8-го, въ послѣдній день пятаго усиленнаго бомбардированія, Севастополь посѣтилъ главнокомандующій и своимъ хладнокровіемъ въ минуты опасности поддержалъ силы обороняющихся. Въ теченіе 7-го и 8-го августа число снарядовъ, выпущенныхъ союзниками, достигало 10—12 т. въ день, мы же сдѣлали за это время 7 т. выстрѣловъ. Начиная съ 9-го по 24-е, обстрѣлъ Севастополя ослабѣлъ, и потери гарнизона сократились до 500—700 человѣкъ въ сутки.

15-го августа былъ оконченъ постройкой начатый 2-го числа того же мѣсяца мостъ на плотахъ черезъ Большую бухту, строившійся какъ на случай необходимаго отхода на Сѣверную сторону, такъ и для ускоренія подхода подкрѣпленій и подвоза снарядовъ съ Сѣверной стороны.

Пользуясь превосходствомъ своей артиллеріи, непріятель медленно, но непрерывно пододвигался впередъ.

Къ 24-му августа французы закончили 7-ю параллель и приблизились къ контръ-эскарпу 2-го бастіона на 22 сажени; къ Малахову кургану непріятельскія работы подошли на 18 саженъ; къ 3-му бастіону англичане приблизились на 81 сажень. Кромѣ того, въ весьма близкомъ разстояніи отъ оборонительной линіи былъ сооруженъ рядъ новыхъ батарей.

Во второй половинѣ августа непріятель приблизился на 60 шаговъ къ контръ-эскарпамъ бастіоновъ Корнилова, 2-го и 4-го и на 85 шаговъ къ бастіону № 5-й.

22-го августа на совѣтѣ союзныхъ генераловъ рѣшенъ былъ штурмъ Севастополя. Для того, чтобы осажденный не могъ составить себѣ представленіе относительно времени и направленія штурма, рѣшено было съ 24-го начать новую бомбардировку, перенося огонь на различные пункты крѣпости. 3 дня продолжалась канонада, превосходившая по своей силѣ всѣ прежнія бомбардировки.

Число выстрѣловъ противника за 24-е число достигало до 40 т., и изъ рядовъ обороняющагося выбыло 2 т. человѣкъ; 25-го непріятель выпустилъ

52 т. снарядовъ, мы потеряли $2^1/_2$ тысячи человѣкъ; въ городѣ вспыхнули пожары, исправленія становились невозможными. 26-го 50 т. снарядовъ разорвалось въ осажденномъ городѣ, послѣдовало нѣсколько взрывовъ пороховыхъ хранилищъ, и 3 т. защитниковъ выбыло изъ рядовъ.

Къ вечеру 26-го приготовленія союзниковъ къ штурму были закончены, но производство его было отложено до полудня 27-го, т.-е. до такого времени, когда атака для русскихъ должна быть болѣе всего неожиданной.

Разработанный генераломъ Боске планъ атаки Севастополя сводился прежде всего къ овладѣнію Малаховымъ курганомъ. Для этого войска правой французской атаки были раздѣлены на 3 колонны, изъ которыхъ лѣвая, генерала Макъ-Магона, силою въ 19 батальоновъ, направлялась непосредственно на Малаховъ курганъ; средняя, генерала Ламотружа, силою 21 батальонъ, предназначалась для атаки куртины между Малаховымъ курганомъ и 2 бастіономъ, и правая, генерала Дюлака, силою 20 батальоновъ, должна была штурмовать 2-й бастіонъ.

Штурмъ 3-го бастіона предоставлялся англичанамъ, которые выдѣлили для этой цѣли около 11 т. человѣкъ подъ начальствомъ генерала Кондрингтона.

Раздѣленныя также на три штурмовыя колонны, войска лѣвой французской атаки подъ общимъ начальствомъ генерала де-Салль направлялись противъ 5-го бастіона.

Кромѣ того, должны были содержаться сильные резервы пѣхоты и артиллеріи, готовые оказать помощь въ нужномъ направленіи, и были приняты мѣры для охраненія тыла союзныхъ войскъ.

Всего для атаки Корабельной стороны предназначалось около 39 тысячъ штыковъ, на городскую сторону направлялось $18^1/_2$ т., и около 63 т. человѣкъ составляли резервъ и охрану тыла.

Въ гарнизонѣ же Севастополя насчитывалось 49 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ городскую сторону обороняли около 17 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Семякина, и Корабельную сторону около 23 т. человѣкъ, подъ командой генералъ-лейтенанта Хрулева.

Канонада 27-го августа напоминала бомбардировку предыдущихъ дней, но къ полудню всѣ ближайшія къ нашимъ укрѣпленіямъ траншеи наполнились перебѣгавшими изъ заднихъ параллелей непріятельскими колоннами и ровно въ 12 часовъ дня безъ всякаго предупредительнаго сигнала по свѣреннымъ часамъ вся дивизія Макъ-Магона, съ криками «да здравствуетъ Императоръ», стремительно кинулась къ Малахову кургану и, перебѣжавъ 40 шаговъ, отдѣлявшіе ихъ отъ Корниловскаго бастіона, взобралась на обвалившійся брустверъ. Въ то же время прочія колонны правой французской атаки ринулись на штурмъ 2-го бастіона и куртины.

Гарнизонъ Корниловскаго бастіона, состоявшій изъ 4 батальоновъ Модлинскаго, Прагскаго, Замосцкаго и Люблинскаго п. (послѣдній отсутствовалъ) силою 1400 человѣкъ, укрывшись за траверсами, обѣдалъ, а когда, по оклику оставленныхъ на банкетахъ часовыхъ «французы», схватился за оружіе, то приходилось уже выбивать устраивавшагося на брустверѣ непріятеля. Заворвавшимися на бастіонъ 1 зуавскимъ и 7 линейнымъ полкомъ стали прибы-

вать все новыя и новыя силы и скоро, не глядя на отчаянное сопротивленіе обороняющагося, дравшагося штыками, банниками и камнями, французы, подавляя своею численностью, овладѣли сперва валгангомъ передъ башнею и влѣво до куртины, батареей около башни и пробрались уже въ тылъ ретраншамента.

Атакованные за горжею бастіона Прагскими ротами, французы первоначально подались назадъ, но поддержанные 20 и 27 линейными полками снова потѣснили защитниковъ Малахова кургана и скоро непріятельскія знамена были водружены на Корниловскомъ бастіонѣ и сосѣднихъ батареяхъ. Остатки батальоновъ Прагскаго, Модлинскаго и Замосцкаго полковъ, отстаивая каждую пядь земли, отстрѣливались изъ-за ретраншамента, схватывались въ рукопашную на площадкѣ передъ горжею, но французы постепенно вытѣсняли храбрецовъ и къ часу дня завладѣли Малаховымъ курганомъ окончательно. Но еще многіе доблестные защитники сидѣли въ блиндажахъ, заваливъ въ нихъ входы, а поручикъ Юній и подпоручики Данильченко и Базевичъ съ 30 нижними чинами засѣли въ башнѣ и, отчаянно сопротивляясь, нанесли большія потери непріятелю.

Распространившись влѣво отъ Корниловскаго бастіона, французы ударили во флангъ батареи Жерве и оттѣснили Казанскій полкъ за вторую линію; дальнѣйшее наступленіе непріятеля сдержали подошедшіе съ городской стороны Костромской и Галицкій полки.

Атака 2-го бастіона, занятаго 2 батальонами Олонецкаго полка, была произведена при обстоятельствахъ тожественныхъ атакѣ Малахова кургана. Но здѣсь, увлеченные первымъ успѣхомъ, полки бригады Сенъ-Поля занялись преслѣдованіемъ отходившихъ въ Ушакову балку Олонецкихъ ротъ и, не закрѣпивъ за собою захваченнаго бастіона, были выбиты изъ него контръ-атакой капитана 3-го сапернаго батальона Лебедева, собравшаго остатки Олонецкаго полка, маіора Ярошевича съ Бѣлозерскимъ батальономъ и генералъ-маіора Сабашинскаго, приведшаго Кременчугскій батальонъ изъ резерва. Разстроенная бригада Сенъ-Поля отошла въ безпорядкѣ.

Нѣсколько позднѣе была произведена атака на куртину между 2 и Корниловскимъ бастіонами.

Атаковавшая ее дивизія де-Ламоттъ-Ружа первоначально сломила упорство 2 бат. Муромцевъ и 2 Олонецкихъ батальоновъ. Послѣ жаркой схватки, къ которой командовавшій Муромскимъ полкомъ подполковникъ Пшикъ былъ тяжело раненъ, а командиръ Олонецкаго полка, окруженный французами, былъ захваченъ въ плѣнъ, непріятель прорвался черезъ 2-ю линію и достигъ уже Корабельной слободки. Но здѣсь къ опасному мѣсту подоспѣлъ генералъ Хрулевъ съ Шлиссельбургскимъ и Ладожскимъ полками и при содѣйствіи прискакавшей еще нѣсколькими минутами раньше 5-ой легкой батареи 11-й артиллерійской бригады подъ начальствомъ капитана графа Тышкевича французы были задержаны.

Немедленно же въ контръ-атаку двинулся 3-й батальонъ Шлиссельбургскаго полка, 2 батальона Сѣвскаго полка, за ними Ладожскій полкъ, а съ фланга на непріятеля ударили вышедшіе изъ Ушаковой балки Черниговскій и Кременчугскій полки и Полтавскій батальонъ.

Дружнымъ натискомъ—французы принуждены были отдать въ наши руки захваченную часть куртины и укрыться въ параллеляхъ.

Однако спустя немного времени непріятель повторилъ тѣмъ же порядкомъ атаку на 2 бастіонъ и куртину, но разстроенный огнемъ батарей Парижской и Лабораторной, непріятель хотя и взобрался на брустверъ, но скоро былъ отброшенъ, а пароходы Херсонесъ, Владиміръ и Одесса своими выстрѣлами довершили пораженіе французовъ. Пытавшіяся выѣхать на позицію непріятельскія батареи полковника Сути, потерявъ раненымъ своего командира, большую часть прислуги и лошадей, быстро была приведена въ разстройство, и французы, оставивъ на мѣстѣ 4 орудія, еле спасли остальныя благодаря содѣйствію осадныхъ батарей, расположенныхъ противъ куртины, и ружейному огню съ Малахова кургана, поражавшему наши войска во флангъ и тылъ. Громадныя потери въ рядахъ Черниговскаго и Кременчугскаго полковъ, занимавшихъ куртину и разстрѣливаемыхъ съ Корниловскаго бастіона (ранены оба командира полковъ Нейдгардтъ и Закгаузенъ) принудили генералъ-маіора Сабашинскаго отвести отъ рокового мѣста безцѣльно гибнущіе батальоны и поставить ихъ за второй оборонительной линіей.

Тогда поддержанные бригадой Марона французы снова кинулись на валы. Свѣжіе 15-й и 96-й линейные полки уже успѣли водрузить свои знамена на 2-мъ бастіонѣ, но генералъ Сабашинскій, воодушевляя своихъ людей, въ нѣсколько минутъ штыками обратилъ французовъ въ бѣгство. Генералъ Маронъ и большое число офицеровъ легло при этой схваткѣ, но результатъ борьбы не измѣнилъ положенія вещей и въ рукахъ противника попрежнему оставался лишь бастіонъ Корнилова и ближайшая къ нему часть куртины.

Англичане предприняли штурмъ 3-го бастіона вслѣдъ за овладѣніемъ французами Малаховымъ курганомъ. Ихъ штурмовымъ колоннамъ предстояло первоначально перебѣжать 300 шаговъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ контръ-эскарпа исходящаго угла 3-го бастіона, гарнизонъ котораго составляли два батальона Владимірскаго полка, а невдалекѣ на смежныхъ батареяхъ располагались 2 Суздальскихъ и 2 Якутскихъ батальона, 47-я дружина Курскаго ополченія, 6-й сводный резервный батальонъ и 2 бат. Камчатскаго полка. Кромѣ перечисленныхъ частей на Пересыпи стоялъ Охотскій полкъ (2 бат.), а въ резервѣ, за бастіономъ, Селенгинскій полкъ (2 бат.).

Несмотря, однако, на потери, англичане ворвались на полуразрушенный бастіонъ и вытѣснили изъ него Владимірцевъ.

Пользуясь тѣмъ, что англичане не пошли далѣе, подполковникъ Артемьевъ и капитанъ Коршунъ съ частями Камчатскаго, Суздальскаго и Якутскаго полковъ и подполковникъ Венцель съ остатками Владимірцевъ ударили на англичанъ; полковникъ Мезенцевъ по своей иниціативѣ привелъ на выручку свой Селенгинскій полкъ и хотя самъ и палъ смертью героя, но врагъ былъ отброшенъ и бастіонъ перешелъ въ наши руки. Одними плѣнными англичане потеряли до 150 человѣкъ. Вторичная атака англичанъ, поддержанныхъ сильными резервами, была отбита уже однимъ огнемъ. Также не имѣли успѣха англійскія атаки и на смежныя съ 3 бастіономъ батареи.

Наступленіе частей лѣвой французской атаки началось въ 2 часа дня. На 5 бастіонъ и люнетъ Бѣлкина двинулась бригада Трошю, а на редутъ Шварца, оборонявшійся бат. Житомірскаго полка, направилась бригада Кустона.

Несмотря на сильныя потери отъ огня, при чемъ генералъ Трошю былъ раненъ, французы миновали 5-й бастіонъ по глубокому оврагу и залегли въ 40 шагахъ отъ люнета Бѣлкина, но взорванные подъ непріятелемъ камноломные фугасы скоро обратили его въ бѣгство. Атака на 5 бастіонъ велась довольно вяло и залегшихъ за брустверомъ французовъ сбросили батальоны Бѣлостокскаго и Подольскаго полковъ.

Отъ люнета Шварца французовъ отдѣляли 50 шаговъ, быстро перейдя которые, они ворвались черезъ амбразуры на первый фасъ люнета и оттѣснили защитниковъ. Огонь съ 5 бастіона и люнета Бѣлкина задержалъ на нѣкоторое время дальнѣйшее продвиженіе непріятеля, чѣмъ и воспользовался командиръ Житомирскаго полка для того, чтобъ контръ-атакой двухъ своихъ батальоновъ сбросить французовъ въ ровъ. Вторичную попытку овладѣть люнетомъ встрѣтилъ командиръ Екатеринбургскаго полка подполковникъ Веревкинъ. Понеся громадныя потери и оставивъ 90 плѣнныхъ, французы возвратились въ свои траншеи.

Разстройство войскъ заставило союзнаго главнокомандующаго отложить атаку 4-го бастіона и прекратить попытки къ овладѣнію бастіономъ 5 и прилегающими къ нему укрѣпленіями.

Такимъ образомъ къ 3 часу дня непріятель успѣлъ овладѣть частью куртины и Малаховымъ курганомъ. Отступая шагъ за шагомъ, гарнизонъ Малахова кургана столпился на послѣдней его площадкѣ.

Скоро туда приблизился генералъ Лысенко съ полками Орловскимъ, Елецкимъ и Брянскимъ, а спустя немного съ Ладожскимъ полкомъ подошелъ и генералъ Хрулевъ. Спѣшившись и ведя голову узкой колонны, обстрѣливаемой алжирскими стрѣлками, къ горжѣ бастіона, генералъ Хрулевъ едва не достигъ траверса, за которымъ залегли французы, но рана, а потомъ контузія вывели его изъ строя.

Груды тѣлъ завалили горжу, но, смѣняя другъ друга, ген. Лысенко, ген. Юферовъ, полковникъ Галкинъ, флигель-адъютантъ Воейковъ, полковникъ Черемисиновъ, подпоручики Насакинъ, Постниковъ стремились вернуть утраченное укрѣпленіе и падали ранеными или убитыми; всѣ усилія и жертвы оказались напрасными, и бастіонъ остался въ рукахъ врага.

Около 5 часовъ на вторую линію противъ кургана прибылъ главнокомандующій и, лично убѣдившись въ невозможности вернуть захваченный бастіонъ, рѣшилъ очистить Севастополь и въ 6 часу отдалъ приказъ объ отводѣ войскъ на Сѣверную сторону.

Причиною этому послужило то обстоятельство, что потери наши, достигшія въ послѣдніе дни осады $2^1/_2$ т. человѣкъ въ день, неминуемо должны были бы съ приближеніемъ противника къ нашей оборонительной линіи значительно увеличиться и не прошло бы и 2 недѣль, какъ остатки защитниковъ все равно принуждены бы были очистить Севастополь. Главнокомандующій рѣшилъ воспользоваться отбитіемъ штурма почти на всѣхъ пунктахъ и произвести трудную операцію перевода войскъ на сѣверъ, что могло бы не удаться при другомъ положеніи вещей.

Диспозиція для отступленія была разработана начальникомъ штаба гарнизона кн. Васильчиковымъ. Она предусматривала: 1) оставленіе охотниковъ отъ пѣхоты и артиллеріи для поддержанія стрѣльбы, имѣвшей цѣлью скрыть наше отступленіе, для порчи орудій и взрыва пороховыхъ погребовъ; 2) занятіе внутреннихъ барикадъ для прикрытія отступленія; 3) самый порядокъ отвода войскъ съ оборонительной линіи и пр.

Отступленіе началось въ 7 часу вечера, когда взвилась первая сигнальная ракета.

Войска, оборонявшія Городскую сторону, переправлялись черезъ Большую бухту частью по мосту, частью на судахъ. Съ Корабельной же стороны защитники переправлялись черезъ Южную бухту на судахъ и по малому мосту. Раненые, которыхъ нельзя было перевезти, были оставлены при письмѣ кн. Горчакова союзному главнокомандующему и предавались милосердію непріятеля.

Всю ночь продолжалась переправа, совершавшаяся при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Чрезвычайныхъ трудовъ стоило генералу Бухмейеру, строителю моста, генералъ-маіору Бѣлявцеву, на котораго было возложено наблюденіе за переправою по мосту, и капитану 2-го ранга Воеводскому—соблюсти въ такомъ трудномъ дѣлѣ относительный порядокъ, тѣмъ болѣе, что замѣтившій наше отступленіе непріятель, не рѣшавшійся, боясь взрывовъ, преслѣдовать наши войска, обстрѣливалъ большой мостъ навѣсно бомбами.

Однако, цѣною страшныхъ усилій, къ 8 часамъ утра переправа была почти закончена и на Сѣверную сторону двинулись послѣдніе, составлявшіе резервъ, полки Азовскій, Одесскій, Волынскій, Минскій и наконецъ Тобольскій. Вслѣдъ за окончаніемъ переправы мосты были разведены, а послѣднія уцѣлѣвшія суда грознаго когда-то Черноморскаго флота потоплены.

На Сѣверной войска расположились для отдыха и постепенно приводились въ порядокъ. А городъ, въ которомъ столько было пережито, подожженный пылалъ и временами оттуда доносились взрывы погребовъ и батарей.

Только 29-го, когда развалины Севастополя погасли, непріятель занялъ городъ.

Потери наши въ день штурма 27-го августа достигали 13 т. чел. выбывшими изъ строя, въ то время, какъ союзники потеряли около 10 т. чел.

Въ общемъ, за 11-мѣсячную оборону у насъ выбыло изъ строя около 102 т. человѣкъ. Если къ этому прибавить потери въ 26 т. человѣкъ, понесенныя въ сраженіяхъ при Алмѣ, Балаклавѣ, Инкерманѣ, Евпаторіи и Черной, и $8^1/_2$ т. умершихъ отъ болѣзней, то общая убыль выразится около $136^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Но изъ этого числа около $53^1/_2$ т. выздоровѣли и вернулись въ строй и, такимъ образомъ, безвозвратно покинули ряды 83 тысячи человѣкъ. Союзники лишились около 73 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ на долю французовъ приходилось 46 и на долю англичанъ 25 тысячъ человѣкъ.

Общая численность собранной у Севастополя арміи съ окончаніемъ обороны достигла 115 т. человѣкъ и по приведеніи войскъ въ порядокъ была распредѣлена слѣдующимъ образомъ:

Правое крыло,— генералъ-адъютантъ гр. Остенъ-Сакенъ,—располагалось частью на сѣверной сторонѣ рейда (10 и 12 див.), частью на Инкерманскихъ высотахъ (11 и 15 рез. дивизіи), и для наблюденія за морскимъ берегомъ (5 эск. и сот.) отъ Константиновскаго форта до мыса Лукуллъ.

Центръ,—генералъ-лейтенантъ Липранди,—былъ расположенъ частью въ промежуточномъ лагерѣ между Инкерманскою и Мекензіевою позиціями (4 и 5 див.), частью на Мекензіевой горѣ (16 и 17 див.), и кромѣ этого на Бельбекѣ у с. Зеленкіой стояло 4 эскадрона.

Лѣвое крыло, общій резервъ,—генералъ-отъ-артиллеріи Сухозанетъ,—на позиціи въ ущельѣ Юкара-Каралесъ.

Союзники же располагались отъ Байдарской долины къ селенію Чоргунъ и далѣе по рѣкѣ Черной и по южному берегу Большой бухты.

Французскій главнокомандующій предпринялъ въ теченіе 30-го августа и 3-го сентября безуспѣшныя попытки обойти нашъ лѣвый флангъ; затѣмъ имъ было рѣшено произвести демонстрацію со стороны Евпаторіи, гдѣ 8-го сентября, къ 15 т. расположенныхъ въ этомъ пунктѣ турокъ, высадились три полка французской конницы съ конной батареей подъ командою генерала д'Алонвиля.

17-го сентября д'Алонвиль внезапно атаковалъ стоявшій на отдыхѣ съ размундштученными лошадьми за оврагомъ у с. Кенегезъ и Кангилъ отрядъ генерала Корфа и, воспользовавшись оплошностью уланъ, опрокинулъ нашу конницу и, захвативъ 6 орудій, отошелъ къ Евпаторіи.

Затѣмъ союзники, рѣшивъ выманить нашу армію нападеніемъ на какой-либо важный пунктъ Черноморскаго побережья, остановились на Николаевѣ, въ которомъ, были расположены важнѣйшія послѣ Севастополя заведенія для Черноморскаго флота. 25-го сентября около 10 тысячъ союзниковъ, посаженныхъ на 90 судахъ, отплыли изъ Севастополя къ Николаеву. Съ нашей стороны оборона всего побережья отъ Одессы до Перекопа была возложена на Южную армію ген. Лидерса силою до 70 т. человѣкъ.

Появившись въ виду Одессы 26-го сентября, непріятельскій флотъ въ началѣ октября подошелъ къ устью Днѣпровско-Бугскаго лимана, входъ въ который запирался двумя крѣпостями: Кинбурномъ и Очаковымъ, расположенными на двухъ противоположныхъ отстоявшихъ другъ отъ друга на 5 верстъ берегахъ. 3-го октября союзный флотъ началъ бомбардировку Кинбурна, а 5-го, послѣ того какъ расположенныя на косѣ батареи были приведены къ молчанію, а крѣпость была объята пламенемъ, — девять непріятельскихъ паровыхъ фрегатовъ прошли въ значительномъ удаленіи отъ Очакова мимо Кинбурна и расположились къ сѣверо-востоку отъ крѣпости въ то время, когда линейные корабли открыли огонь вдоль Кинбурнской косы.

Къ вечеру безвыходное положеніе горящей и лишенной, въ силу того, что большая часть артиллеріи была подбита, возможности защищаться крѣпости, привело ея коменданта къ рѣшенію согласиться на предложеніе и сдаться. Въ половинѣ октября непріятель, занявшій и укрѣпившій Кинбурнъ, отплылъ въ Камышъ и Балаклаву, оставивъ въ крѣпости на зиму небольшой гарнизонъ.

Овладѣніемъ Кинбурномъ и закончилась предпринятая союзниками экспедиція къ Николаеву.

Въ концѣ октября Императоръ Александръ II, предварительно осмотрѣвъ сооружавшіяся въ Николаевѣ работы, прибылъ въ Бахчи-Сарай, главную квартиру Крымской арміи, и въ продолженіе 4-хъ дней осматривалъ укрѣпленія Сѣверной стороны и объѣзжалъ войска, имѣя цѣлью „лично поблагодарить ихъ за геройскую оборону Севастополя“.

Дальнѣйшія дѣйствія союзниковъ по занятіи Севастополя выразились въ маневрированіи ихъ на небольшомъ разстояніи все съ тою же цѣлью выманить нашу армію съ занятыхъ позицій. Съ октября мѣсяца наступило полное бездѣйствіе, нарушаемое только незначительными рекогносцировками.

Проведенная въ Крыму зима дорого обошлась союзникамъ и особенно французской арміи, санитарное состояніе которой, благодаря отсутствію хорошо оборудованныхъ теплыхъ помѣщеній,—было отчаянное. Съ апрѣля, 1855 г., у французовъ насчитывалось больныхъ до 218 тыс. чел., изъ числа которыхъ 130½ т. заболѣли лихорадкою и тифомъ и 11½ т. чел. холерой.

Англичанами было своевременно обращено вниманіе на болѣзненность и смертность въ войскахъ и, если послѣдняя достигала болѣе 50% наличнаго состава арміи въ первую половину кампаніи, то во вторую отъ болѣзней умирало 6 человѣкъ на тысячу.

1-го января 1856 года князь Горчаковъ, получившій вслѣдствіе тяжкой болѣзни кн. Паскевича, назначеніе на должность главнокомандующаго Западной арміей, сдалъ начальство Крымскими войсками, а на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Лидерсъ. Нѣсколько ранѣе, въ концѣ 1855 г. Крымская армія была реорганизована, часть войскъ была отправлена во внутреннія губерніи, а въ Крымъ были введены новыя силы. Измѣнено было и самое расположеніе войскъ. Кромѣ того, были предприняты инженерныя работы съ цѣлью усилить оборону важнѣйшихъ пунктовъ Крыма. Такъ, былъ сооруженъ укрѣпленный лагерь въ Перекопѣ, устроены батареи и вырыты траншеи у Геническа, прикрытъ укрѣпленіями Чонгарскій мостъ и т. п.

Въ санитарномъ отношеніи положеніе нашихъ войскъ по очищеніи Севастополя улучшилось и только дружины ополченій Орловскаго, Калужскаго и Тульскаго, страдая отъ тифа и лихорадокъ, къ началу марта 1856 года, т.-е. спустя 5 мѣсяцевъ послѣ своего прибытія, не досчитывались изъ 40730 нижнихъ чиновъ 21347 поступившихъ въ госпиталь.

Общая цифра заболѣвшихъ въ нашей арміи достигла 183½ тысячи человѣкъ, изъ которыхъ 101½ тысяча приходилась на долю тифа и лихорадки и 19 тысячъ на долю холеры.

9. Дѣйствія на Кавказѣ: операціи подъ Карсомъ; паденіе его. Парижскій миръ.

Въ концѣ 1854 года намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ

Муравьевъ 1-й. Престарѣлый, но со славнымъ боевымъ прошлымъ и чрезвычайно энергичный, генералъ Муравьевъ объѣхалъ за зиму и весною расположенныя на линіи и въ дѣйствующемъ корпусѣ войска и, принявъ рядъ мѣръ по усиленію послѣднихъ, расположилъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

а) Главныя силы ($21^1/_2$ бат., 28 эск., 49 с. и 10 батр.—всего $24^1/_2$ т. и 76 орудій) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бриммера—у Александрополя (здѣсь же былъ и намѣстникъ);

б) Отрядъ праваго крыла (12 бат., 1 дружина, 15 сот. милиціи и 2 батр.—всего 10,200 человѣкъ и 16 орудій)—генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, занималъ Ахалцыхъ и Ахалкалаки;

в) Отрядъ лѣваго крыла (4 бат., 16 сот., 1 батр.—всего 5 т. человѣкъ и 8 орудій)—генералъ-маіора Суслова, располагался у подошвы Арарата.

Турецкая Анатолійская армія, предназначенная для обороны Карса и прикрытія путей къ Эрзеруму, въ началѣ 1855 г. имѣла 20 тысячъ войскъ въ Карсѣ, 6 т. человѣкъ у Сурбъ-Оганеса, $1^1/_2$ т. человѣкъ въ Эрзерумѣ и небольшіе отряды въ Ардаганѣ, Ольтѣ и Кагызманѣ; кромѣ того отдѣльный Батумскій корпусъ былъ разбросанъ по Черноморскому побережью вплоть до Сухума.

Главными объектами нашихъ дѣйствій въ Анатоліи должны были явиться крѣпости Карсъ и Эрзерумъ.

Сравнительная малочисленность нашего дѣйствующаго корпуса и недостатокъ матеріальной части привелъ къ тому, что изъ числа способовъ къ овладѣнію Карсомъ была избрана блокада и при этомъ не полная.

Предположено было, ставъ на пути Карсъ—Эрзерумъ, окружить крѣпость посредствомъ сильныхъ подвижныхъ конныхъ отрядовъ съ артиллеріею; занять крѣпость Ардаганъ, черезъ которую проходило сообщеніе Карса съ Батумомъ, и городъ Кагызманъ, узелъ путей; лишить непріятеля собранныхъ на пути къ Эрзеруму запасовъ и затѣмъ, вмѣстѣ съ Баязедскимъ отрядомъ, неожиданно напасть на Вели-пашу.

24-го мая выступилъ изъ-подъ Александрополя авангардъ, а 26-го и главныя силы, сосредоточившіяся 3-го іюня въ окрестностяхъ Агджы-Кала и Займа.

27-го двинулся къ Ардагану отрядъ генерала Ковалевскаго, а отрядъ генерала Суслова въ то же время долженъ былъ слѣдовать по долинѣ верхняго Ефрата.

4-го іюня слѣдовавшій при главныхъ силахъ генералъ Муравьевъ произвелъ усиленную рекогносцировку Карса, при чемъ наши казаки имѣли удачное столкновеніе съ конницею турокъ. Главнокомандующій, присоединивъ къ главнымъ силамъ большую часть Ахалцыхскаго отряда, предпринялъ 6-го іюня фланговый маршъ отъ Агджы-Кала къ селенію Махараджихъ съ цѣлью выйти на сообщеніе Карса съ Эрзерумомъ, что и было выполнено безъ помѣхи.

Начавшіеся дожди ограничили дѣятельность нашихъ войскъ отдѣльными поисками и только, когда погода нѣсколько прояснилась, то 16-го іюня генералъ Муравьевъ, для ближайшей угрозы непріятельскимъ сообщеніямъ, перевелъ свой отрядъ въ село Каны-Кевъ.

11-го іюня Вели-паша отступилъ къ Эрзеруму.

Ожидая подкрѣпленій съ Кавказа съ цѣлью двинуться къ Эрзеруму, генералъ Муравьевъ предпринялъ удачную экспедицію на Саганлугъ для уничтоженія турецкихъ запасовъ.

Постепенно стѣсняя кругъ дѣйствій гарнизона Карса, генералъ Муравьевъ перевелъ 30-го іюня свой корпусъ на лѣвый берегъ Карса, въ с. Тикме. 3-го, 7-го и 10-го іюня легкими отрядами былъ произведенъ рядъ нападеній на турецкихъ фуражировъ и организованы поиски позади Карса.

16-го іюля подошли подкрѣпленія: 3 батальона, взводъ легкой № 8-й батареи и нѣсколько сотенъ. Желая уничтожить отрядъ Вели-паши, укрѣплявшагося у с. Керпи-Кевъ, генералъ Муравьевъ рѣшилъ снова перейти Саганлугъ и атаковать турокъ, направивъ противъ нихъ съ другой стороны отрядъ генерала Суслова, но медленные и сложные маневры этой операціи позволили Вели-пашѣ благополучно уйти по Эрзерумской дорогѣ за хребетъ Деве-Бойну.

Отъ дальнѣйшаго наступленія къ Эрзеруму, овладѣть которымъ мы, вѣроятно, могли, но не были бы въ состояніи удержать, генералъ Муравьевъ рѣшилъ отказаться, и 25-го началось обратно движеніе нашихъ войскъ.

Возвратясь, ген. Муравьевъ, въ виду того, что сообщенія Карса съ окрестною страною все же окончательно прекращены не были, расположилъ войска на весьма выгодной для лагеря мѣстности у с. Чифликая по обѣ стороны Карсъ-чая и приступилъ къ совершенному обложенію крѣпости.

Состояніе верковъ Карса къ этому времени было слѣдующее: на командующихъ Шорахскихъ высотахъ были устроены два редута, Тахмасъ-Табія и Тепе-Табія, вооруженные артиллеріей и соединенные ретраншаментомъ, имѣвшимся и влѣво отъ Тахмасъ-Табія по склону горы; вправо же отъ Тепе-Табія до Баши-бузукской горы тянулись вооруженные артиллеріею окопы, такъ называемыхъ Ренисоновскихъ линій; для обороны Чахмахскаго оврага на горѣ Ширшане имѣлась батарея Тетекъ-Табія.

Въ общемъ, простиравшаяся по кругу на 17 верстъ, обширная линія укрѣпленій, хотя и не соотвѣтствовала силамъ гарнизона, но, будучи хорошо устроенной, доставляла укрѣпленіямъ взаимную оборону и возможность упорной защиты.

Гарнизонъ крѣпости составляли 20 т. турокъ и 6 т. баши-бузуковъ.

Съ началомъ тѣсной блокады, совпавшей съ 1-мъ августа, наши войска были расположены главнымъ образомъ на позиціи у Чифликая и вокругъ крѣпости на протяженіи 50 верстъ. Связанные разъѣздами отдѣльные отряды скоро почти совершенно прекратили сообщеніе крѣпости съ окрестною страною.

Получивъ свѣдѣнія о движеніи изъ Батума высадившейся тамъ 30 т. арміи Омера-паши на выручку Карса, генералъ Муравьевъ рѣшился предупредить турокъ штурмомъ крѣпости, направивъ главную атаку на Шорахскія и Чахмахскія высоты и вспомогательную—противъ нижняго лагеря.

Для производства штурма войска распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала Ковалевскаго, силою около 3 т. пѣхоты, $1^1/_2$ т. конницы, 16 ор. и 8 рак. станковъ, должна была сосредоточиться у Обсерваціонной горы и оттуда двинуться противъ праваго

МАСШТАБЪ

въ Англійскомъ дюймѣ 500 саж.

саж. 500 400 300 200 100 0 500 1000 саж.

Д. Чалчаутъ

Д. Чахмахъ

Д. Чизыра

Д. Калабакилиса

Тиздель-табія

Джонсонъ-табія

Зарабъ-табія

Вельямсъ-Паша-табія (Шорахъ)

Вели-Паша-табія

Д. Масадъ

Баши-буюкъ-Гора

Горы Кара

Карадагская-табія

Кольгуръ-табія

КР. КАРСЪ

Кладб.

Чичекъ-табія

Меджидисъ-табія

Хафисъ-Паша-табія

Юсупъ-Паша-табія

Чангалъ-табія

Сувари-табія

Легленъ-табія

Эни-орта-табія

Фезибай-табія

Канлы-табія

Гюрджи-табія

Тахмасъ-табія (Юксекъ)

Каре-табія (Армянская)

Томпсонъ-табія

Гуссейнъ-Паша-табія

Обсерваціонная

Д. Шорахъ

Г. Мусо

Г. Стюль

Д. Кичикъ-кевъ

Движеніе кн. Гагарина

Движеніе Манделя

Дор. изъ д. Сойгутли

Дор. въ д. Александрополь

Дор. въ д. Гамзакиней

Дор. въ дер. Бадуры

Дор. въ д. Бизинкевь

План крѣпости Карса съ окрестностями.

крыла Ренисоновскихъ линій, выждавъ наступленіе правой колонны; промежуточная колонна генералъ-лейтенанта князя Гагарина, силою 2200 ч., собравшись впереди села Шорахъ, должна была двинуться въ промежутокъ между Яриманъ и Тахмасъ-Табіями, дѣйствуя въ связи съ прочими колоннами; правая колонна генералъ-маіора Майделя, силою 6 т. чел. пѣхоты, 400 ч. конницы и 20 орудій, должна была собраться у горы Столъ и оттуда начать атаку въ 4 часа утра.

Общій резервъ, 5 т. ч. пѣхоты, 500 ч. конницы и 22 орудія, имѣлъ сборнымъ пунктомъ сел. Кюмбетъ, а съ началомъ штурма долженъ былъ перейти къ подошвѣ горы Муха.

Кромѣ того, для атаки Чахмахскихъ высотъ былъ назначенъ отрядъ генерала Базина силою $2^1/_2$ т. пѣхоты, 2300 ч. конницы, 16 ор. и 8 ракет. станковъ и для демонстраціи противъ нижняго лагеря отрядъ графа Нирода силою $1^1/_2$ т. человѣкъ пѣхоты, около 2 т. конницы и 18 орудій.

16-го сентября были закончены всѣ содержавшіяся въ тайнѣ приготовленія и ночью войска выступили къ сборнымъ пунктамъ для того, чтобы на разсвѣтѣ двинуться на штурмъ. Однако незадолго до назначеннаго времени случайный выстрѣлъ въ колоннѣ генерала Ковалевскаго возбудилъ вниманіе непріятеля, открывшаго скоро артиллерійскій огонь и занявшаго стрѣлками ложементы.

Построенныя въ ротныя колонны войска генерала Ковалевскаго почти бѣгомъ направились противъ непріятельскихъ окоповъ. Но крутость горы оказалась длиннѣе, нежели разсчитывали, и скоро утомленная первая линія перешла въ шагъ, въ то время, когда штуцерный огонь турокъ сталъ вырывать страшныя жертвы изъ ея рядовъ. Вторая линія, нагнавъ первую, смѣшалась съ нею и, потерявъ почти всѣхъ начальниковъ, разстроенная перекрестнымъ огнемъ турокъ, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Генералъ Ковалевскій бросился впередъ, размахивая саблей, за нимъ устремились смѣльчаки, но скоро всѣ пали подъ ударами турокъ во главѣ со своимъ начальникомъ, смертельно раненымъ. Въ довершеніе бѣдствія задніе ряды открыли по туркамъ огонь и поставили переднихъ между двухъ огней. Скоро весь скатъ покрылся трупами.

Колонна князя Гагарина также перешла въ наступленіе вслѣдъ за открытіемъ турками огня.

Едва пѣхота наша стала подниматься по отлогости, ведущей къ позиціи турокъ, какъ огонь ихъ, благодаря заранѣе отмѣченнымъ разстояніямъ, сдѣлался невыносимымъ. Однако охотники, подъ командой подпоручиковъ Яцына I и Симонова, кинулись на люнетъ Ярымъ-Ай и овладѣли имъ при поддержкѣ слѣдовавшаго за ними батальона Ряжскаго полка; но и этотъ успѣхъ, основанный на отчаянной смѣлости охотниковъ, оказался непрочнымъ.

Столь же печальна была участь и колонны генерала Майделя.

Полковникъ Серебряковъ съ однимъ батальономъ Мингрельцевъ атаковалъ промежутокъ между Юксесъ-Тобія и Тахмасъ-Табія; маіоръ Баумъ съ другимъ Мингрельскимъ батальономъ направился правѣе Тахмасъ-Табія.

Отряды полковника Моллера и маіора Баума подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля ворвались въ ретраншаментъ, выбили турокъ и захватили 4 орудія.

Генералъ Майдель въ свою очередь повелъ въ атаку Грузинскихъ гренадеръ. Овладѣвъ лагеремъ турокъ, гренадеры бросились на сосѣднюю съ Тахмасъ-Табія батарею и взяли съ бою 4 орудія; затѣмъ ген. Майдель направилъ карабинеръ на Тахмасъ-Табію, а Мингрельцевъ на Юскесъ-Табію.

Между тѣмъ, наступленіе батальона полковника Серебрякова встрѣтило большое препятствіе въ видѣ крутизны подъема, приводившаго Мингрельцевъ къ необходимости не разъ останавливаться, чтобы перевести духъ. Когда разсвѣло, головныя части увидѣли передъ собой въ 80 саженяхъ турецкія укрѣпленія Тахмасъ-Табія и Юскесъ-Табія и, не имѣя времени поджидать, пока вся колонна, частью примкнувшая къ Эриванцамъ колонны полковн. Моллера, подтянется, пошли на штурмъ послѣдняго, слабѣйшаго редута, но къ сожалѣнію были отбиты, потерявъ тяжело раненымъ полк. Серебрякова.

Разстрѣливаемые ружейнымъ и картечнымъ огнемъ войска наши несли страшныя потери, а турки, отразивъ нападеніе колоннъ ген. Ковалевскаго и кн. Гагарина, начали стягивать значительныя силы противъ генерала Майделя, вскорѣ раненаго.

Рядъ начальниковъ, его смѣнившихъ, выбылъ изъ строя за смертью или ранами. Нѣсколько разъ повторялись настойчивыя атаки колонны генерала Майделя на редутъ, но перекрестный огонь турокъ и отсутствіе лѣстницъ сводили на-нѣтъ отчаянную храбрость войскъ.

Узнавъ о неудачѣ нашихъ атакъ на Шорахскія высоты, главнокомандующій двинулъ туда изъ резерва 2 Бѣлевскихъ и 2 Грузинскихъ батальона; вмѣстѣ съ тѣмъ, общее командованіе назначенными для штурма войсками поручалось генералъ-маіору Броневскому.

Двинутые въ атаку Бѣлевцы—потерпѣли неудачу; новая атака вступившаго въ командованіе, вмѣсто раненаго Броневскаго, полковника Ганецкаго 2-го, бросившагося впередъ со знаменемъ въ рукахъ, докатилась до валовъ редутовъ для того, чтобы снова безъ успѣшнаго результата поглотить массу жертвъ и громадный процентъ начальниковъ убитыми и ранеными.

Желая использовать ослабленіе непріятеля на его правомъ крылѣ, генаралъ Муравьевъ приказалъ кн. Дондукову-Корсакову, вступившему въ командованіе колонной генерала Ковалевскаго, возобновить атаку непріятельскихъ укрѣпленій. Новое наступленіе, разстрѣлъ, потери и отходъ назадъ.

Печальный результатъ штурма былъ очевиденъ, но прекращеніе атакъ могло подвергнуть опасности отрядъ генерала Базина, съ успѣхомъ штурмовавшаго Чахмахскія высоты, и потому генералъ Муравьевъ колебался отдать приказъ объ общемъ отступленіи.

Проводникомъ въ колоннѣ генерала Базина служилъ прекрасно изучившій мѣстность знаменитый генералъ Баклановъ. Благодаря ему пѣхота скрытно приблизилась къ турецкимъ укрѣпленіямъ на картечный выстрѣлъ и, отвѣтивъ на огонь турокъ грознымъ «ура», сразу овладѣла передовымъ редантомъ.

Затѣмъ, направивъ артиллерійскій огонь на слѣдующее укрѣпленіе и тѣмъ подготовивъ себѣ атаку, генералъ Базинъ успѣшно его штурмуетъ, за вторымъ тѣмъ же порядкомъ берется третій редантъ, послѣ чего рѣшенс было выждать результатъ атаки прочихъ колоннъ.

Около этого времени генералъ Муравьевъ вновь рѣшилъ овладѣть Тахмасъ-Табіей и тѣмъ вступить въ связь съ колонной генерала Базина.

Въ половинѣ 9-го подполковникъ Кауфманъ 2-й двинулся съ 1 батальономъ Рязанскаго полка на Шорахскія высоты для штурма Тахмасъ-Табіи; присоединивъ къ себѣ охотниковъ изъ разстроенныхъ рядовъ колонны генерала Майделя, подполковникъ Кауфманъ взялъ по дорогѣ съ боя два небольшихъ каменныхъ редута, но при дальнѣйшемъ наступленіи попалъ со своимъ сборнымъ отрядомъ подъ перекрестный огонь турокъ.

Насчитывая, по отправленіи раненыхъ, въ своемъ распоряженіи лишь до 500 человѣкъ, подполковникъ Кауфманъ все же отважился на штурмъ Тахмасъ-Табіи. Двинувшійся впередъ батальонъ Рязанцевъ скоро оказался отрѣзаннымъ отъ пути отступленія и послѣ неудачной попытки овладѣть намѣченнымъ укрѣпленіемъ рѣшился идти на соединеніе съ генераломъ Базинымъ.

Между тѣмъ генералъ Базинъ, освѣдомившись въ 10 час. утра о неудачѣ штурма крѣпости прочими нашими войсками, началъ постепенно выводить свои части изъ занятыхъ укрѣпленій и, отразивъ нѣсколько разъ попытки турокъ его преслѣдовать, благополучно избѣгъ опасности, захвативъ 3 орудія, 2 знамени и 11 значковъ.

Едва онъ узналъ объ опасномъ положеніи Рязанскаго батальона, какъ дальнѣйшее отступленіе пріостановилъ и для содѣйствіи подполковнику Кауфману выслалъ генерала Бакланова.

Въ 7 часовъ вечера къ лагерю у Чифликая вернулся подполковникъ Кауфманъ съ многострадальнымъ Рязанскимъ батальономъ, уцѣлѣвшимъ только благодаря энергіи и находчивости своего начальника.

Что касается отряда графа Нирода, то имъ былъ предпринятъ рядъ демонстрацій, существенно однако на ходъ боя не отразившихся.

Выдвинувъ въ 11 час. утра 2 батальона изъ резерва, ген. Муравьевъ приказалъ ген. Бриммеру выступить къ Шорахскимъ высотамъ и въ случаѣ, если онъ по обстоятельствамъ дѣла на мѣстѣ найдетъ возможнымъ штурмовать Тахмасъ-Табію, то возобновить ея атаку, или прикрыть отступленіе прочихъ войскъ. Генералъ Бриммеръ остановился на второмъ рѣшеніи и, принявъ мѣры по уборкѣ раненыхъ, благополучно вывелъ войска изъ боя.

Потери наши были громадны и составляли 4 ген., 248 оф. и 7226 нижнихъ чиновъ выведенными изъ строя. Уронъ непріятеля не достигалъ и 1½ т. человѣкъ.

Главнѣйшими причинами неудачи надо считать:

1) неправильный выборъ пункта главной атаки на Тахмасъ-Табію, являющуюся однимъ изъ наиболѣе сильныхъ укрѣпленій и не имѣвшую укрытыхъ подступовъ;

2) веденіе повторныхъ атакъ небольшими силами;

3) нарушеніе необходимой тишины, лишившее насъ элемента внезапности, важнѣйшаго въ подобной обстановкѣ, и

4) потерю въ самомъ началѣ боя многихъ начальниковъ.

На Черноморскомъ побережьѣ, на Гурійскомъ театрѣ, по лѣвому берегу Ингура расположились русскія войска подъ начальствомъ кн. Мухранскаго въ составѣ $8^3/_4$ бат., 12 ор., 11 сот. и $3^1/_2$ т. милиціи, всего 9200 человѣкъ при

Отбитіе штурма. Съ карт. В. Маковскаго.

Затишье на бастіонѣ. Съ карт. В. Маковскаго.

12 ор.; кромѣ того, для обороны Гуріи близъ Озургетъ, занималъ позицію на Аскетскихъ высотахъ генералъ-маіоръ Бруннеръ съ 5 батальонами и 6 орудіями, всего силою до $2^1/_2$ т. человѣкъ, и при немъ Рачинская дружина и Гурійское ополченіе; для обороны устья Ріона, на правомъ берегу были расположены Азовскіе казаки и 3 сотни Мингрельской милиціи, а на лѣвомъ 3 сотни Имеретинской милиціи.

Противъ него дѣйствовалъ Омеръ-паша съ отрядомъ силою въ 20000 чел. при 37 ор., высадившійся въ Сухумъ-Кале. Несмотря на громадное превосходство своихъ силъ (силы Омеръ-паши увеличились скоро до 40000 чел., высадившимися у Редутъ-Кале; кромѣ того, на р. Чолокъ стояло 20000 чел., составлявшіе Батумскій корпусъ Мустафа-паши), онъ дѣйствовалъ нерѣшительно.

Однако, Омеръ-паша, несмотря на тройное превосходство въ силахъ, медлилъ энергичными дѣйствіями, а тѣмъ временемъ начались ливни, рѣки выступили изъ береговъ, мосты оказались сорванными, дороги непроходимыми и вторженіе турокъ въ Закавказье стало затруднительнымъ.

Съ присоединеніемъ 8-го ноября генералъ-маіора Бруннера и подходомъ подкрѣпленій изъ Грузіи, силы Гурійскаго отряда возрасли до 22 батальоновъ.

20-го ноября Омеръ-паша продвинулся до рѣки Чехура и на слѣдующій день, совершивъ при очень трудныхъ условіяхъ переправу, 22-го достигъ с. Абаши въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки Цхени-Цхале.

Новые ливни не дали возможности Омеру-паши вступить въ бой съ нашими войсками до 25-го ноября, когда, получивъ свѣдѣнія о паденіи Карса, онъ, быстро снявшись съ бивака, началъ отступленіе.

Что касается до Батумскаго корпуса, то Мустафа-паша неоднократно высылалъ отряды для перехода черезъ нашу границу, но всѣ они терпѣли неудачу. А съ отступленіемъ Омера-паши, всѣ части Батумскаго корпуса собрались къ Батуму.

Также не имѣла успѣха диверсія турокъ со стороны Эрзерума. Высадившійся въ Трапезундѣ, Селимъ-паша привелъ съ собой лишь 1200 человѣкъ турокъ, а двинувшійся на соединеніе съ нимъ изъ Эрзерума Вели-паша принужденъ былъ отступить, въ виду движенія ему навстрѣчу отряда генерала Суслова.

Неудача штурма 17-го сентября только укрѣпила генерала Муравьева въ намѣреніи добиться овладѣнія Карсомъ.

Немедленно же были приняты мѣры по усиленію блокады крѣпости, по замѣщенію убыли въ начальствующихъ лицахъ, по отправкѣ раненыхъ, заготовкѣ продовольствія и устройству войскъ на зимнее время.

Русскій лагерь обратился въ цѣлый городъ съ хорошо оборудованными постройками, домиками, землянками, люди не терпѣли недостатка въ довольствіи и были тепло одѣты.

Между тѣмъ, положеніе гарнизона Карса становилось невыносимымъ, холера вырывала огромное количество жертвъ, развился голодъ, появилось масса перебѣжчиковъ.

Генералъ Вильямсъ предложилъ туркамъ пробиться черезъ блокадную линію. Но на собранномъ Муширомъ военномъ совѣтѣ единогласно было постановлено сдать крѣпость, и 15-го ноября Муширъ прислалъ на имя генерала Муравьева письмо, въ которомъ говорилось, что для веденія переговоровъ объ оставленіи крѣпости назначенъ Ферикъ Вильямсъ-паша.

Имъ были подписаны условія сдачи, заключавшіяся въ своихъ главныхъ пунктахъ въ слѣдующемъ:

1) Крѣпость сдается съ полнымъ своимъ вооруженіемъ.

2) Гарнизонъ, сдавшись военно-плѣннымъ, выходитъ изъ крѣпости, сложивъ предварительно оружіе въ укрѣпленіяхъ, офицеры сохраняютъ шпаги.

3) Милиція, редифы и нестроевые отпускаются по домамъ и обязуются честнымъ словомъ не сражаться противъ Русскаго Императора.

На другой день 16-го ноября произошла самая сдача, при чемъ плѣнные были накормлены, а редифы подъ конвоемъ отправлены въ Саганлугъ.

Вслѣдъ за принятіемъ крѣпости, въ ней и окружающей области было введено русское управленіе, облегчено бѣдственное положеніе жителей, участь больныхъ и раненыхъ ввѣрена попеченію врачей, приняты мѣры для отправленія плѣнныхъ въ Россію, а также по выступленію войскъ на зимнія квартиры, при чемъ въ качествѣ гарнизона въ Карсѣ оставлялась 2-я бригада 18-й пѣх. дивизіи съ 2-мя батареями и нѣсколькими казачьими сотнями подъ начальствомъ ген. маіора Фетисова.

Прочія войска постепенно выступили на Кавказъ и частью расположились по своимъ старымъ квартирамъ, частью на границѣ, а 13-я дивизія составила въ Ахалцыхѣ отрядъ на случай наступленія Омера-паши.

Начальникомъ Карсской области былъ назначенъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ, заботы коего о занятой нами странѣ были оцѣнены какъ жителями, такъ и Султаномъ.

30-го ноября генералъ Муравьевъ выѣхалъ въ Тифлисъ, куда прибылъ 7-го декабря, и спустя нѣсколько дней удостоился получить Высочайшій рескриптъ съ благодарностью кавказскимъ войскамъ и съ награжденіемъ его орденомъ Св. Георгія 2-й степени.

Въ концѣ 1855 года арміи наши, готовыя продолжать борьбу, занимали: западная и средняя, подъ начальствомъ кн. Горчакова — Прибалтійскій край, Финляндію и Царство Польское.

Южная — генералъ-адъютанта Лидерса — южную границу государства и Крымскій полуостровъ; на Кавказѣ стоялъ отдѣльный Кавказскій корпусъ генерала Муравьева.

Всего, кромѣ Кавказскаго корпуса, въ западной и южной арміяхъ было 585 бат., 388 эск., 84 каз. пол., силою, не считая артиллеріи, въ 600 т. человѣкъ.

За этою массою войскъ стояли многочисленные резервы и ополченіе.

Однако, несмотря на полную готовность нашу, Государь соглашался заключить миръ и тѣмъ прервать необѣщавшія намъ никакихъ выгодъ военныя дѣйствія.

Дипломатическіе переговоры о прекращеніи кровопролитія были начаты еще при жизни Императора Николая I, поручившаго ихъ кн. А. М. Горчакову. Готовый на нѣкоторыя уступки, Николай Павловичъ поставилъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было предложено ничего несовмѣстнаго съ честью и правами Россіи.

Совѣщанія уполномоченныхъ Франціи, Англіи, Австріи, Турціи и Россіи открылись въ Вѣнѣ, 3-го марта 1855 года. Несогласія между представителями державъ и чрезмѣрныя ихъ требованія побудили насъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Франціей въ Парижѣ. Этотъ шагъ возбудилъ недовѣрчивость Императора Франца-Іосифа и онъ рѣшительнымъ своимъ выступленіемъ потребовалъ исполненія нами слѣдующихъ одобренныхъ Франціей и Англіей четырехъ пунктовъ:

1) Совершенная отмѣна русскаго покровительства въ Дунайскихъ княжествахъ;

2) Свобода судоходства по Дунаю;

3) Объявленіе Чернаго моря нейтральнымъ, и

4) Обезпеченіе правъ и льготъ христіанъ, подданныхъ Порты, безъ нарушенія независимости и достоинства Турціи.

Кромѣ того, по требованію союзныхъ державъ, Австрія предложила и 5-й пунктъ: «Воюющія державы предоставляютъ себѣ право предъявить на общую пользу Европы особенныя условія сверхъ четырехъ прежнихъ».

Наше правительство приняло эти пункты, какъ предварительныя условія мира, оговорившись, что соглашается на нихъ только изъ желанія положить предѣлъ кровопролитію, прекративъ прискорбную для человѣчества и цивилизаціи борьбу и возстановить миръ на пользу Россіи и Европы. Протоколъ о принятіи нами пяти пунктовъ былъ подписанъ въ Вѣнѣ 20-го января, а 13-го февраля того же 1856 года открылся Парижскій конгрессъ изъ представителей Франціи, Англіи, Австріи, Сардиніи, Турціи, Россіи, а потомъ и Пруссіи.

Въ началѣ совѣщаній было заключено перемиріе по 31-е марта новаго стиля.

Послѣ долгихъ обсужденій выработанныхъ въ Вѣнѣ пунктовъ, 18-го марта 1856 г. трактатъ о заключеніи мира между Россіей съ одной стороны и Турціей съ ея союзниками съ другой былъ подписанъ въ Парижѣ и тяжелая, но полная геройскихъ подвиговъ, прозванная въ честь защитниковъ Черноморской твердыни, Севастопольская кампанія 1853—1856 гг. окончилась.

10. Краткая характеристика кн. А. С. Меншикова, кн. М. Д. Горчакова, адм. В. А. Корнилова, П. С. Нахимова и ген. Э. М. Тотлебена.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, правнукъ свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго, любимаго вельможи Петра Великаго, былъ отъ природы одаренъ блестящими способностями, быстрымъ соображеніемъ и, правда, острымъ, но зачастую злымъ языкомъ. Какъ человѣкъ обширнаго ума, князь Меншиковъ, поставленный во главѣ многихъ отраслей Государственнаго управленія, долженъ былъ бы оставить потомству хоть какіе-либо положитель-

ные слѣды своей дѣятельности. Но ихъ не видно ни въ одномъ изъ тѣхъ дѣлъ, во главѣ которыхъ становился князь Александръ Сергѣевичъ. А дѣятельность его была обширна и, главное, разнообразна.

1826 годъ застаетъ князя посланникомъ въ Тегеранѣ, въ 1828 году онъ назначается начальникомъ Главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества; въ первомъ походѣ Турецкой войны 1828—1829 годовъ онъ овладѣлъ Анапою, участвовалъ въ осадѣ Варны; въ 1831 году былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи; передъ открытіемъ Восточной войны князя посылаютъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Константинополь и, наконецъ, уже 65-лѣтнимъ старикомъ, онъ командовалъ сухопутными и морскими силами въ Крыму.

Непомѣрное себялюбіе, громадное самолюбіе и самомнѣніе, обширная начитанность, отсутствіе привязанности къ чему бы то ни было и къ кому бы то ни было, недовѣрчивость къ окружающимъ, неумѣнье распознавать людей и несомнѣнная личная храбрость—вотъ въ немногихъ словахъ тотъ обликъ, въ которомъ въ дѣйствительности рисуется князь Меншиковъ.

Служба князя Михаила Дмитріевича Горчакова началась въ рядахъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго батальона, спустя 2 года послѣ поступленія въ который, онъ уже въ 1809 году участвовалъ въ походѣ противъ персовъ, а потомъ въ походахъ 1812, 1813 и 1814 г.г., отличаясь въ сраженіи при Бородинѣ и Бауценѣ.

Достигнувъ за 10 лѣтъ службы чина полковника, князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ переведенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части и съ этихъ поръ начинается штабная служба князя Горчакова, столь печально отразившаяся на его характерѣ въ 1853—1855 годахъ, когда онъ впервые сталъ самостоятельнымъ главою арміи.

Особенно повліяла на него въ этомъ отношеніи служба при князѣ Варшавскомъ, не терпѣвшемъ никакой самостоятельности въ подчиненныхъ.

Потерявъ самоувѣренность, несмотря на личную храбрость, князь сталъ бояться отвѣтственности и передъ Государемъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ, а это, конечно, не могло не отражаться на отдаваемыхъ распоряженіяхъ. Благородный, прямодушный, довѣрчивый къ людямъ и заботливый о солдатѣ Горчаковъ заслужилъ среди послѣднихъ прозвище «Честнаго князя». Да и вообще одаренный, богатый свѣдѣніями, опытностью, поэтъ въ душѣ, кн. Горчаковъ терялся на каждомъ шагу; разсѣянный, забывчивый, суетливый, онъ при всѣхъ высокихъ душевныхъ качествахъ своихъ былъ обреченъ на безсиліе, и самъ, какъ бы сознаваясь въ томъ, жаловался на то, что «судьба судила ему пережить цѣлый рядъ дѣлъ доблестныхъ, много дней кровавыхъ, но немного дней радостныхъ».

Къ сожалѣнію, князь свое «счастье» перенесъ и на командуемую имъ армію, которая понесла не столь много лишеній отъ тяготы похода и боевыхъ трудовъ, сколько отъ суеты излишнихъ передвиженій, тревогъ и ошибокъ, исходившихъ отъ главной квартиры.

Сказочная оборона Севастополя перестанетъ быть легендарной, если принять во вниманіе кто стоялъ во главѣ защитниковъ города и славнаго Черноморскаго флота, надъ которымъ столько въ свое время потрудился адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, воспитавшій и подготовившій Россіи цѣлую массу лицъ, способныхъ съ достоинствомъ продолжать его работу и съ пользой служить родному дѣлу. Среди нихъ особую славу заслужили адмиралы Нахимовъ и Корниловъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ 19-лѣтнимъ мичманомъ поступилъ на фрегатъ «Крейсеръ», отправлявшійся, подъ командой Лазарева, въ кругосвѣтное плаваніе. Эта случайная встрѣча имѣла вліяніе на всю его послѣдующую жизнь и службу.

Нахимовъ обладалъ рѣдкой способностью отличать всѣ тонкости наклонностей своихъ подчиненныхъ, снисходить къ ихъ слабостямъ, заглядывать въ ихъ душу, взвѣшивать ихъ побужденія.

Этотъ неоцѣненный даръ сдѣлалъ его чрезвычайно вліятельнымъ на сослуживцевъ. Благодаря своему умѣнью и любви говорить съ матросами и своей способности подмѣчать оттѣнки каждаго изъ нихъ, Нахимовъ сдѣлался знатокомъ человѣческаго достоинства, умѣлъ дѣйствовать на слабую сторону своихъ подчиненныхъ, говорить съ ними по душѣ, трогать и направлять ихъ своимъ логичнымъ словомъ.

Такой способъ сближенія съ подчиненными не уменьшалъ его видимой требовательности въ служебномъ отношеніи и внушалъ къ нему одинаковыя чувства любви и уваженія со стороны всѣхъ его подчиненныхъ.

Отличительная черта характера Нахимова и его служебныхъ воззрѣній состояла именно въ томъ, что онъ въ каждомъ матросѣ видѣлъ прежде всего человѣка, а не машину, и старался развить прежде всего духовную силу.

Нахимовъ хорошо сознаnъ, что одна техническая сторона дѣла, хотя бы доведенная до тонкости, не поддержитъ чести флага въ тѣ критическія минуты, которыя требуютъ полнаго подчиненія чувствъ человѣка высшимъ чувствамъ защитника чести и славы своей родины и флота.

Нахимовъ считался лучшимъ морякомъ обоихъ нашихъ флотовъ, Черноморскаго и Балтійскаго. Только одной этой чести онъ и добивался, а на все остальное смотрѣлъ съ равнодушіемъ философа.

Такой характеръ и система Павла Степановича дали ему ту нравственную силу, которая двигала обожавшихъ его матросовъ на подвиги неимовѣрные.

Совсѣмъ съ инымъ оттѣнкомъ характера былъ другой помощникъ Лазарева, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. Человѣкъ блестящихъ способностей, образованный, честолюбивый, энергичный, Корниловъ въ молодости своей стоялъ на распутьи между свѣтской жизнью столицы и служебной карьерой. Счастливый случай столкнулъ его въ минуту этого перелома съ Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ и съ тѣхъ поръ имена ихъ обоихъ стали неразрывны. Корниловъ не только былъ обязанъ Лазареву своимъ перерожденіемъ, но и воспитаніемъ, морскимъ образованіемъ и движеніемъ по службѣ. Изъ Владиміра Алексѣевича образовался отличнѣйшій администраторъ, превосходный морякъ и человѣкъ, умѣвшій повелѣвать и вліять на массы.

Но вліяніе это было основано на нѣсколько иныхъ началахъ, чѣмъ у Павла Степановича Нахимова. Его воздѣйствіе не исходило изъ глубины его сердца, а было слѣдствіемъ выработанной системы, непоколебимой энергіи и природнаго таланта повелѣвать.

Владиміръ Алексѣевичъ не легко подчинялъ свои убѣжденія волѣ и власти другого человѣка, который не раздѣлялъ съ нимъ его мнѣній и воззрѣній.

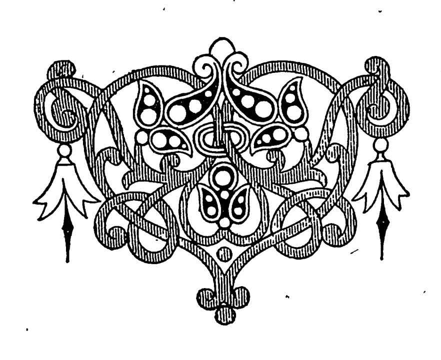
Корниловъ обладалъ умѣньемъ употреблять съ пользой способности и самолюбіе подчиненныхъ; каждый офицеръ имѣлъ у него на кораблѣ свое мѣсто и свою обязанность, съ личной отвѣтственностью.

Вся система обученія у Корнилова была совершенно иная. Онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отстать отъ Нахимова, но достигалъ этого равенства усиленнымъ и очень часто чрезмѣрнымъ утомленіемъ людей, заставляя ихъ чуть не десятки разъ продѣлывать какое-либо трудное упражненіе.

Въ служебныхъ отношеніяхъ съ офицерами Корниловъ отличался необыкновенною требовательностью. Отъ его зоркаго взгляда не ускользалъ малѣйшій промахъ, который всегда ставился виновнику на видъ словесно или письменно и иногда въ довольно жесткой формѣ.

«Контръ-адмираловъ у насъ много», говорилъ Лазаревъ о Корниловѣ, «но не легко избрать такого, который соединялъ бы въ себѣ и познанія морского дѣла и просвѣщеніе настоящаго времени, и которому безъ опасенія можно было бы въ критическихъ обстоятельствахъ довѣрить и честь флага и честь націи».

Если Корниловъ и Нахимовъ, закончившіе свою жизненную и служебную карьеру при оборонѣ Севастополя, составляли душу этой обороны, то умъ инженерной обороны этого «многострадальнаго города» безспорно принадлежитъ Эдуарду Ивановичу Тотлебену, начавшему здѣсь свою блестящую карьеру. Тотлебенъ, талантливый ученый генералъ-адъютанта К. А. Шильдера, соединялъ вмѣстѣ съ несокрушимою энергіей замѣчательныя дарованія полевого инженера. Благодаря ему, Севастопольская оборона стала образцомъ не только величія духа, выказаннаго русскимъ народомъ въ неравной борьбѣ за честь своей родины, но и примѣромъ соединенія этого величія съ геніальной инженерной обороной самаго активнаго характера.

Генералъ-адъютантъ.
вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

(Съ портретовъ изъ картинной галлереи Морского Корпуса).

I. Стратегическія задачи русскаго флота въ царствованіе Императора Николая I-го.

1. Балтійскаго флота.

Въ исторіи русскаго флота личность Монарха, какъ Верховнаго Вождя, являлась всегда главнѣйшимъ факторомъ въ развитіи морскихъ силъ Россіи, такъ какъ, будучи Самодержавнымъ Царемъ, Онъ былъ всегда высшимъ и идейнымъ руководителемъ внѣшней политики государства, дающей задачи флоту и использывающей флотъ въ необходимый моментъ, какъ средство для достиженія поставленныхъ цѣлей.

Въ Россіи, только въ Русскомъ Самодержавномъ Царѣ, какъ въ фокусѣ, объединялись и преломлялись цѣли политики въ задачи, и могли въ соотвѣтствіи съ ними опредѣляться и назначаться необходимыя средства—т.-е. флотъ.

Дѣйствительно, въ Исторіи Русскаго Флота каждое царствованіе новаго Императора начиналось съ учрежденія особой комиссіи «Россійскихъ Флотовъ», «Воинской Морской Комиссіи», или «Комитета Образованія Флота», коему Императоромъ давались, какъ директивы, задачи флота для рѣшенія вопроса о штатахъ его, т.-е. вопроса о типѣ судовъ, количества ихъ и личнаго состава флота, количество необходимыхъ средствъ для содержанія флота въ боевой готовности.

Такимъ образомъ, каждое царствованіе начиналось съ выработки закона о флотѣ, выражавшаго личные взгляды Императора на цѣли и задачи русскаго флота.

И Императоръ Николай I, несмотря на условія смуты декабрскихъ дней своего вступленія на престолъ, не забылъ о флотѣ, и еще 31-го декабря 1825 года издалъ указъ объ учрежденіи Комитета Образованія Флота.

---

1) Значительная задержка этого очерка произошла изъ-за того, что еще въ 1911 году морскимъ министерствомъ былъ возбужденъ вопросъ о покупкѣ въ высшей степени цѣннаго архива свѣтл. кн. Меншикова, который и разрѣшился благопріятно къ веснѣ 1912 г. Высочайшимъ повелѣніемъ пріобрѣсти архивъ. Только съ этого времени можно было приступить къ его детальной разборкѣ. Поэтому авторъ задержалъ свою работу, чтобы имѣть возможность использовать и новыя документальныя данныя этого архива.

При ссылкахъ на этотъ архивъ всюду ставится только „Архивъ кн. Меншикова", а при ссылкѣ на документы кн. Меншикова, принятые въ Архивъ морск. мин-ства сейчасъ же послѣ его смерти всюду указывается: Арх. Морск. Мин., отд. кн. Меншикова.

Задача, поставленная флоту въ директивахъ, данныхъ имъ Комитету, заключалась въ господствѣ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, при чемъ эти директивы указывали и возможныхъ противниковъ: на Балтійскомъ морѣ—союзъ второстепенныхъ морскихъ державъ (Данію, Швецію), на Черномъ—Турцію. Англія и Франція не были включены въ ихъ число, но даже наоборотъ, соперничество съ ними въ силѣ флота было признано Императоромъ невозможнымъ для Россіи, такъ какъ въ отношеніи ихъ было указано совершенно опредѣленно: «Россія должна быть третья по силѣ Морская держава послѣ Англіи и Франціи».

Это условіе заставляло возложить на внѣшнюю политику совершенно опредѣленную задачу поддержанія союзныхъ или хотя бы дружественныхъ отношеній съ обѣими державами или съ одной изъ нихъ, и мы знаемъ, что первые годы своего царствованія Императору Николаю I-му это удалось блестяще.

Въ 1827 году, Наваринъ покрылъ союзный русско-англійско-французскій флотъ неувядаемой славой. Въ дальнѣйшемъ, внѣшняя политика Императора Николая I, несмотря на пребываніе у власти въ Англіи большею частію враждебнаго лично ему либеральнаго министерства виговъ, съ лордомъ Пальмерстономъ во главѣ, успѣшно дѣйствовала, поддерживая постоянно враждебныя между обоими этими государствами (Англіей и Франціей) настроенія.

Именно, этимъ способомъ и доведеніемъ въ 1833 году со спускомъ на воду очередныхъ кораблей Балтійскаго флота до установленнаго штатнаго состоянія и полной боевой готовности, Императоръ Николай I достигъ блестящаго результата въ Восточномъ вопросѣ заключеніемъ Ункіаръ-Искелесійскаго договора (іюль 1833 года открытіе проливовъ), несмотря на протестъ Англіи, не рисковавшей поддержать его, однако, силой единолично, въ виду упадка своего флота. Даже въ 1836 г., попытка Англіи въ этомъ направленіи была устранена Императоромъ Николаемъ I, принявшимъ энергичныя мѣры по подготовкѣ вторично Черноморскаго флота и десантной экспедиціи въ Константинополь для занятія Босфора и Дарданеллъ. Одновременно на сѣверѣ, въ Балтійскомъ морѣ, Императоромъ въ присутствіи представителя англійскаго флота капитана Кравфорта былъ произведенъ смотръ всего флота и церемонія представленія флота «Дѣдушкѣ русскаго флота—Петровскому ботику».

Эта мирная демонстрація, подъ видомъ торжественной церемоніи, сыграла громадную роль какъ для настоящаго момента, такъ и для будущаго.

Весь этотъ смотръ произвелъ на англійскаго капитана сильное впечатлѣніе. Гордость англичанина, боязнь за національное морское могущество, владычество моремъ, сказались сейчасъ же.

«Сравнивая вообще современное положеніе русскаго флота съ прежнимъ», писалъ капитанъ Кравфортъ, «за нѣсколько лѣтъ назадъ, и думая о томъ, какъ мало сдѣлано съ нашей стороны для улучшенія морскихъ силъ за тотъ же промежутокъ времени, чувствую, что русскіе въ сильномъ выигрышѣ передъ нами, чтобы можно было ими пренебрегать... Имѣемъ ли мы флотъ для защиты нашихъ береговъ противъ нападенія подобной морской силы, и какой удобный случай для Россіи возмѣстить ея расходы по сооруженію флота повсемѣстнымъ захватомъ нашихъ коммерческихъ судовъ прежде, чѣмъ

наша военно-морская сила была бы въ состоянiи ихъ защитить... Я положительно утверждаю, что въ настоящее время мы не обладаемъ этимъ первенствомъ и для достиженiи его требуется и время и громадныя усилiя, тогда какъ сосѣдняя держава, отношенiя которой къ намъ не всегда имѣютъ дружественный характеръ, владѣетъ въ продолженiе 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ въ году, подавляющей силою на морѣ, въ 8-ми дняхъ разстоянiя отъ нашихъ береговъ».

Въ изданной имъ сейчасъ же въ Англiи брошюрѣ объ этомъ смотрѣ и состоянiи русскаго флота онъ очень остро поставилъ и подчеркнулъ для нацiи именно этотъ вопросъ о первенствѣ на морѣ, поднявъ цѣлую бурю въ прессѣ и обществѣ за усиленiе флота.

Постоянная владычица морей, Англiя, держащая все свое богатство на морѣ, на судахъ коммерческаго флота во всѣхъ частяхъ свѣта, должна была въ данный моментъ смириться, временно отложивъ свою попытку закрытiя южныхъ проливовъ для Россiи, но этотъ урокъ, ударъ по нацiональной гордости всей страны, она учла, начавъ энергичное возрожденiе своего флота, въ особенности умѣло воспользовавшись прогрессомъ техники, давшимъ возможность введенiя винтового двигателя для линейныхъ судовъ флота. Между тѣмъ въ Россiи этотъ психологическiй моментъ понятъ не былъ. Торжество и блескъ временнаго политическаго успѣха надъ Англiей, совпавшiе съ доведенiемъ флота до штатнаго состава, внесли въ правящiе круги, въ особенности среди лицъ, раздѣлявшихъ труды Монарха по внѣшней политикѣ и созданiю флота (Нессельроде, Меншиковъ и пр.) самодовольство и полное затменiе.

Поставленная Императоромъ флоту цѣль—господства на Балтiйскомъ морѣ—была достигнута. Никто изъ второстепенныхъ морскихъ державъ не могъ и мечтать о соперничествѣ на морѣ съ Россiей. Даже черезъ 12 лѣтъ, въ 1848 году, когда мы по сравненiю съ Англiей и Францiей окончательно отстали въ силѣ флота по типу судовъ, слово Русскаго Самодержавнаго Царя, заявившаго въ Берлинѣ о своемъ правѣ и обязанности быть руководителемъ, державъ всего сѣвера Европы, поддержанное отправкой флота въ Датскiя воды, отсрочило на 15 лѣтъ основанiе морского могущества и объединенiя Германiи.

Но неизбѣжность и невозможность уклониться съ этого момента отъ соперничества и борьбы съ Англiей за владѣнiе моремъ понята не была.

Самый смыслъ понятiя—владѣнiя моремъ, какъ стихiей, нераздѣльной, соединяемой, но не разъединяемой проливами, несмотря ни на какiе трактаты и укрѣпленiя, понятъ не былъ. Не было ясно, что господство на Балтiйскомъ закрытомъ морѣ можно удержать, добившись лишь владѣнiя моремъ и что слѣдовательно на этомъ вопросѣ неизбѣжно столкновенiе съ Англiей, не могущей допустить, какой-либо иной державы для оспариванiя у нея этого владычества.

И дѣйствительно, новая задача флоту, вытекавшая съ очевидностью изъ новой создавшейся политической и стратегической обстановки, дана не была.

Напротивъ, этотъ моментъ (1836 г.) совпалъ съ послѣдней организацiонной реформой Морского Управленiя въ Россiи Императора Николая I, на-

рушившей удивительную по чистотѣ принциповъ организацію 1827—28 гг., давшей за 8 лѣтъ такіе блестящіе результаты. Этотъ переломъ внутренняго управленія флотомъ въ высшей степени характеренъ. Только этой реформой можно объяснить то, что къ моменту Восточной войны у флота не было командующаго имъ, не было выработаннаго плана войны, не были созданы силы въ соотвѣтствіи съ силами противника.

Императоръ Николай I искренно продолжалъ ту же политику поддержанія дружественныхъ отношеній съ Англіей, разсчитывая на консервативныя партіи (тори) и поддерживая старый антогонизмъ Англіи съ Франціей.

Даже необходимость поступиться своимъ преимуществомъ въ Восточномъ вопросѣ—Ункіаръ-Искелесійскимъ договоромъ и заключеніе Лондонскаго трактата 1840 г. о закрытіи проливовъ и гарантіи Европы о неприкосновенности Турціи, не открыли истину въ этомъ вопросѣ Императору Николаю I. Разсчитывая на поддержку вступившаго снова во власть въ Англіи консервативнаго министерства лорда Эбердина, онъ лично въ 1844 году отправился въ Англію для обсужденія судьбы «больного человѣка», съ предложеніемъ раздѣла Турціи, но, несмотря на все обаяніе своей личности, желаемаго не добился. До полнаго уничтоженія русскаго морского могущества, все еще угрожавшаго спокойствію Англіи, не вѣрившей въ искренность миролюбія этого рыцаря своего слова Императора, никакого соглашенія между Англіей и Россіей не могло состояться.

Въ 1853 году, лордъ Стредфордъ Канингъ, посолъ Англіи, былъ главной причиной нашего дипломатическаго пораженія въ Константинополѣ по вопросу о святыхъ мѣстахъ.

2. Черноморскаго флота.

Поставленная Черноморскому флоту Императоромъ Николаемъ I задача—господства на Черномъ морѣ, была старой намѣченной еще Петромъ Великимъ и осуществленной Императрицей Екатериной II-й задачей. Ушаковскій флотъ не только утвердился на Черномъ морѣ, но и въ царствованіе Императора Павла I-го (1798 г.) выходомъ своимъ въ Средиземное море (въ союзѣ съ Турціей) для соединенія съ Балтійскимъ флотомъ заперъ его для всѣхъ иностранныхъ флотовъ, сдѣлавъ внутреннимъ русскимъ моремъ... Дѣйствительное господство на морѣ открыло намъ проливы.

Но владѣніе моремъ не уступается даромъ, и начавшіяся съ этого Наполеоновскія войны, привели Россію къ разрыву съ Турціей и осуществленію девиза Наполеона «La fermeture du Bosphore», къ уничтоженію владычества Сенявинскаго (Балтійскаго) флота въ Средиземномъ морѣ.

Правильная и логически вытекавшая изъ этой новой стратегической обстановки задача занятія проливовъ (десантной экспедиціи въ Босфоръ), порученная выполненію маркиза де-Траверсе и герцога Ришелье, въ самомъ зародышѣ своемъ, при организаціи была загублена назначеніемъ несоотвѣтствующихъ задачѣ средствъ.

Съ назначеніемъ адмирала Грейга въ Черное море (въ 1816 г.), къ моменту вступленія Императора Николая I-го на престолъ, матеріальная часть

и моральное состояніе Черноморскаго флота были доведены до высокой степени боевой готовности, однако мы видѣли [1]), какъ самъ адмиралъ Грейгъ понималъ поставленную флоту стратегическую задачу—господство на морѣ, и что было имъ сдѣлано по выполненію ея.

Только духъ флота, подвиги личнаго состава, а главное возрожденіе Балтійскаго флота, появленіе въ Средиземномъ морѣ (Архипелагѣ) эскадръ графа Гейдена, Рикорда, дальнѣйшее развитіе Черноморскаго флота и прибытіе его подъ флагомъ вице-адм. Лазарева на Босфоръ, привели вновь къ открытію проливовъ (1833 г.) для Россіи и появленію Черноморскаго флота въ водахъ Средиземнаго моря. Но это торжество русской морской силы было недолго и закрытіе по Лондонскому трактату (1840 г.) проливовъ привело снова Черноморскій флотъ къ идеѣ Босфорской экспедиціи.

Это добровольное закрытіе проливовъ уже означало отказъ отъ господства на морѣ, даже отказъ отъ владѣнія Чернымъ моремъ, такъ какъ свободно сообщающаяся морская стихія не можетъ быть закрѣплена ни за кѣмъ никакими трактатами, а лишь реальною морскою силою.

Отказъ кн. Меншикова отъ Босфорской экспедиціи привелъ къ полному отказу его, несмотря на Синопъ, и отъ борьбы съ появившимся на Черномъ морѣ англо-французскимъ флотомъ, къ полному отказу отъ владѣнія моремъ, затопленію флота и оборонѣ на берегу.

II. М. П. Лазаревъ, В. А. Корниловъ и П. С. Нахимовъ.

2 августа 1833 года, по возвращеніи Черноморскаго флота въ Севастополь изъ Босфора, Главный командиръ, адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а его начальникъ штаба, М. П. Лазаревъ, былъ назначенъ и. д. Главнаго командира Черноморскаго флота, въ каковой должности онъ и былъ утвержденъ 31 декабря 1834 года.

Съ этого времени вся дальнѣйшая эпоха исторіи Черноморскаго флота, включая и Севастополь, неразрывно связана съ именемъ Михаила Петровича и справедливо окрещена потомками—Лазаревскою.

Обаятельная личность Михаила Петровича [2]), раскрывшаяся и проявившая себя въ особенности при всей полнотѣ власти въ Черномъ морѣ, была именно тѣмъ связующимъ элементомъ, любовь къ которому, доходившая во

---

[1]) См. „Ист. Арміи и Флота“. Томъ IX.

[2]) М. П. Лазаревъ происходилъ изъ старой дворянской семьи Владим. губ. (род. 1788 г.). Въ 1803 году по окончаніи Морского Корпуса, М. П. въ числѣ 30 лучшихъ гардемаринъ былъ отправленъ въ Англію для службы волонтеромъ на судахъ англійскаго флота. Проведя 5 лѣтъ въ непрерывныхъ плаваніяхъ въ Атлантическомъ океанѣ, а на судахъ Остъ-Индской кампаніи побывавъ даже впервые въ Китаѣ, М. П., получая отъ всѣхъ командировъ самые лучшіе аттестаты, вернулся въ 1808 году въ Россію уже въ чинѣ мичмана.

Эта пятилѣтняя служба въ англійскомъ флотѣ, въ условіяхъ военнаго времени (Англія— съ Франціей и Испаніей) оставила неизгладимый слѣдъ въ характерѣ юноши «остраго ума и благороднаго поведенія».

Здѣсь, въ этихъ плаваніяхъ, на судахъ лучшаго флота—англійскаго—времени Нельсона, М. П. проникся тѣмъ чувствомъ долга къ службѣ, любовью къ морю, духомъ спорта

всѣхъ черноморцахъ, отъ матроса до адмираловъ, до обожанія, возбуждала во всѣхъ чинахъ флота такую же, какъ и у него страстную любовь къ морю, къ флоту, къ морскому дѣлу (управленія судами).

Фраза Нахимова, приписавшая всю честь и славу Синопскаго дѣла не себѣ и своимъ сподвижникамъ, а—незабвенному учителю, Михаилу Петровичу Лазареву, была продиктована ему не только поразительной скромностью его, но дѣйствительною мыслью флота, что флотъ всѣмъ обязанъ своему покойному Главному командиру.

И дѣйствительно, за изслѣдованіе какого вопроса ни возьмешься въ эту эпоху, во всемъ найдешь указующую руку и вліяніе Михаила Петровича.

Невольно вспоминаешь постоянный девизъ любимѣйшихъ его учениковъ—Нахимова и Корнилова — повторявшихъ лишь его уроки—«мелочей-съ на службѣ не бываетъ: Въ морскомъ дѣлѣ все важно».

Главною сферою постояннаго труда и всѣхъ усилій воли М. П. былъ флотъ и личный составъ его. И въ этомъ отношеніи труды его дѣйствительно увѣнчаны вѣчной памятью потомства.

Слѣдующую поразительную по яркости характеристику М. П., въ особенности отъ сравненія его съ адмираломъ Грейгомъ даетъ историкъ Черноморскаго флота Дм. Афанасьевъ [1]).

Грейгъ и Лазаревъ имѣли, каждый, свою долю геніальности, но были совершенно противоположныхъ наклонностей и характеровъ. Первый работалъ по обязанности, а второй по увлеченію. Первый представлялъ изъ себя философа-методиста, съ задумчивымъ, меланхолическимъ, пытливымъ взглядомъ, съ большимъ запасомъ учености и разнообразныхъ идей, соображеній и рѣшеній, которыми постоянно была занята его голова; а потому, согласно наклонности своей къ кабинетнымъ занятіямъ для соображенія разныхъ научныхъ свѣдѣній, онъ долженъ бы быть не морякомъ, а академикомъ, и дѣйствительно онъ былъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Второй же былъ кипучій сангвиникъ, съ острымъ рѣшительнымъ взглядомъ, въ фигурѣ и пріемахъ котораго выражалась привычка начальника приказывать, со способностью спокойно руководить въ борьбѣ съ атмосферными сти-

---

въ достиженіи въ каждомъ дѣлѣ и работѣ наилучшаго результата, которые выдѣлили его сразу въ дальнѣйшей службѣ. 1813 года молодымъ лейтенантомъ онъ былъ уже назначенъ командиромъ корабля Россійско-Американской компаніи «Суворовъ», уходившимъ въ кругосвѣтное плаваніе.

Съ 1819 по 1822 годъ М. П. совершилъ вторичное кругосвѣтное плаваніе, командуя шлюпомъ «Мирный» и участвовалъ совмѣстно съ шлюпомъ «Востокъ», подъ командой кап. 2 ранга Беллинсгаузена, въ двукратныхъ изслѣдованіяхъ южнаго полярнаго океана. По возвращеніи изъ этого тяжелаго и труднаго плаванія, М. П. въ томъ же году, командуя фрегатомъ «Крейсеръ», ушелъ въ третье кругосвѣтное плаваніе, гдѣ уже во всемъ блескѣ зрѣлаго возраста и многолѣтняго опыта довелъ свой фрегатъ до образцоваго состоянія, намѣчая въ будущемъ свои пріемы воспитанія личнаго состава, создавая первую ячейку своей школы. Въ этомъ плаваніи онъ уже намѣтилъ своихъ первыхъ будущихъ сподвижниковъ Нахимова, Путятина и др. Наваринъ (8 окт. 1827 года) засталъ уже Лазарева командиромъ корабля «Азовъ» и начальникомъ штаба контръ-адмирала гр. Гейдена, далъ ему всесвѣтную славу и увѣковѣчилъ во флотѣ Георгіевскимъ флагомъ имя командуемаго имъ корабля.

[1]) Русскій Архивъ 1902 года. Т. I—IV стр. 420—422.

хіями на морѣ и съ грознымъ непріятелемъ въ бою. Для М. П. Лазарева не существовало другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ моря; въ нихъ сосредоточивались его честолюбіе, его надежды, помыслы, весь смыслъ его жизни».

Чтобы пріохотить офицеровъ къ морской службѣ и возбудить въ нихъ наибольшее соревнованіе, М. П. Лазаревъ особенно заботился объ увеличеніи числа судовъ малаго размѣра; а когда ему намекали о напрасныхъ на это расходахъ, утверждая, что подобныя суда ни на что не годятся, то онъ говорилъ, что офицеръ, бывшій командиромъ въ чинѣ лейтенанта, никогда не разстанется съ моремъ.

Но на долю Лазаревскаго флота достались не только одни развлеченія мирнаго морского спорта. Въ рукахъ М. П. Лазарева это былъ лишь одинъ изъ методовъ его военно-воспитательной дѣятельности—мѣра къ развитію здороваго, бодраго духа, любви къ морю, любви и гордости всѣхъ, до послѣдняго нижняго чина, къ своему судну, къ своей боевой единицѣ.

Тяжелую, непрерывную двадцатилѣтнюю боевую службу пришлось нести Лазаревскому флоту у кавказскихъ береговъ Чернаго моря [1]).

Объ условіяхъ этой службы наиболѣе ярко говоритъ то, что за этотъ періодъ здѣсь, у береговъ Кавказа, погибло 23 военныхъ судна разныхъ ранговъ Лазаревскаго флота, доведеннаго имъ до высокаго совершенства управленія судами въ морѣ, не умѣвшаго складывать руки при исполненіи долга въ борьбѣ со стихіей за свое судно.

Михаилъ Петровичъ, конечно, и это не забылъ въ своей системѣ боевой подготовки флота. Черезъ Кавказскую школу проходили всѣ молодые офицеры, приходившіе во флотъ, и всѣ молодые командиры. Но кромѣ этого воспитательнаго значенія, отдѣльныя стратегическія задачи, возлагавшіяся на Черноморскій флотъ въ Кавказскихъ операціяхъ, давали возможность провѣрять боевую готовность, практиковать его въ главнѣйшей операціи, къ которой его готовилъ М. П. Лазаревъ,—въ десантныхъ экспедиціяхъ, въ расчетѣ и распредѣленіи войскъ по судамъ, въ быстрой посадкѣ и организаціи высадки на занятый непріятелемъ берегъ.

Въ этомъ отношеніи школа Кавказскихъ операцій блестяще оправдала себя въ сентябрѣ 1853 года, во время перевозки всей 13-ой пѣхотной дивизіи (16.000 ч.) съ артиллеріей изъ Севастополя на Кавказъ, къ берегамъ Анакріи.

Съ переходомъ къ Россіи по Адріанопольскому миру Анапы, Поти съ ихъ округами и отказомъ Турціи отъ правъ на западный берегъ Кавказа, на Черноморскій флотъ для содѣйствія покоренія горцевъ легла задача недопущенія подвоза имъ моремъ контрабанды, общенія ихъ съ Турціей, т.-е. содержанія въ строжайшей блокадѣ всего восточнаго побережья Чернаго моря, протяженіемъ до 300 миль.

Съ прибытіемъ въ 1832 году къ должности начальника штаба М. П. Лазарева, онъ отправился, еще съ адмираломъ Грейгомъ, для осмотра всей

---

[1]) Громадный и интереснѣйшій матеріалъ даетъ Кавказскій отдѣлъ документовъ «Архивъ кн. Меншикова» для изученія дѣйствій Лазаревскаго флота у береговъ Кавказа.

Кавказской линіи, и затѣмъ было организовано впервые постоянное крейсерство у кавказскихъ береговъ.

Для этого въ теченіе всего года на 3 смѣны высылались отряды мелкихъ судовъ, подъ общимъ начальствомъ штабъ-офицера, командовавшаго однимъ изъ фрегатовъ. Базой этого отряда былъ назначенъ Сухумъ, гдѣ была учреждена таможня и карантинъ. Одновременно для спеціальнаго обслуживанія кавказскаго побережья начата постройкой цѣлая флотилія транспортныхъ судовъ и пароходовъ, названной кавказской и отданной въ распоряженіе военнаго вѣдомства, для чего къ штабу генерала Вельяминова былъ прикомандированъ кап. 2 р. Серебряковъ.

Впослѣдствіи, когда укрѣпленія по Черноморской береговой линіи значительно развились, по мысли М. П. Лазарева была заведена еще особая флотилія изъ баркасовъ (по образцу Мальтійскихъ, которые могли поднимать 40 человѣкъ десанта съ корронадой или фальконетомъ на носу), для сообщенія укрѣпленій между собой и для болѣе тщательнаго наблюденія за побережьемъ въ трехверстной полосѣ отъ берега, гдѣ только крейсера по международному праву и могли арестовывать контрабандныя суда, но куда по условіямъ погоды не всегда могли приближаться сравнительно крупныя суда-крейсера въ особенности въ погонѣ за мелкими турецкими кочермами.

За это время съ 1832 по 1838 г. по побережью былъ построенъ цѣлый рядъ укрѣпленій: Св. Духа, Новотроицкое, Михайловское, Кабардинское и др.

Въ 1838 году, начальникомъ Черноморской береговой линіи былъ назначенъ ген.-маіоръ Раевскій, которому и разрѣшено было занимать береговые пункты при содѣйствіи флота по своему усмотрѣнію.

Въ томъ же году Черноморскій флотъ, подъ командой М. П. Лазарева 5 мая прибылъ въ назначенный для посадки войскъ — пунктъ къ Анапѣ и, взявъ десантъ въ 7.000 человѣкъ, высадилъ его у Туапсе, а другой отрядъ, подъ командой контръ-адмирала Артюкова, принявъ изъ Сухума 5.000-й отрядъ—высадилъ его у Сочи. Затѣмъ при содѣйствіи же флота были заняты устья рѣкъ Шапсуго и Цемеса. Во всѣхъ этихъ занятыхъ пунктахъ были построены укрѣпленія Вельяминовское, Навагинское, Тенгинское и Новороссійское. Послѣднее, по превосходной глубокой бухтѣ, было выбрано теперь центральнымъ пунктомъ укрѣпленій кавказской побережной линіи, въ немъ заложено было адмиралтейство и начатъ постройкой портъ.

Во всѣхъ этихъ высадкахъ сухопутныхъ войскъ, при занятіи берега, участвовалъ и десантъ съ судовъ, въ размѣрѣ флотскаго своднаго батальона, подъ командой кап. 2 р. Путятина.

Въ слѣдущемъ году, также при содѣйствіи флота, подъ командой самого М. П. Лазарева, изъ Тамани былъ перевезенъ къ устью рѣки Субаши десантъ въ 6.628 человѣкъ, подъ командой ген.-лейтенанта Раевскаго. При высадкѣ десанта горцы оказали сильное сопротивленіе, при чемъ морской баталіонъ понесъ большія потери убитыми и ранеными. Затѣмъ, по постройкѣ укрѣпленія отрядъ ген. Раевскаго былъ перевезенъ къ устью р. Псезуапе, гдѣ береговая позиція была также взята съ бою и построено укрѣпленіе.

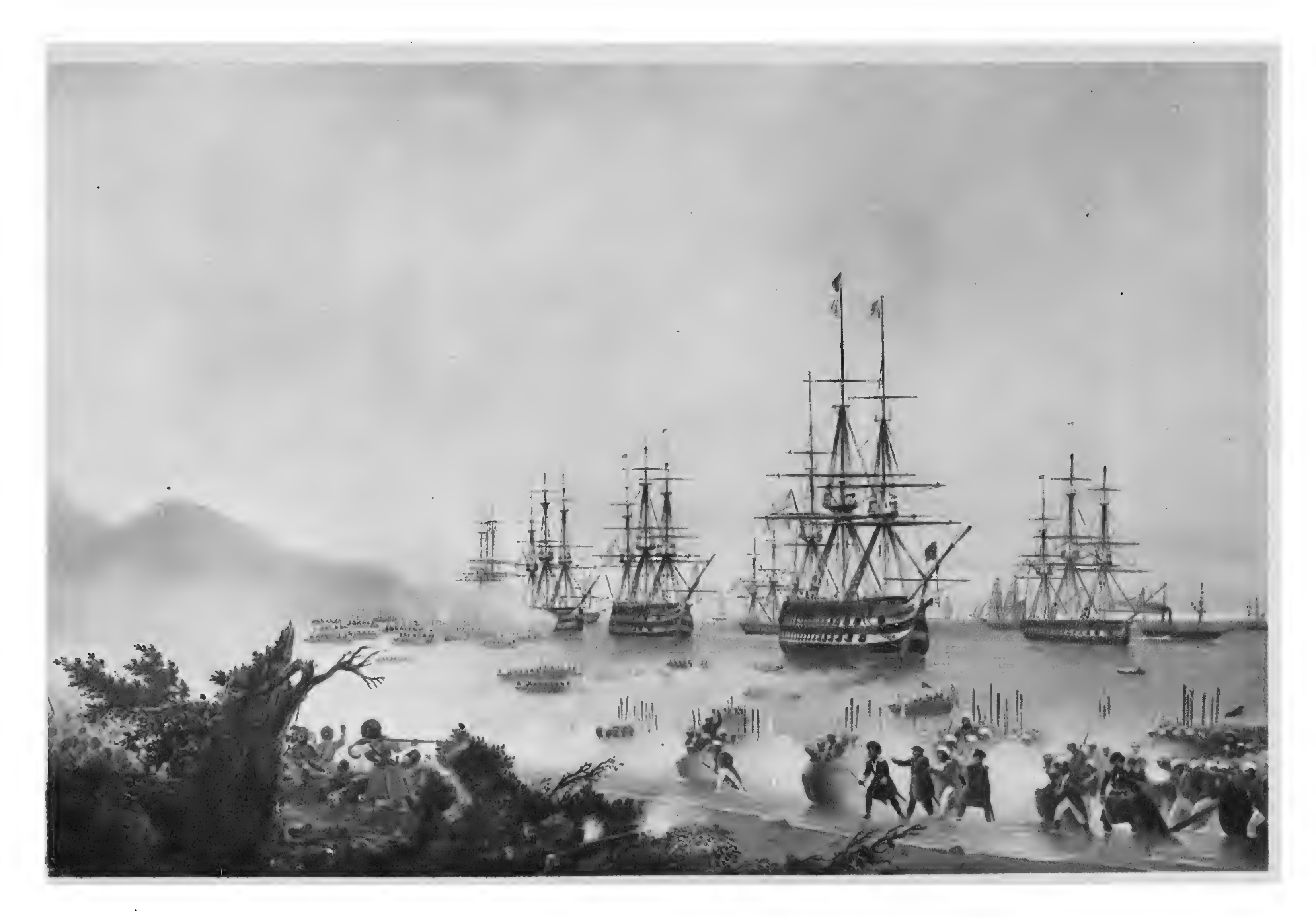
Послѣ занятія этихъ пунктовъ, большія десантныя экспедиціи были окончены. Вся черноморская линія была радѣлена на 3 отдѣленія, а въ

Генералъ-адъютантъ адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

(Съ портрета въ музеѣ Морского Корпуса).

къ стр. 123.

Высадка десанта съ судовъ Черноморскаго флота и занятіе Субаши на Абхазскомъ берегу 2-го мая 1839 года.

(Съ картины въ музеѣ Морского Корпуса).

къ стр. 126.

1843 году, съ укрѣпленіемъ русскихъ въ Самурзакани и Гуріи, открыто и 4-е отдѣленіе.

Теперь содѣйствіе флота заключалось въ поддержкѣ войскъ при движеніяхъ ихъ вдоль берега, обстрѣливаніи заваловъ, устраиваемыхъ горцами, поддержкѣ самихъ укрѣпленій при нападеніяхъ на нихъ большихъ массъ непріятеля и главное въ строжайшей блокадѣ всего побережья, въ особенности отъ контрабанды англичанъ, постоянно высылавшихъ и моремъ и черезъ Турцію эмиссаровъ для поддержанія борьбы горцевъ, для снабженія ихъ порохомъ и оружіемъ. Въ виду этого крейсерскіе отряды были еще больше усилены и начальство надъ ними поручалось по очереди одному изъ флагмановъ.

---

11 апрѣля 1851 года, въ Вѣнѣ, въ мучительнѣйшихъ страданіяхъ, голодной смертью отъ рака въ желудкѣ, скончался Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

Не дожилъ онъ до осуществленія мечты своей, которой жилъ,—занятія Царьграда [1]), не услыхалъ и грома Синопскихъ орудій, но зато и не перенесъ драмы разрушенія дѣла всей своей жизни.

Черноморцы на Севастопольскихъ бастіонахъ поставили ему вѣчный памятникъ, своею кровью заплативъ за уничтоженіе его трудовъ.

---

5 мая 1851 года съ приспущенными флагами, перекрещенными реями, встрѣтилъ на Севастопольскомъ рейдѣ осиротѣвшій черноморскій флотъ пароходъ «Владиміръ» съ останками своего незабвеннаго учителя.

Съ смертью Михаила Петровича ушла изъ Черноморскаго флота сила, объединявшая всѣхъ въ одномъ общемъ порывѣ и трудѣ во славу Государя, ушелъ начальникъ, всю свою жизнь отдавшій на приготовленія флота къ той задачѣ, отъ которой зависѣло все будущее государства.

Высокая честь выполненія Босфорской экспедиціи при немъ, конечно, не была бы отнята отъ него и, надо думать, не была бы съ такой легкостью отброшена, какъ невыполнимая.

Но самое главное, со смертью М. П. Лазарева нарушилось въ Черноморскомъ флотѣ то единство командованія, единоначаліе, которое и давало возможность Главному командиру Черноморскаго флота направлять всю дѣятельность его къ единой цѣли—къ военной готовности.

Въ Черномъ морѣ еще съ царствованія Императора Александра I-го, за отдаленностью флота отъ Императора и центральнаго органа морского министерства было учреждено особое управленіе, вначалѣ почти совершенно самостоятельное и объединенное лишь въ должности Главнаго начальника. Новое образованіе Черноморскаго управленія 1831 г. значительно урѣзало права Главнаго командира, но принципъ единства командованія нарушенъ не былъ—невозможность не только командованія, но и управленія флотомъ

---

1) Которая, Богъ знаетъ, при немъ быть можетъ и не рушилось бы такъ легко и скоро.

на разстояніи 2000 верстъ, при полномъ отсутствіи путей сообщенія, была слишкомъ очевидна и должность Главнаго командира Черноморскаго флота не была упразднена.

И къ счастью для флота во главѣ его былъ поставленъ не чиновникъ въ морскомъ мундирѣ или ученый, а дѣйствительно боевой, лучшей школы адмиралъ, задыхавшійся на берегу, страстно влюбленный въ море, несмотря на всѣ тяготы и заботы административно-хозяйственныхъ функцій своей власти, не могшій разстаться съ флотомъ, дѣйствительно осуществлявшій свои права командующаго всѣми морскими силами, т.-е. фактически исполнявшаго обязаности для даннаго моря Генералъ-Адмирала.

Въ этомъ-то и была главная заслуга передъ Черноморскимъ флотомъ и Государемъ адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Уѣзжая въ отпускъ, временное исполненіе своихъ обязанностей Лазаревъ по Высочайшему повелѣнію передалъ старшему по себѣ генералъ-лейтенанту корпуса флотскихъ штурмановъ Морицу Борисовичу Берхъ, члену Адмиралтействъ-Совѣта съ 1849 года, но оставленному, въ виду преклонныхъ лѣтъ, жить на югѣ (мичманъ 1794 года).

Со смертью Лазарева, Берхъ былъ переименованъ въ вице-адмиралы и, несмотря на то, что еще съ 1817 г. ушелъ изъ строевого состава флота, будучи опредѣленъ, по ходатайству адмирала Грейга, директоромъ моряковъ Чернаго моря и завѣдующимъ описными работами, былъ назначенъ Главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ.

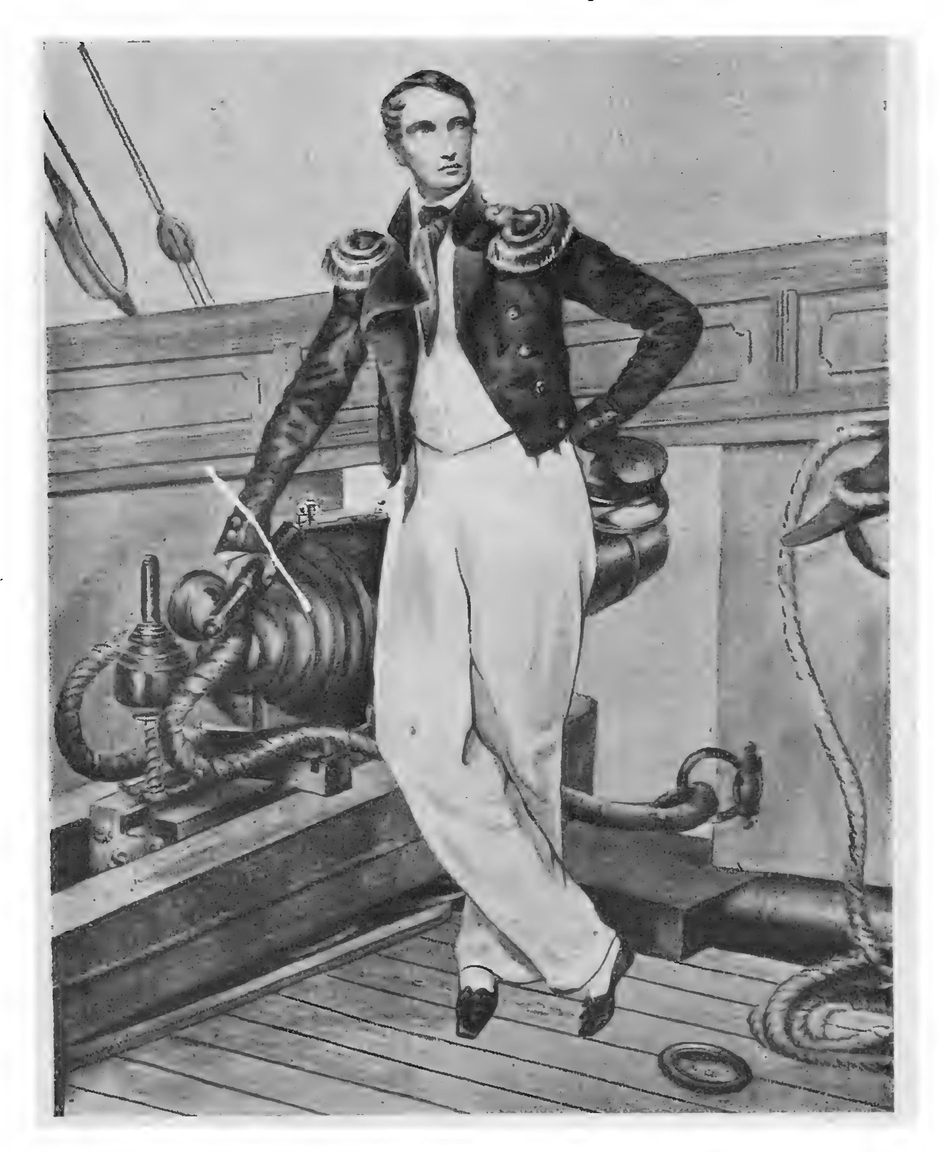
Старецъ 75 лѣтъ, высокой честности, но совершенно не готовившійся никогда къ принятію тяжести власти и отвѣтственности командующаго флотомъ въ особенности при надвигавшейся грозѣ съ запада, никогда не командовавшій не только эскадрами, но и линейными кораблями, Берхъ ясно сознавалъ всю неподготовленность свою къ принятію высокой чести быть преемникомъ Лазарева и потому неоднократно просилъ объ освобожденіи себя отъ возложенныхъ обязанностей, но всѣ ходатайства его объ этомъ отклонялись Меншиковымъ. Между тѣмъ, какъ въ Черномъ морѣ, такъ и въ Балтійскомъ были сподвижники и ученики М. П. Лазарева, не менѣе адмирала Берха достойные продолжать дѣло своего учителя, но болѣе энергичные, молодые, выдѣленные и отличенные самимъ М. П. Лазаревымъ изъ среды окружающихъ—Нахимовъ, Корниловъ, Путятинъ, Метлинъ, Истоминъ и др.

Изъ нихъ Корниловъ былъ выбранъ самимъ Лазаревымъ себѣ въ преемники и спеціально подготовлялся имъ къ продолженію его дѣла.

Смерть Лазарева застала Корнилова въ должности начальника штаба Главнаго командира. Поэтому оставленіе Берха во главѣ флота возлагало на него всю нравственную тяжесть отвѣтственности за боевую готовность флота, не давая ему фактически никакихъ правъ, такъ какъ онъ могъ распоряжаться лишь именемъ адмирала Берха.

При такихъ условіяхъ двойственности своего положенія, страшной моральной отвѣтственности передъ памятью своего великаго учителя, флотомъ и отечествомъ, въ полной зависимости отъ Меншикова, являвшагося теперь главнымъ фактически непосредственнымъ его руководителемъ, Корниловъ въ душѣ честолюбивый (на чемъ и игралъ Меншиковъ), въ два года со смерти

Лазарева, проявилъ удивительную по энергіи дѣятельность, и если, какъ увидимъ ниже, въ своихъ мечтахъ онъ и хотѣлъ предоставить одному себѣ всю славу занятія Босфора и Царьграда, устраненіемъ единственнаго своего соперника Павла Степановича Нахимова—отъ участія въ сей экспедиціи, то

Кап. 1-го ранга В. А. Корниловъ—командиръ корабля „Двѣнадцать Апостоловъ".
(Съ рѣдкой акварели изъ Морского музея имени Императора Петра Великаго, поднесенной въ даръ музею контръ-адмираломъ Юрьевымъ).

мы не можемъ бросить въ него за это камнемъ—вѣдь всю тяжесть подготовки и организаціи экспедиціи онъ вынесъ на своихъ плечахъ.

Для Нахимова это было бы, конечно, жесточайшимъ оскорбленіемъ, но «чистый сердцемъ» онъ и это схоронилъ бы въ глубинѣ своей души; и этотъ ударъ, какъ и всю тяжелую драму своей жизни, унесъ бы безропотно въ могилу.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ по характеру своему, по внутреннему складу души своей былъ полной противоположностью Вл. Ал. Корнилова. Характеристика, данная ему Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ, «чистъ душою и любитъ море», какъ нельзя болѣе ярко очерчиваетъ образъ этого удивительнаго человѣка и адмирала.

«Чистъ душой». Дѣйствительно, это былъ рѣдкой нравственной чистоты и высоты человѣкъ. Какъ древній христіанинъ первыхъ вѣковъ, онъ, молча, ничѣмъ не выдавъ своихъ внутреннихъ переживаній, прошелъ въ жизни, оставивъ неизгладимый образъ во всѣхъ, кто его лично зналъ.

Начавъ блестящую карьеру и въ Наваринѣ еще показавъ всю высоту своей души, онъ послѣднія 15 лѣтъ, несмотря на любовь и уваженіе къ нему, какъ М. П. Лазарева, такъ и всего флота, былъ какъ-то забытъ, не замѣчаемъ [1]. Зато «Синопъ» и «Севастополь» вновь сразу выдвинули Павла Степановича, принявшаго мученическій вѣнецъ славы, и сопричислили его имя къ народнымъ, легендарнымъ героямъ.

III. Участіе русскаго флота въ датской кампаніи 1848—50 гг.

Стремленіе Шлезвига и Гольштиніи отдѣлиться отъ Даніи и войти въ составъ Германскаго Союза, вызвавшее возстаніе указанныхъ Датскихъ провинцій и поддержку ихъ Пруссіей и Германскимъ Союзомъ, заставило Императора Николая I-го, въ цѣляхъ недопущенія «нарушенія политическаго равновѣсія, установленнаго трактатами, на всемъ сѣверѣ Европы» потребовать отъ прусскаго правительства прекращенія борьбы, которая не можетъ быть оправдана никакими началами справедливости.

Однако, какъ разъ въ это время, союзныя арміи перешли въ наступленіе и послѣ ряда удачныхъ сраженій и боя у Шлезвига, къ концу апрѣля вытѣснили датскія войска изъ герцогства и приблизились къ границамъ Ютландіи.

Узнавъ объ этомъ Николай Павловичъ потребовалъ отъ Пруссіи немедленной пріостановки военныхъ дѣйствій, предупредивъ, что «вступленіе прусскихъ войскъ въ Ютландію или на одинъ изъ Датскихъ острововъ обнаружитъ явное намѣреніе уничтожить Данію и приведетъ неминуемымъ образомъ къ разрыву между Россіей и Пруссіей», и приказалъ немедленно изготовить къ посылкѣ въ крейсерство къ Датскимъ берегамъ, для поддержки своихъ требованій силой, 3-ю дивизію Балтійскаго флота.

Черезъ двѣ недѣли, 13 мая, дивизія подъ командой контръ-адмирала Епанчина, въ составѣ 6 линейныхъ кораблей, фрегата, парохода и брига вышла по назначенію, принявъ снабженіе и морскую провизію на 3 мѣсяца кампаніи.

---

[1]) Нѣкоторое объясненіе этому удивительному факту даетъ намѣренное выдвиганіе впередъ М. П. Лазаревымъ Корнилова, а также замѣтка въ письмахъ камергера Камовскаго, указывающая, что Нахимовъ, какъ Истоминъ и др., считался клевретомъ Меншикова, его личнымъ врагомъ.

«Архивъ кн. Меншикова». Письма Камовскаго 1855 года.

Швеція также присоединилась къ союзу съ Даніей и обѣщала ей помощь флотомъ и десантомъ.

По Высочайше одобренной инструкціи контръ-адмиралъ Епанчинъ обязанъ былъ, пройдя вблизи Данцига и въ виду померанскихъ береговъ, идти затѣмъ къ о-ву Менъ для крейсерства между датскими и прусскими берегами. Эскадрѣ было запрещено сообщеніе съ прусскими портами, рекомендовано войти въ сношеніе съ блокирующими ихъ датскими судами и относиться самымъ дружественнымъ образомъ къ датскому и шведскому флотамъ, ограничивая, однако, свои дѣйствія освѣдомленіемъ и наблюденіемъ происходящаго и ожидая особыхъ приказаній о перевозкѣ шведскихъ войскъ къ датскимъ берегамъ или объ иной помощи Даніи.

18 мая дивизія контръ-адмирала Епанчина подошла къ Данцигу, 25-го мая къ о-ву Менъ и вступила въ крейсерство между нимъ и о-вами Рюгенъ и Борнхольмъ.

Въ ежедневныхъ практическихъ занятіяхъ, и часто при свѣжей погодѣ, дивизія въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ находилась въ непрестанномъ крейсерствѣ [1]) у о-ва Менъ. При этомъ, согласно особаго приказанія, даннаго въ дополненіе инструкціи, былъ осмотрѣнъ входъ въ Малый Бельтъ между о-вами Лаландомъ и Фемарномъ, куда ходили 6-го іюня фрегатъ «Аврора» и бригъ «Аяксъ», послѣ чего эти же суда обошли гольштинскій и мекленбургскій берега. 29-го іюня къ о-ву Менъ подошелъ отрядъ изъ пяти шведскихъ фрегатовъ, который, послѣ обмѣна дружественными салютами и визитами, въ продолженіе недѣли крейсеровалъ вмѣстѣ съ нашею эскадрой.

23-го іюля на смѣну 3-й дивизіи отправилась съ тою же инструкціей отъ о-ва Сескаръ къ датскимъ берегамъ 1-я дивизія флота, подъ командой вице-адмирала Андрея Лазарева, въ составѣ 9 линейныхъ кораблей, 2 фрегатовъ и брига. 7-го августа, ночью, 1-я дивизія стала на якорѣ въ бухтѣ Кьеге, гдѣ соединилась съ 3-й дивизіей. 22 августа, по случаю западнаго попутнаго вѣтра, 3-я дивизія отправилась къ о-ву Готландъ, а 1-я осталась въ крейсерствѣ у о-ва Менъ. Черезъ день (24-го августа) послѣдняя получила извѣстіе о заключеніи перемирія на семь мѣсяцевъ между Даніей и Германскимъ Союзомъ и одновременно предписаніе отъ 18-го августа о возвращеніи обѣихъ дивизій въ Россію; такое же предписаніе получила и 3-я дивизія. 1-го сентября Епанчинъ пришелъ уже на зимовку въ Кронштадтъ, а Лазаревъ вышелъ изъ Кьеге—бухты, и 6-го сентября суда его дивизіи достигли Ревеля и Свеаборга, гдѣ провели зиму.

Весною 1849 года, нѣсколько ранѣе срока истеченія 7-мѣсячнаго перемирія военныя дѣйствія на Ютландскомъ полуостровѣ возобновились наступленіемъ германскихъ войскъ въ Данію противъ Альзенской позиціи.

Въ виду этого въ іюнѣ этого года 1-я дивизія Лазарева была вновь отправлена въ Датскія воды, куда и прибыла 27 іюня задерживаемая постоянными противными вѣтрами.

Самый выходъ русской эскадры къ берегамъ Даніи уже произвелъ сильное впечатлѣніе на Пруссію; порты были увѣдомлены изъ Берлина о прибли-

[1]) За время плаванія въ датскихъ водахъ 3-я дивизія провела 111 дней въ крейсерствѣ подъ парусами и 12 дней въ бухтахъ для пополненія запасовъ воды.

женіи русскаго флота «на соединеніе съ датскимъ», при чемъ было очень строго приказано «воздерживаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ русскаго флота».

Приходъ же эскадры Лазарева на Зондербургскій рейдъ произвелъ на нѣмцевъ впечатлѣніе безполезности дальнѣйшей борьбы: «исходъ кампаніи сталъ болѣе зависѣть отъ вмѣшательства Россіи, чѣмъ отъ военныхъ событій» [1]).

На другой день послѣ прихода русской эскадры къ о-ву Альзенъ заключено перемиріе на семь съ половиной мѣсяцевъ и положено было вывести прусскія и прочія германскія войска изъ Ютландіи, а 2-го іюля—подписанъ договоръ между Даніей и Германскимъ Союзомъ, предварительныя условія котораго были ратификованы 7-го іюля.

Эти обстоятельства вызвали Высочайшее повелѣніе отъ 11-го іюля о немедленномъ возвращеніи эскадры, вслѣдствіе чего она покинула Зондербургскій рейдъ и 25-го іюля вернулась въ порты Финскаго залива для прекращенія кампаніи.

Вскорѣ однако Россіи стали извѣстны условія мира, заключеннаго между Даніей и Германскимъ Союзомъ; одно изъ нихъ состояло въ томъ, что миръ заключается «безъ нарушенія обоюдныхъ притязаній». Это выраженіе конвенціи наводило на мысль о двусмысленности германскихъ отношеній.

Поэтому было признано не лишнимъ отправить въ нѣмецкія воды 2-ю дивизію флота, которая подъ командой контръ-адмирала Балка въ полномъ своемъ составѣ вышла 28-го іюля къ о-ву Готландъ, гдѣ и пробыла въ крейсерствѣ до конца августа.

Разсѣявшаяся было съ заключеніемъ перемирія Пруссіи съ Даніей, революціонная шлезвигъ-гольштинская армія весной 1850 г. стала формироваться вновь, при чемъ прусское правительство продолжало тайно снабжать ее солдатами. Когда слухи объ этомъ достигли Россіи, Государь повелѣлъ находившейся у о-ва Готландъ 2-й дивизіи флота отправиться въ датскія воды для крейсерства между о-вами Менъ и Рюгенъ впредь до полученія дальнѣйшихъ указаній.

Эти указанія вылились въ инструкцію, Высочайше одобренную 21-го іюня, которая предписывала:

1) Не допускать высадки десанта «пруссаковъ и другихъ націй Германскаго Союза» или военныхъ дѣйствій ихъ на морѣ противъ датчанъ и, въ случаѣ боевого сопротивленія непріятеля, дѣйствовать боевою же силой;

2) способствовать перевозкѣ датскихъ войскъ и прикрывать высадку ихъ,

и 3) помощь датчанамъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на берегу, «какую только собственно съ моря оказать можно».

Датчанамъ было сообщено лишь о содержаніи пункта второго инструкціи, а исполненіе всей ея ставилось въ зависимость отъ указаній посланника въ Копенгагенѣ.

---

[1]) Выраженіе Мольтке. Въ то же время смута въ Германіи располагала всѣ нѣмецкія правительства и прежде всего Пруссію желать мира съ Даніей для возвращенія своихъ войскъ.

15-го іюня 2-я дивизія подошла къ о-ву Менъ, откуда 1-го іюля, по приказанію посланника, перешла въ Малый Бельтъ и стала на якорѣ на Зондербургскомъ рейдѣ. Отсюда одна бригада была отправлена на постъ къ о-ву Ліэ и другая—къ маяку Бюлкъ для несенія блокады Киля, 3-я же бригада оставалась на Зондербургскомъ рейдѣ.

Въ то же время состоящіе при эскадрѣ пароходы приняли участіе въ перевозѣ шведскихъ войскъ изъ Фленсбурга; 5-го іюля пароходъ «Смѣлый» отвезъ въ Ниборгъ 1.400 челов., а 6-го іюля пароходъ «Архимедъ»—въ Фоборгъ 700 чел. шведскаго десанта.

24-го іюля Россія получила извѣстіе о заключеніи мира между Даніей и Пруссіей, но «по соображенію нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствъ» признано было не лишнимъ не только удержать крейсерованіе наше у о-ва Менъ, но и допустить плаваніе флота у береговъ Шлезвига.

Въ то же время недостатокъ припасовъ на 2-й дивизіи подалъ поводъ къ замѣнѣ ея 3-ею дивизіей вице-адмирала Епанчина. Получивъ приказаніе объ этомъ 28-го іюня 3-я дивизія на другой день вышла изъ Кронштадта по назначенію и 11-го іюля стала на якорь на Зондербургскомъ рейдѣ рядомъ съ дивизіей контръ-адмирала Балка.

Здѣсь же на рейдѣ находилась шведско-норвежская эскадра, въ составѣ 4 норвежскихъ корветовъ и 1 шведскаго фрегата, подъ командой принца Оскара. 2-я дивизія отправилась въ Кронштадтъ по замѣнѣ занимаемыхъ ею постовъ отрядами 3-й дивизіи.

Послѣ неудачнаго для нѣмцевъ сраженія у Фленсбурга (24 и 25 іюля), они очистили Шлезвигъ, отступивъ къ Рендсбургу. Датчане воспользовались этимъ для занятія и усиленія древнихъ укрѣпленій Данневерка, Шлезвига и Фридрихштадта. Въ теченіе затѣмъ двухъ мѣсяцевъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій не происходило, а въ будущемъ нельзя было ожидать пораженія воспрянувшей духомъ Даніи; поэтому 30-го августа состоялось Высочайшее повелѣніе объ уходѣ эскадры 15-го сентября въ Кронштадтъ, за исключеніемъ 4 пароходо-фрегатовъ, оставленныхъ на срокъ не позже 10-го октября, подъ командой флигель-адъютанта Глазенапа, для дѣйствій по тѣмъ же инструкціямъ и по указаніямъ посланника.

16-го сентября 3-я дивизія, снявъ посты въ Кильскомъ заливѣ и у о-ва Ліэ, вышла подъ предлогомъ эволюцій въ Россію, не сообщая о семъ ни на берегъ, ни на суда эскадры. Оставшійся пароходный отрядъ, не содержа никакихъ постовъ, долженъ былъ только «обходить побережье для того, чтобы гольштинцы видѣли нашъ флагъ и знали о пребываніи русской эскадры».

5-го октября отрядъ флигель-адъютанта Глазенапа началъ постепенно отправленіе въ русскія воды, а 29-го ноября участіе Россіи въ шлезвигъ-гольштинскомъ вопросѣ привело наконецъ къ конвенціи державъ въ Ольмюцѣ, по условіямъ которой создавшая революціонную гольштинскую армію Пруссія сама должна была добиться роспуска ея и упраздненія временнаго гольштинскаго правительства. Полное успокоеніе приэльбскихъ герцогствъ наступило лишь въ 1852 г.

Такъ «унизительно для Пруссіи», по выраженію Мольтке, окончилась шлезвигъ-гольштинская война. Присутствіемъ въ раіонѣ военныхъ дѣйствій

трети русскаго флота, сильнѣйшаго въ то время на Балтійскомъ морѣ, была сохранена древняя владычица Балтики—Данія,—сохранена въ томъ ея составѣ, въ которомъ она представляла еще нѣкоторую реальную силу. Существованіе этой силы явилось нужнымъ для Россіи, какъ противовѣсъ нарождавшемуся германскому единству и, какъ увидимъ далѣе, какъ союзная Россіи сила въ случаѣ борьбы за владѣніе Балтійскимъ моремъ.

Но если въ 1848—50 г.г. Россія, опираясь на флотъ, отсрочила возникновеніе новой имперіи въ Европѣ, то это случилось только потому, что, въ лицѣ благороднаго Монарха своего, Россія въ то время чувствовала «свое право и обязанность» быть руководительницей державъ «всего сѣвера Европы».

IV. Восточная война 1853—56 гг.

(Описаніе дѣйствій морскихъ силъ).

1. Южный театръ войны.

а. Босфорская экспедиція, какъ основная идея плана войны съ Турціей и морскими державами на Южномъ фронтѣ.

Утвердивъ 13 декабря 1852 года докладъ канцлера гр. Нессельроде о необходимости отправки чрезвычайнаго посла, облеченнаго особымъ довѣріемъ, для веденія переговоровъ въ Константинополѣ по обострившемуся вопросу о Святыхъ Мѣстахъ и представленія лично Султану взглядовъ Императора и Русскаго Правительства, Николай Павловичъ, учитывая возможность неудачи этого послѣдняго дипломатическаго воздѣйствія, призналъ необходимымъ принять немедленно и подготовительныя мѣры къ боевой готовности по военному положенію 4 и 5 корпусовъ арміи и Черноморскаго флота.

15 декабря Государь отдалъ собственноручное повелѣніе о сборѣ резервныхъ и запасныхъ частей 5-го пѣхотнаго корпуса 5-й артиллерійской дивизіи и 5-го сапернаго батальона и о приготовленіи всего необходимаго для сбора по первому требованію такихъ же частей 4-го корпуса и запасныхъ эскадроновъ и конныхъ батарей 4 и 5 легкихъ батарей [1]), и потребовалъ соображеній кн. Меншикова «о выгоднѣйшемъ времени къ вооруженію Черноморскаго флота и извлеченія изъ проекта дѣйствій противъ Босфора покойнаго адмирала Лазарева». На докладѣ, представленномъ 16 декабря Государю генералъ-адъютантомъ Корниловымъ, явившимся съ докладомъ вмѣсто кн. Меншикова, который вслѣдствіе приступа подагры въ ногѣ въ этотъ день не могъ выѣхать, Николай Павловичъ положилъ резолюцію: «Очень жалѣю, что не могъ лично переговорить. Послѣдствія вашего мнѣнія и разговора моего съ г.-а. Корниловымъ будутъ тѣ, что покуда ым ограничимся одними тѣми приготовленіями, которыя безъ дальней огласки предприняты быть могутъ и необходимы дабы, когда наступитъ время, немедля исполнить предпріятіе, ежели обстоятельства насъ къ тому принудятъ. Больше нечего дѣлать» [2]).

---

[1]) А. М. Заіончковскій. Восточная война, т. I, стр. 728.

[2]) «Арх. кн. Меншикова». Севастопол. отдѣлъ. Папка 3. Подчеркнутое въ резолюціи—лично Государемъ.

Въ своемъ докладѣ кн. Меншиковъ доказывалъ, что, такъ какъ главнѣйшее условіе успѣха прорыва черезъ Босфоръ есть внезапность и такъ какъ Черноморскій флотъ въ необычное время не можетъ вооружиться безъ огласки, то необходимо и единственно возможно, чтобы съ надеждой на удачу исполнить предпріятіе, вооружить флотъ въ обыкновенное время, поэскадренно, не давая подозрѣвать о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, и вмѣсто смѣны дивизій соединить вполнѣ въ Севастополѣ, гдѣ взять приготовленныя войска и пуститься по назначенію. Такимъ образомъ, условіе внезапности, по мнѣнію кн. Меншикова, опредѣляло время производства экспедиціи приблизительно на середину іюня.

Въ этотъ же день, повидимому, Государю Императору былъ представленъ и военнымъ министерствомъ докладъ съ предположеніями о снаряженіи десантнаго и сухопутнаго отрядовъ для дѣйствій въ Турціи [1]), который и былъ по пунктамъ разсмотрѣнъ и исправленъ Государемъ, а на другой день, 17 декабря, генералъ-адъютантомъ Корниловымъ были доложены Николаю Павловичу соображенія о перевозочныхъ средствахъ Черноморскаго флота и размѣрѣ возможнаго къ перевозкѣ за одинъ разъ десанта, не ослабляя крейсерствъ у восточныхъ береговъ Чернаго моря и средствъ береговой линіи [2]), которыя и были утверждены Государемъ.

Такимъ образомъ 16—17 декабря 1852 года вопросъ о Босфорской экспедиціи въ главнѣйшихъ чертахъ былъ рѣшенъ утвердительно [3]). Десантный отрядъ Государь приказалъ готовить немедленно въ назначенныхъ къ сбору мѣстахъ: Одессѣ и Севастополѣ, гдѣ они должны были быть готовы къ 1-му апрѣля. Указанный проектъ Босфорской экспедиціи въ окончательной своей редакціи вылился въ первой собственноручной запискѣ Государя по плану военныхъ дѣйствій съ Турціей отъ 7 января 1853 года [4]).

Цѣлью военныхъ дѣйствій Императоръ Николай Павловичъ ставилъ: нанесеніе неожиданнаго, рѣшительнаго удара, посредствомъ сильной экспедиціи въ Босфоръ и Царьградъ, не давая опомниться туркамъ или вмѣшаться Франціи.

---

[1]) А. М. Заіончковскій, т. I, приложеніе № 212.

[2]) Докладъ ген.-адъют. Корнилова «Арх. Мор. Мин., отд. кн. Меншикова», дѣло № 291.

[3]) Въ связи съ вопросомъ объ утвержденіи плана Босфорской экспедиціи нельзя не отмѣтить слѣдующую слишкомъ характерную для личности ген.-ад. Корнилова и оцѣнки взаимоотношеній его съ П. Ст. Нахимовымъ факта. Въ запискѣ отъ 19 декабря, поданной имъ кн. Меншикову, о необходимыхъ перемѣщеніяхъ въ командномъ составѣ Черноморскаго флота, въ виду предстоящей боевой дѣятельности флота, ген.-ад. Корниловъ предлагалъ между прочимъ начальникомъ 5 дивизій флота вице-адм. П. Ст. Нахимова назначить командующимъ Севастопольскаго порта, такъ какъ, молъ, порту этому предстоитъ трудная и толковая, чисто морская дѣятельность при вооруженіи флота и снаряженіи экспедиціи, а начальниками обѣихъ дивизій просилъ назначить молодыхъ контръ-адмираловъ Новосильскаго и Мессера.

Во второй же запискѣ отъ 12/24 марта 1853 г., поданной имъ такъ же кн. Меншикову, но въ Константинополѣ, передъ возвращеніемъ въ Россію, съ всеподданнѣйшимъ докладомъ Государю отъ кн. Меншикова объ отказѣ его отъ Босфорской экспедиціи, ген.-ад. Корниловъ о перемѣщеніи П. Ст. Нахимова ничего уже не говоритъ.

Арх. Мор. Мин., отд. кн. Меншикова, дѣло № 291.

[4]) А. М. Заіончковскій, т. I, прилож. № 210.

Указывая далѣе составъ десанта изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій (13 и 14) съ артиллеріей, саперными частями, казаками, мѣсто посадки, Николай Павловичъ полагалъ удобнѣйшимъ прорывъ всего флота съ десантомъ въ Босфоръ, къ самому Царьграду, съ требованіемъ немедленной сдачи и бомбардированіемъ, въ случаѣ отказа. Для предотвращенія же возможности появленія иностранныхъ флотовъ считалъ необходимымъ немедленно занять и Дарданеллы.

18 января 1853 г. по непосредственному выбору Государя, чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь былъ назначенъ свѣтлѣйшій кн. Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, которому, въ случаѣ неуспѣха посольства, было рѣшено вручить выполненіе намѣченной операціи.

Поэтому, кромѣ главнѣйшей дипломатической миссіи, въ задачи князя Меншикова входило на мѣстѣ провѣрить вновь условія выполнимости предпріятія, выбрать окончательно мѣсто высадки, собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи обороны столицы, пролива и количествѣ войскъ въ Константинополѣ, для чего въ составъ свиты его были назначены ген.-адъютантъ Корниловъ, ген.-маіоръ Непокойчицкій и др. военные и морскіе чины.

Планъ Босфорской экспедиціи, построенный, какъ указано выше, на основѣ Лазаревскаго проекта былъ дѣйствительно грандіозный по замыслу, по идеѣ планъ войны, единственный логически вытекавшій изъ стратегической обстановки театра.

Первоначально родившійся на почвѣ оборонительнаго союза съ Турціей (Ункіаръ-Искелесійскаго договора) изъ обязательства нашего защищать ее на случай нападенія или угрозы одной изъ морскихъ державъ, планъ этотъ не могъ отпасть или измѣниться даже послѣ истеченія срока этого договора 1841 г.), отъ измѣненія политической обстановки, потому что Турція сама по себѣ, несмотря на всѣ попытки западныхъ морскихъ державъ излѣченія, по мнѣнію Николая Павловича «неизлѣчимо больного человѣка», не могла явиться значительной величиной для Россіи, измѣняющей вѣсъ и силу непріятеля отъ перехода ея изъ союзнаго во враждебное къ намъ положеніе. Самъ по себѣ Ункіаръ-Искелесійскій договоръ, какъ это сознавалъ и Императоръ Николай Павловичъ, ничего Россіи не давалъ,—онъ показывалъ лишь вѣсъ и силу Россіи въ указанномъ году и, главнымъ образомъ, на морѣ, такъ какъ въ этотъ моментъ интересы Англіи и Франціи на Востокѣ еще слишкомъ близко соприкосались, и между ними не было достигнуто согласіе.

Но при союзѣ обѣихъ морскихъ державъ и Турціи, когда морскія силы наши и союзниковъ являлись величинами почти несоизмѣримыми, планъ Босфорской экспедиціи являлся единственнымъ логически разумнымъ планомъ войны, такъ какъ только онъ обезпечивалъ южныя границы Россіи отъ вторженія непріятеля и давалъ свободу дѣйствія на сѣверѣ и западѣ.

И дѣйстительно, начиная съ 1833 г., эта идея постоянно руководитъ нашими приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ на югѣ, при каждомъ политическомъ осложненіи съ морскими державами.

Мысль графа Поццо-ди-Борго, что «только занявъ прочно Босфоръ и Дарданеллы, Россія можетъ спокойно ожидать событія [1])», казалось, была незыблемымъ убѣжденіемъ Государя.

[1]) А. М. Заіончковскій. Восточная война, томъ I, стр. 279.

Но не допуская возможности борьбы на морѣ съ обѣими морскими державами на свободномъ, открытомъ Балтійскомъ морѣ, Императоръ Николай Павловичъ, въ цѣляхъ расторженія «противоестественнаго» союза Англіи съ Франціей пошелъ на громадныя уступки въ Восточномъ вопросѣ, добившись къ 1840 году, цѣною отказа отъ своей точки зрѣнія на вопросъ о проливахъ и цѣлости Оттоманской имперіи, выдѣленія Франціи изъ общаго Европейскаго соглашенія.

Союзъ Россіи съ Англіей и обособленіе Франціи [1]) было затаенной мечтой, главной руководящей идеей внѣшней политики Императора Николая.

Генералъ-адъютантъ, адмиралъ свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

Но на пути къ этому стояло то, что было сильнѣе мнѣній, желаній, воли отдѣльныхъ государственныхъ людей: могущество Россіи на морѣ — сильный

[1]) А. М. Заіончковскій указываетъ, что послѣ заключенія сентябрьской конвенціи 1840 г. въ подтвержденіе договора 3 іюля 1840 г., когда во Франціи начали готовиться къ открытому разрыву съ Англіей, обвиняя ее въ «измѣнѣ», Императоръ Николай Павловичъ приказалъ бар. Бруннову немедленно объявить Великобританскому Правительству, что русская эскадра будетъ отправлена на помощь Англіи. Восточная война, томъ I, стр. 285.

Это находитъ подтвержденіе въ пріобрѣтенномъ «Архивѣ кн. Меншикова», гдѣ найдена подлинная собственноручная записка Императора Николая Павловича отъ 16 августа

Русскій Балтійскій флотъ, только что въ 1836 году демонстрированный Англіи на смотру «Дѣдушки Русскаго Флота». Это усиленіе русскаго Балтійскаго флота, возможность соперничества его на морѣ съ англійскимъ, возможность выхода на арену міровой дѣятельности была главнымъ камнемъ преткновенія для указанной политической комбинаціи.

Въ 1853 году, эта политическая обстановка 1839—40 гг. повторилась до мельчайшихъ подробностей, такъ какъ главнѣйшая причина ея—мощь Россіи на морѣ устранена не была, но только съ той разницей, что съ неудачей попытки расторгнуть союзъ Англіи съ Франціей на почвѣ объявленія въ послѣдней имперіи рухнула послѣдняя надежда создать благопріятную для насъ политическую обстановку и вопросъ о войнѣ съ морскими державами сталъ лишь вопросомъ времени.

Поэтому отъ рѣшенія этого вопроса — быть или не быть Босфорской экспедиціи, при выяснившемся съ первыхъ же дней страшномъ противодѣйствіи въ Константинополѣ успѣху дипломатической миссіи кн. Меншикова представителей морскихъ державъ, рѣшался вопросъ отказывается ли Россія отъ Черноморскаго флота, отъ господства на Черномъ морѣ, отъ 18-лѣтнихъ трудовъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ — М. П. Лазарева по созданію дѣйствительной морской силы, отъ самаго смысла существованія флота.

Князь Меншиковъ 12—24 марта 1853 г., отказавшись отъ высочайшей чести, важнѣйшей и славнѣйшей исторической миссіи, лежавшей на немъ, отворилъ врагу двери въ Россію.

Въ донесеніи своемъ Государю отъ 12—24 марта [1]) изъ Константинополя кн. Меншиковъ писалъ:

«Изъ произведенныхъ ген.-ад. Корниловымъ и ген. Непокойчицкимъ дознаній и обозрѣній оказывается въ общемъ видѣ [2]): что Порта не въ состояніи вооружить болѣе 5-ти кораблей;

1840 г. къ кн. Меншикову съ повелѣніемъ «собрать всѣ корабли и пр., назначенные въ составъ могущей быть экспедиціи по зимовкѣ въ Ревель и Свеаборгъ на случай ежели потребуются дивизіи поздней осенью или зимой. Морск. отд., папка № 1.

[1]) «Арх. кн. Меншикова». Отд. Севастопольскій, дѣло № 23 журналъ донесеній Государю Императору за 1853 г. (книга отпусковъ). А. М. Заіончковскій указываетъ, что подлиннаго экземпляра этого документа онъ не нашелъ ни въ одномъ архивѣ, а содержаніе его предполагаетъ на основаніи письма ген.-ад. Корнилова Вел. Кн. Константину Николаевичу отъ 19 марта (слѣдовательно, не изъ Константинополя, а изъ Николаева. Восточная война, томъ I, прилож. № 214),—считая оба документа близкими по содержанію. Однако, сравнивая ихъ, нельзя не прійти къ заключенію, что донесеніе Меншикова Государю признаетъ экспедицію безнадежнымъ предпріятіемъ съ точки зрѣнія дѣйствія десанта на берегу, тогда какъ письмо Корнилова Великому Князю этого отказа не содержитъ, онъ этой стороны почти не касается, а въ отношеніи занятія Дарданеллъ даже убѣждаетъ въ легкости этой задачи; напротивъ, изъ письма г.-ад. Корнилова скорѣе вытекаетъ важность экспедиціи, для успѣха которой предлагаетъ въ цѣляхъ обмана противника и отвлеченія его силъ распускать ложный слухъ о направленіи экспедиціи въ Варну или Бургасъ. См. Зіончковскій, Восточная война, томъ I, стр. 737.

[2]) Результаты работъ генерала Непокойчицкаго, лично переданные имъ въ Константинополѣ кн. Меншикову въ февралѣ 1853 г., заключаютъ: 1) обзоръ путей вдоль Босфора изъ б. Киліосъ и Буюкъ-Дере къ Константинополю (собственноручная записка ген. Непокойчицкаго), 2) подлинный его планъ военныхъ дѣйствій съ Турціей, имъ подписанный,

что число войскъ, находящихся въ Константинополѣ и окрестностяхъ, простирается приблизительно до 30 тысячъ человѣкъ, хотя по продовольственнымъ счетамъ значится ежедневная раздача 40.000 порцій;

что заключающіеся въ этомъ числѣ артиллерійскіе полки имѣютъ 144 орудія съ лошадьми [3]), но лишь по одному запряженному ящику на два орудія, т.-е. по ихъ мирному положенію;

что пѣхота, въ особенности гвардейская и піонеры, равно какъ и артиллерія, находятся въ исправномъ состояніи какъ въ строевомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ,—и что напротивъ того кавалерійская бригада, здѣсь находящаяся, за исключеніемъ мундирныхъ и амуничныхъ вещей, — состоитъ въ очень дурномъ положеніи и на весьма худыхъ лошадяхъ; что по недостатку денегъ правительство вынуждено было уволить значительное число рабочихъ изъ мастерскихъ своихъ, и что остающимся на службѣ почти цѣлый годъ не выдавалось жалованья;

что въ арсеналѣ Топ-хане находится 557 орудій, въ томъ числѣ 33 на лафетахъ, а 524 на стелюгахъ;

что Дарданелльскія батареи приведены въ лучшее противъ прежняго оборонительное состояніе и усилены новыми укрѣпленіями у мыса Нагара;

что въ Босфорѣ, близъ Анатоли-Кавакъ, закладывается новая батарея, и что изъ числа прочихъ укрѣпленій сего пролива нѣкоторыя находятся не въ лучшемъ состояніи, хотя кое-гдѣ и видны новыя насыпи брустверовъ;

и что единственно удобное мѣсто, для высадки десанта на Европейскомъ берегу, есть Буюкдерскій заливъ, хотя бы это было и съ прорывомъ сквозь батарей; малая же бухта Киліосъ, для сей цѣли крайне неудобна».

Въ заключеніе сказать можно, что предпріятіе на Константинополь, безъ значительнаго числа войскъ, едва ли можетъ быть успѣшно,—ибо число это должно соотвѣтствовать силѣ того корпуса, который защищать будетъ столицу, въ мѣстности весьма для того способной и при сильной артиллеріи. При томъ же нападающему нужно будетъ отдѣлить войска и противъ батарей Босфора. Съ возвращеніемъ войскъ Омеръ-паши, упомянутый корпусъ можетъ возрасти до 50.000 человѣкъ и болѣе и имѣть на своей сторонѣ перевѣсъ боевыхъ способовъ. Безъ достаточнаго числа кавалеріи, для открытія движенія непріятеля, могущаго подъ прикрытіемъ лѣсовъ, горъ и глубокихъ рытвинъ, обойти въ тылъ наступающія войска, симъ послѣднимъ трудно будетъ предпринять рѣшительное движеніе впередъ».

составляющій повтореніе войны 1828—29 гг. и 3) обзоръ окрестностей Константинополя съ картой съемки 1827 г., исправленной ген. Непокойчицкимъ по послѣднему обзору.

Всѣ эти документы найдены въ Архивѣ кн. Меншикова, пріобрѣтенномъ въ 1912 г. въ морское министерство. Къ сожалѣнію таковыя же работы г.-ад. Корнилова до сихъ поръ не найдены и потому на основаніи одного документа—письма къ Великому Князю—считать и Корнилова виновнымъ въ отказѣ отъ Босфорской экспедиціи нельзя, такъ какъ 2 записка Государя по плану войны, со ссылкой на донесеніе кн. Меншикова отъ 12—24 марта и отказывающаяся отъ Босфорской экспедиціи датирована 22—23 марта (док. № 215. Вост. война, т. I, прилож.) и слѣдовательно письмо Корнилова отъ 19 марта изъ Николаева не могло за 3—4 дня при тогдашней скорости попасть изъ Николаева въ Петербургъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повліять на Государя.

[3]) Въ томъ числѣ 12 горныхъ.

Такимъ образомъ не съ морской точки зрѣнія, не изъ-за опасенія встрѣтить въ проливѣ иностранные флоты, не изъ-за невозможности перевести и высадить десантъ, а съ точки зрѣнія сухопутнаго генерала, начальника десантскаго корпуса, кн. Меншиковъ возражалъ противъ выполнимости экспедиціи, не учитывая того, что турки въ это время всѣ свои силы стягивали къ Дунаю, разсчитывая на повтореніе кампаніи 1828-29 гг.

По полученіи этого донесенія кн. Меншикова, Государь отказался отъ плана Босфорской экспедиціи и 22-23 марта составилъ 2-ую записку по плану войны, развивающую идею первой турецкой войны 1828-29 гг., но послѣ совѣщанія съ кн. Варшавскимъ перешелъ 8 апрѣля и наконецъ 16-17 мая совершенно установился на мысли отца-командира объ оккупаціи Дунайскихъ княжествъ.

Такъ здравый военный взглядъ Императора, грандіозный планъ войны былъ постепенно нерѣшительностью, посредственностью окружающихъ Императора лицъ, задушенъ въ корнѣ, привелъ насъ къ Крымскому сидѣнію и затопленію флота.

Послѣднею попыткою добиться активной на морѣ борьбы за владѣніе моремъ является планъ г.-ад. Корнилова, представленный имъ 1 октября 1853 г. кн. Меншикову, заключавшій требованіе съ началомъ кампаніи занять немедленно Синопъ и Сизополь, какъ передовыя и ближе къ Босфору лежащія базы для флота, лежащія на путяхъ турокъ по Румелійскому и Анатолійскому побережью, легко съ малыми силами обороняемые съ сухого пути по топографическимъ условіямъ.

Но Синопскій разгромъ турокъ и выходъ англо-французскаго флота въ Черное море заставилъ кн. Меньшикова, идя по прежнему пути оборонительныхъ тенденцій, стянуть весь флотъ къ Херсонесскому маяку и въ Севастополь.

б. Военныя дѣйствія въ Черномъ морѣ въ 1853—54 гг.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей, окончательно установленный съ отъѣздомъ князя Меншикова (9 мая) изъ Константинополя, заставилъ Императора Николая Павловича, согласно послѣднему плану своему, приступить къ оккупаціи Дунайскихъ княжествъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ княземъ Меншиковымъ, оставшимся въ Крыму, начаты были энергичныя приготовленія къ приведенію флота и Севастополя на военное положеніе. 17 мая всему Черноморскому флоту было предписано начать кампанію и 5-ой дивизіи флота, подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова предписано было выйти въ море для крейсерства у Херсонесскаго маяка, съ выдѣленіемъ 2-хъ фрегатовъ и 3-хъ бриговъ для установленія линіи крейсеровъ до Босфора. Крейсерскій отрядъ Восточнаго берега Чернаго моря былъ также усиленъ сформированіемъ особаго отряда изъ 6 судовъ съ назначеніемъ базы этого отряда въ Сухумѣ.

Главною задачею этого вспомогательнаго Кавказскаго отряда крейсеровъ было поставлено наблюденіе за Батумомъ и окрестными пограничными мѣстами. Одновременно для объединенія дѣйствій всѣхъ кавказскихъ крейсеровъ они были подчинены начальнику Черноморской береговой линіи вице-

адмиралу Серебрякову. Для сообщенія этой линіи крейсеровъ съ первой—у Босфора, вице-адмиралу Серебрякову приказано было выслать одно изъ судовъ къ Синопу.

Въ серединѣ іюня, въ виду появленія въ Черномъ морѣ турецкихъ судовъ, по приказанію князя Меншикова расположеніе судовъ въ линіи крейсеровъ было измѣнено: фрегаты поставлены впередъ къ Босфору, а бриги и корветы убраны на ихъ мѣсто.

29 іюня была произведена смѣна дивизій въ плаваніи, а въ началѣ августа послѣ соединенія обѣихъ на Севастопольскомъ рейдѣ, генералъ-адъютантъ Корниловъ, поднявъ свой флагъ на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», произвелъ маневръ прорыва эскадры на Севастопольскій рейдъ, при условіи защиты его другой, стоящей на якорѣ.

Въ сентябрѣ 1853 года Черноморскому флоту, вслѣдствіе отказа князя Меншикова отъ Босфорской экспедиціи, лишившемуся случая перевести десантъ въ Царьградъ, пришлось вспомнить былыя Лазаревскія времена и доказать, какъ былъ онъ приготовленъ къ этой своей исторической задачѣ.

Въ концѣ августа, Намѣстникъ Кавказа, князь М. С. Воронцовъ, просилъ Государя объ усиленіи войскъ въ Закавказьѣ, въ виду приближающихся военныхъ дѣйствій съ Турціей; въ виду этого, по Высочайшему повелѣнію, на Черноморскій флотъ была возложена задача одновременно перевести изъ Севастополя въ Сухумъ 13 пѣхотную дивизію, въ составѣ 16.393 человѣкъ, 824 лошадей, съ 2 батареями, со всѣмъ обозомъ и 30-дневнымъ продовольствіемъ, а изъ Одессы въ Севастополь — 1 бригаду 14 пѣхотной дивизіи.

По расчету генералъ-адъютанта Корнилова, коему поручена была княземъ Меншиковымъ вся организація экспедиціи и сношеніе съ военными властями, для перевозки 13 пѣхотной дивизіи было назначено 12 линейныхъ кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, 7 пароходовъ и 11 транспортовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова, а для перевозки войскъ изъ Одессы въ Севастополь—2 кор. и 2 фрег., подъ командой кап. 1 ранга Варницкаго.

14 сентября было приступлено къ амбаркаціи, а 17-го флотъ уже вышелъ въ море. Высадку рѣшено было производить частью въ Сухумѣ—обозы, лошадей и 1.500 человѣкъ—съ пароходовъ и транспортовъ, а остальныя войска у береговъ Анакріи близъ Редутъ-Кале.

24 сентября, флотъ подошелъ къ берегамъ Кавказа и на разсвѣтѣ началъ высадку, окончивъ ее къ 4 часамъ дня и немедленно отправился обратно въ Севастополь. Къ этимъ цифрамъ ничего не добавишь—они говорятъ сами за себя, и Императоръ Николай Павловичъ понялъ ихъ языкъ, наградивъ П. Ст. Нахимова орденомъ Владиміра 2-й степени.

Въ концѣ сентября, турецкій главнокомандующій арміей на Дунаѣ Омеръ-Паша предъявилъ князю Горчакову ультиматумъ съ требованіемъ очищенія Дунайскихъ княжествъ въ 2-хъ недѣльный срокъ, съ угрозой въ противномъ случаѣ начать военныя дѣйствія.

Манифестъ съ объявленіемъ войны Россіи былъ объявленъ въ Турціи 14 сентября.

Первые выстрѣлы со стороны турокъ раздались 11 октября, при прохожденіи нашей Дунайской флотиліи вверхъ по Дунаю къ Галацу съ крѣ-

пости Исакчи, первою жертвою коихъ былъ начальникъ отряда канонерскихъ лодокъ капитанъ 2 ранга Варпаховскій.

Но еще ранѣе, опасаясь нападенія турокъ на Кавказскую линію (на Сухумъ, Поти) съ цѣлью поднятія возстанія горцевъ, кн. Меншиковъ, тотчасъ по возвращеніи флота въ Севастополь, отправилъ снова эскадру изъ 4-хъ кораблей, 3-хъ фрегатовъ, 2-хъ бриговъ и 1 парохода, подъ командой вице-адмирала Нахимова для наблюденія за движеніемъ турецкихъ судовъ у береговъ Анатоліи, но безъ права начала военныхъ дѣйствій до нападенія турокъ или новыхъ распоряженій. Въ то же время въ крейсерство къ Босфору назначены были пароходы «Крымъ», «Одесса» и «Бессарабія».

Въ ночь съ 15 на 16 октября начались военныя дѣйствія и на другомъ концѣ Чернаго моря—на Кавказской береговой линіи—нападеніемъ турокъ на постъ св. Николая, который былъ взятъ штурмомъ огромныхъ массъ турокъ, съ истребленіемъ всего гарнизона, состоявшаго едва изъ 500 человѣкъ при 2-хъ орудіяхъ, послѣ отчаяннаго его сопротивленія.

Черезъ 5 дней, начальникъ 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, генералъ-маіоръ Мироновъ, желая произвести осмотръ турецкаго лагеря, занявшаго постъ св. Николая, посадилъ роту черноморскаго батальона на пароходъ «Колхида», подъ командой капитанъ-лейтенанта Кузминскаго, и отправился на видъ поста; но подойдя слишкомъ близко къ берегу, пароходъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла сталъ носомъ на мель и турки, выставивъ 5 орудій, стали громить пароходъ, имѣвшій возможность отвѣтить на огонь врага лишь ружейными выстрѣлами.

Цѣлыхъ 4 часа, подъ убійственнымъ обстрѣломъ турокъ, простоялъ пароходъ на мели и только около полудня, когда турки хотѣли броситься на абордажъ, удачно сошелъ съ мели и развернувшись кормой сталъ отвѣчать изъ своего кормового бомбическаго орудія.

Этимъ только пароходъ спасся, затопивъ сразу подходившую уже съ турками кочерму. Но на пароходѣ была масса потерь: командиръ былъ убитъ, старшій офицеръ лейтенантъ Степановъ контуженъ и раненъ, нижнихъ чиновъ убито 13, а ранено больше половины.

Но несмотря на это и начало военныхъ дѣйствій на Дунаѣ по Высочайшему повелѣнію военныхъ дѣйствій было приказано не производить.

Только 1 ноября былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Турціей.

Съ уходомъ вице-адмирала Нахимова къ Анатолійскимъ берегамъ, въ Севастополѣ, по приказанію кн. Меншикова, были организованы 3 эскадры: 2 парусныхъ корабельныхъ, подъ командой контръ-адмираловъ Новосильскаго и Вульфа, на случай необходимости отправки подкрѣпленій въ море и 1 пароходная, подъ командой контръ-адмирала Панфилова—для рекогносцировокъ.

20 октября кн. Меншиковъ предложилъ вице-адмиралу Корнилову произвести рекогносцировку по Румелійскому берегу, съ указаніемъ, что если турки появились выше Дуная и начнутъ серьезное дѣло, то онъ беретъ на себя отвѣтственность, развязавъ руки, начать военныя дѣйствія.

Но пройдя съ тремя пароходами до самаго Босфора, Вл. Ал. нигдѣ не нашелъ ни одного турецкаго судна и только у самаго пролива (отославъ два

Бой пароходо-фрегата „Владиміръ“ съ турецкимъ пароходомъ „Первазъ-Бахри“.
(Съ картины въ музеѣ Морского Корпуса).

къ стр. 143.

Бой „Флоры“ у береговъ Пицунды 9-го ноября 1853 года.
(Съ картины въ музеѣ Морского Корпуса).

къ стр 143

Синопское сраженіе 18-го ноября 1853 года.

(Съ картины въ музеѣ Морского Корпуса). къ стр 144.

Синопское сраженіе 18-го ноября 1853 года.

(Съ картины Айвазовскаго, пожалованной Морскому Корпусу Императоромъ Николаемъ I въ 1854 г.)

къ стр. 144.

другихъ парохода въ Одессу и Севастополь) встрѣтилъ турецкую эскадру, изъ 5 фрегатовъ, 1 корвета и 1 парохода, идущую въ Босфоръ.

Въ виду этого и начавшейся бурной погоды, В. А. возвратился въ Севастополь, гдѣ одинъ изъ ранѣе отдѣлившихся пароходовъ донесъ, что видѣлъ въ морѣ турецкую эскадру.

Пославъ немедленно извѣщеніе объ этомъ вице адмиралу Нахимову, Корниловъ, поднявъ свой флагъ на кораблѣ «Великій Князь Константинъ» эскадры контръ-адмирала Новосильскаго и, присоединивъ къ ней пароходы «Владиміръ», «Одесса», и бригъ «Эней», приказомъ по эскадрѣ объявилъ, что онъ получилъ приказаніе князя Меншикова выйти съ ней въ море для поиска и истребленія турецкаго флота, вышедшаго въ море.

«Такъ какъ манифеста о войнѣ еще нѣтъ,—писалъ Корниловъ,—то судамъ нашимъ разрѣшено брать и истреблять одни только военныя суда непріятеля... Надѣюсь, что если бы счастье намъ благопріятствовало и мы бы встрѣтили непріятеля, то, съ Божьей помощью, офицеры и команды судовъ, со мной отплывающихъ, вполнѣ воспользуются случаемъ увеличить нашъ флотъ новыми кораблями... При могущемъ встрѣтиться боѣ я не считаю нужнымъ излагать какія-либо наставленія; дѣйствовать соединенно, помогая другъ другу и на самое короткое разстояніе, по моему мнѣнію, лучшая тактика».

29 октября эскадры изъ 4-хъ—120-пуш. кораблей, 2-хъ—84-пуш., парохода «Владиміръ» и брига «Эней», подъ флагомъ генералъ-адъютанта Корнилова, при двухъ флагманахъ контръ-адмиралахъ Новосильскомъ и Панфиловѣ, съ разсвѣтомъ при свѣжемъ вѣтрѣ вышли въ море.

Но продержавшись въ морѣ при бурной погодѣ до 4 ноября, нигдѣ не встрѣтивъ турецкаго флота и узнавъ отъ встрѣчныхъ судовъ, что онъ лежитъ въ Босфорѣ, Корниловъ отправилъ линейный флотъ, подъ командой контръ-адмирала Новосильскаго для присоединенія къ эскадрѣ Нахимова 2-хъ—84-пуш. кораблей, самъ пересѣвъ на пароходъ «Владиміръ» отправился къ порту Амастро, но, увидѣвъ, на горизонтѣ дымъ парохода, направился къ нему и вскорѣ распозналъ пароходъ подъ турецкимъ флагомъ.

Послѣ долгой погони, непріятельскій пароходъ былъ настигнутъ и принужденъ былъ принять бой, который завершился, послѣ того какъ убитъ былъ командиръ его, 2 офицера и много нижнихъ чиновъ, сдачей парохода.

Въ 3-хъ часовомъ бою парохода «Владиміръ» у насъ былъ убитъ адъютантъ адмирала Корнилова, лейтенантъ Желѣзновъ, и ранено 4 нижнихъ чина. Но зато непріятельскій пароходъ отъ мѣткаго огня, при лихомъ управленіи командира парохода Г. И. Бутакова, сильно пострадалъ и еле добрался на буксирѣ до Севастополя.

Это оказался Египетскій пароходъ «Первазъ-Бахри», 10-пуш., въ 220 силъ, второй нашъ призъ въ эту войну, такъ какъ наканунѣ пароходомъ «Бессарабія», состоявшемъ при эскадрѣ вице-адмира Нахимова, безъ боя былъ взятъ транспортъ-пароходъ «Медари-Тиджіаретъ».

Въ то же время у Кавказскаго берега, на высотѣ укрѣпленія Пицунды, произошелъ не менѣе славный бой 44-пуш. фрегата «Флоры», подъ командой капитанъ-лейтенанта Скоробогатова съ 3-мя турецкими пароходами, изъ коихъ одинъ былъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ.

Идя изъ Севастополя въ Сухумъ, въ два часа пополуночи 9 ноября «Флора» увидѣла впереди себя, въ разстояніи 1 мили, 3 парохода, державшіеся соединенно. Въ это время пароходы замѣтили также приближеніе фрегата и немедленно направились къ нему, но «Флора» уже приготовилась къ бою и, уклонившись отъ продольнаго огня, открыла огонь съ лѣваго борта, который заставилъ пароходы отойти и замолчать.

Черезъ нѣкоторое время пароходы возобновили атаку, но «Флора» прежнимъ маневромъ отбилась, заставивъ вновь замолчать врага. Эти нападенія пароходовъ на фрегатъ продолжались все съ прежнимъ успѣхомъ до 6 час. утра, когда, наконецъ, они оставили фрегатъ въ покоѣ до разсвѣта исправлять свои поврежденія.

Утромъ пароходы, поднявшіе турецкіе флаги, вновь рѣшили напасть на фрегатъ, поставивъ въ 2 огня, но замѣтивъ подъ берегомъ шкуну «Дротикъ», раздѣлились, отправивъ 2 парохода къ шкунѣ. Тогда кап.-лейтенантъ Скоробогатовъ, чтобы избавить беззащитную шкуну отъ нападенія сильнѣйшаго врага, поворотилъ фрегатъ и огнемъ всего борта обрушился на оставшійся адмиральскій пароходъ, вслѣдствіе чего пароходы вернулись къ своему адмиралу, но, несмотря на это, всѣ трое вскорѣ принуждены были бѣжать на западъ, взявъ адмиральскій пароходъ на буксиръ, оставивъ парусный фрегатъ, съ 2-мя лишь пробоинами, продолжать свой путь.

За этотъ подвигъ командиръ фрегата былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса.

Между тѣмъ, вице-адмиралъ Нахимовъ, отправивъ 6-го ноября Новосильскаго съ 120-пуш. кораблями и пароходъ «Бессарабія» съ призомъ въ Севастополь, самъ легъ къ Синопу, чтобы провѣрить показаніе плѣнныхъ, указавшихъ, что тамъ укрылась турецкая эскадра.

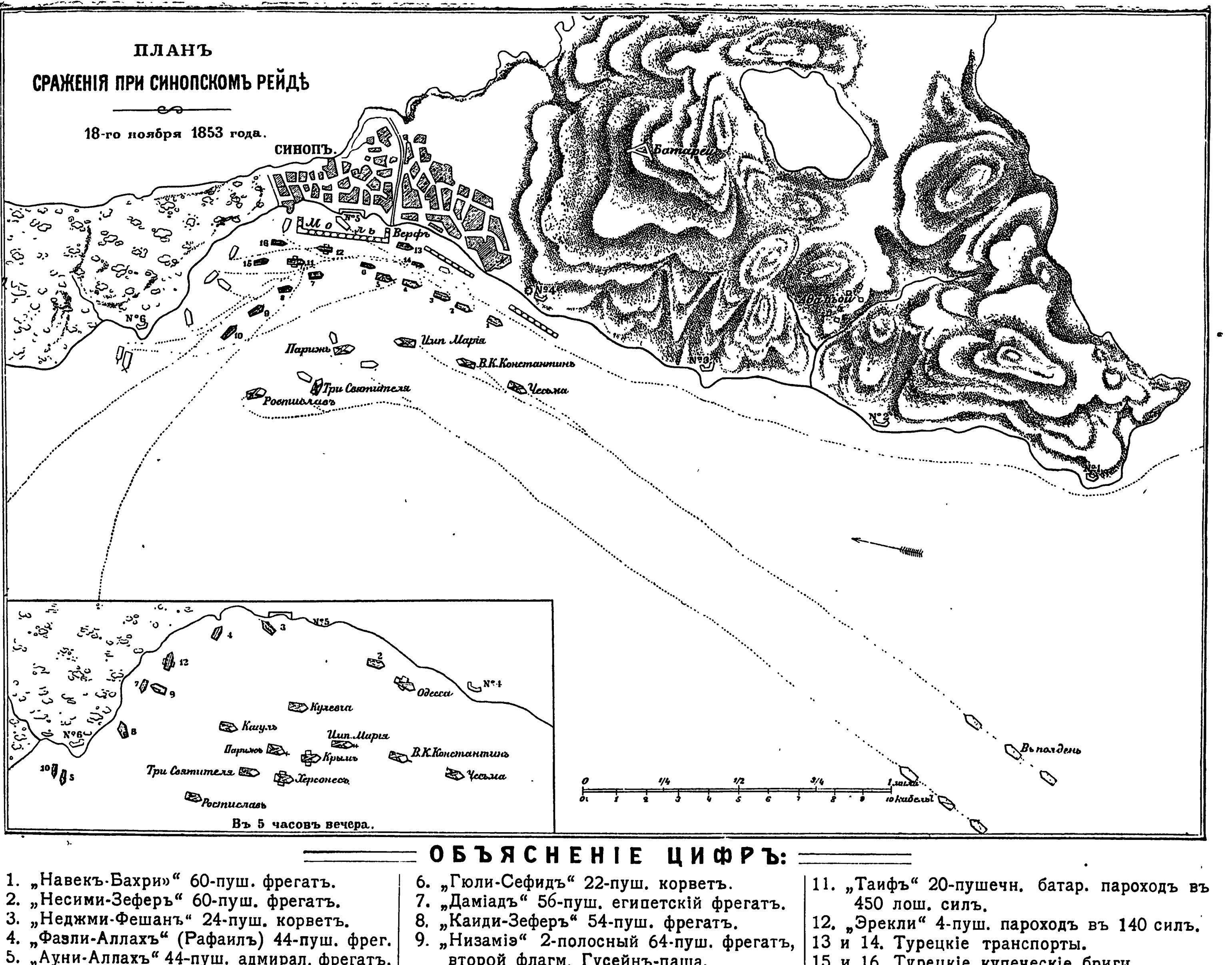
Выдержавъ у береговъ Анатоліи 8 ноября штормъ, отъ котораго 2 корабля и фрегатъ его эскадры получили такія поврежденія въ рангоутѣ, что были принуждены отправиться въ Севастополь, П. Ст. Нахимовъ, придя на видъ Синопа и убѣдившись, что на рейдѣ подъ защитой 6 батарей стоитъ турецкая эскадра изъ 7 фрегатовъ, 3 корветовъ и 2-хъ пароходовъ, не считая транспортовъ и коммерческихъ судовъ, рѣшилъ тѣсно заблокировать, поджидая возвращенія отправленныхъ въ ремонтъ 2-хъ кораблей. При постоянно бурной погодѣ, не желая выпустить непріятеля ночью изъ порта, эскадра держалась вплотную къ берегу.

16 ноября, вмѣсто жданныхъ 2-хъ 84-пуш., къ эскадрѣ вице-адм. Нахимова присоединился отрядъ вице-адм. Новосильскаго съ 3-мя 120-пуш. кораблями, высланными ему на подкрѣпленіе изъ Севастополя княземъ Меншиковымъ.

Въ виду этого, вице-адм. Нахимовъ рѣшилъ немедленно атаковать и истребить непріятеля на Синопскомъ рейдѣ.

Пригласивъ къ себѣ на корабль 17 ноября второго флагмана и командировъ судовъ на совѣщаніе, онъ объявилъ имъ планъ и диспозицію атаки.

Въ тотъ же день вечеромъ Нахимовымъ былъ отданъ подробный, со всѣми детальными наставленіями, приказъ о томъ, какъ входить на рейдъ, бросать лотъ, становиться на якоря и шпрингъ и пр.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЦИФРЪ:

1. „Навекъ-Бахри»“ 60-пуш. фрегатъ.
2. „Несими-Зеферъ“ 60-пуш. фрегатъ.
3. „Неджми-Фешанъ“ 24-пуш. корветъ.
4. „Фазли-Аллахъ“ (Рафаилъ) 44-пуш. фрег.
5. „Ауни-Аллахъ“ 44-пуш. адмирал. фрегатъ, флагм. Османъ-паша.
6. „Гюли-Сефидъ“ 22-пуш. корветъ.
7. „Даміадъ“ 56-пуш. египетскій фрегатъ.
8. „Каиди-Зеферъ“ 54-пуш. фрегатъ.
9. „Низаміэ“ 2-полосный 64-пуш. фрегатъ, второй флагм. Гусейнъ-паша.
10. „Фейзи-Меабудъ“ 24-пуш. корветъ.
11. „Таифъ“ 20-пушечн. батар. пароходъ въ 450 лош. силъ.
12. „Эрекли“ 4-пуш. пароходъ въ 140 силъ.
13 и 14. Турецкіе транспорты.
15 и 16. Турецкіе купеческіе бриги.

Утромъ 18 ноября былъ дождь и шквалистый юго-восточный вѣтеръ, самый неблагопріятный для пораженія непріятельскихъ судовъ.

Въ $9^1/_2$ часовъ утра на флагманскомъ кораблѣ вице-адмирала Нахимова «Императрица Марія» взвился сигналъ «приготовиться къ бою».

Какъ на парадъ около полудня неслась эскадра Нахимова на Синопскій рейдъ, подъ Андреевскимъ флагомъ на брамъ-стеньгахъ.

Въ первой колоннѣ ближайшей къ непріятелю шли корабли «Императрица Марія» — вице-адмиралъ Нахимовъ, «Великій Князь Константинъ» и «Чесма», въ другой—«Парижъ» — контръ-адм. Новосильскій, «Три Святителя» и «Ростиславъ», фрегаты «Кулевчи» и «Кагулъ» должны были остаться подъ парусами для наблюденія за пароходами.

Въ половинѣ перваго, съ первою пушкою турецкаго флагманскаго 44-пуш. фрегата «Ауни-Аллахъ» былъ открытъ огонь со всѣхъ турецкихъ судовъ и батарей. Но несмотря на встрѣчный градъ снарядовъ, русскіе корабли, не отвѣчая на огонь, подходили на указанныя по диспозиціи мѣста и послѣдовательно вступали въ бой. И не только превосходство силы, но выдержка, спокойствіе, мѣткость огня эскадры Нахимова черезъ часъ уже почти покончили дѣло. Турецкія суда одинъ за другимъ загорались, взрывались, выбрасывались на берегъ, а батареи принуждены были замолчать и почти срыты до основанія.

Въ исходѣ 1-го часа, вышелъ изъ-за своей линіи турецкій батарейный 20-пушечный пароходъ «Таифъ» въ 450 силъ. Фрегаты «Кагулъ» и «Кулевчи» погнались за нимъ, но пароходъ, лежавшій сначала на SW, сталъ безпрестанно мѣнять курсъ, то останавливая машину, то идя впередъ, то назадъ; наконецъ пустилъ машину полнымъ ходомъ впередъ, и, обмѣнявшись съ фрегатами нѣсколькими залпами, быстро вышелъ изъ ихъ выстрѣловъ. Въ половинѣ 2-го часа показался изъ-за мыса пароходъ-фрегатъ «Одесса», подъ флагомъ ген.-адъютанта Корнилова. На пароходѣ «Одесса» былъ поднятъ сигналъ слѣдовавшимъ за нимъ пароходамъ «Крымъ» и «Херсонесъ»: «Атаковать непріятеля, поставивъ его въ два огня». Фрегаты спустились ко флоту и пособляли, гдѣ еще продолжалось сопротивленіе. Пароходъ «Таифъ», шедшій къ SSO, увидя наши пароходы, снова перемѣнилъ курсъ; «Одесса» легъ на пересѣчку его курса, сближаясь съ нимъ. Вскорѣ мрачность закрыла дѣйствія пароходовъ. Погоня за пароходомъ «Таифъ», оказалась однако неуспѣшна, по значительному преимуществу его хода, хотя пароходъ «Одесса», и за нимъ «Крымъ», и завязали жаркую перестрѣлку, при которой на пароходѣ «Одесса» былъ убитъ унтеръ-офицеръ, раненъ рядовой и подбитъ штурвалъ.

Плѣнныхъ взяли съ фрегатовъ: «Ауни-Аллахъ» и «Несими-Зеферъ» и съ корвета «Фейзи-Меабудъ»; въ числѣ ихъ былъ начальникъ эскадры вице-адмиралъ Османъ-Паша, командиръ фрегата «Фазли-Аллахъ» (Рафаилъ) и командиръ корвета «Фейзи-Меабудъ». По свозѣ раненыхъ и плѣнныхъ, фрегатъ «Ауни-Аллахъ» и корветъ сожжены фрегатомъ «Кагулъ», а фрегатъ «Несими-Зеферъ» пароходомъ «Одесса», по отбуксированіи его внѣ города; ибо всѣ они были такъ избиты, что не могли быть приведены въ Севастополь.

Ночью пароходы отводили корабли отъ берега изъ опасенія, чтобы съ

перемѣной вѣтра не нанесло горящія турецкія суда на эскадру. На корабляхъ также работали: тотчасъ послѣ сраженія они начали исправлять повре-

Командиръ корабля „Парижъ“, В. И. Истоминъ, отдаетъ приказанія во время боя старшему офицеру, лейтенанту П. А. Перелешину.

жденія такелажа и рангоута, и конечно, только неутомимая ревность къ службѣ и знаніе морского дѣла офицеровъ и нижнихъ чиновъ могли, въ полтора сутокъ, поставить эскадру, потерпѣвшую капитальныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ, такелажѣ и парусахъ, въ состояніи предпринять плаваніе въ глубокую осень, черезъ все Черное море.

Утромъ 20 числа эскадра Нахимова двинулась въ Севастополь и 22-го

къ вечеру благополучно, несмотря на массу поврежденій, крупную зыбь и скрѣпчавшій вѣтеръ, пришла на рейдъ.

За Синопскій бой, П. Ст. Нахимовъ получилъ орденъ Св. Георгія 2 класса при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 28 ноября 1853 года:

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новой побѣдой, которая всегда останется памятной въ Морской Исторіи. Статутъ военнаго ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ Св. Георгія второй степени большого креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію нашей благосклонны».

Но чѣмъ большее впечатлѣніе радости произвела Синопская побѣда въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка, тѣмъ болѣе тяжелымъ ударомъ она была для союзниковъ.

Англо-французскій флотъ, еще съ 27-го октября стоявшій въ Босфорѣ, вышелъ въ Черное море, заявивъ, что «движеніе эскадры предпринято съ цѣлью защитить оттоманскую территорію и флотъ противъ всякаго враждебнаго дѣйствія».

Это было уже явно враждебное дѣйствіе противъ Россіи. 9-го февраля 1854 г. послѣдовалъ перерывъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Западными Державами, а 11-го апрѣля Россія объявила войну Франціи и Англіи.

Съ вступленіемъ союзнаго флота въ Черное море, укрѣпленія наши на Кавказскомъ берегу дѣлались совершенно безцѣльными, а потому первою заботою съ наступленіемъ весны было снятіе ихъ гарнизона и сосредоточеніе всей кавказской флотиліи въ Севастополѣ.

Эта задача была исполнена, въ виду непріятельскихъ пароходовъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 г. четырьмя пароходами, подъ начальствомъ контръ-адмирала Панфилова, съ помощью кавказской флотиліи вице-адмирала Серебрякова и подъ прикрытіемъ крейсерскаго отряда контръ-адмирала Вукотича.

Такимъ образомъ закончилось существованіе Черноморской береговой линіи. Но этимъ кончилась также и борьба наша за владѣніе Чернымъ моремъ.

Князь Меншиковъ съ этого времени совершенно отказался отъ какой-либо мысли—заботы по должности Командующаго морскими силами; флотъ, какъ сила на морѣ, пересталъ для него существовать. Мысли о возможности не допустить высадки на берега Крыма у него совершенно не было.

Всю энергію Корнилова онъ обратилъ первоначально на заботы объ оборонѣ рейда, а затѣмъ постепенно и сухопутной обороны порта.

Изрѣдка, въ теченіе весны и лѣта 1854 г., при приближеніяхъ къ Севастополю отдѣльныхъ пароходовъ-развѣдчиковъ, еще высылались иногда для погони и наблюденія за непріятелемъ наши пароходы и фрегаты; въ этихъ поискахъ, смѣлыхъ прорывахъ въ Одессу и Николаевъ, почти всегда участвовали пароходы «Владиміръ» (26-го мая въ Синопъ), подъ командой кап. 2-го ранга Г. И. Бутакова, и «Эльборусъ» (30-го іюня—3-го іюля у м. Керемпе), подъ командой кап.-лейт. Попова, а иногда выходили отряды въ шесть пароходовъ, подъ командой контръ-адмирала Панфилова (30-го мая,

3-го іюня), но эти крейсерства въ недалекихъ разстояніяхъ отъ Севастополя иногда оканчивались перестрѣлкою съ непріятелемъ, но всегда были безрезультатны, такъ какъ стратегической обстановки не выяснили. Такой же характеръ носили и установленныя дневныя крейсерства отрядовъ парусныхъ судовъ въ раіонѣ видимости Херсонесскаго маяка.

Въ теченіе лѣта флотъ союзниковъ нѣсколько разъ приходилъ на видъ Севастополя, съ цѣлью рекогносцировокъ, промѣровъ, въ особенности послѣ того, какъ экспедиція въ Крымъ была рѣшена, но эти походы были совершаемы постоянно въ штилевую погоду, когда русскій флотъ, запертый на рейдѣ безвѣтріемъ, принужденъ былъ лишь любоваться движеніемъ флота противника на виду у всего Севастополя.

Меншиковъ медленно, но вѣрно пріучалъ флотъ къ его пассивной роли, заставляя лучшихъ представителей переносить жесточайшія мученія безсилія, не давая пользоваться выгодной погодой, сравнивавшей шансы противниковъ, для поиска и истребленія или хотя нанесенія вреда непріятелю.

Но послѣдній ударъ, нанесенный флоту во время и послѣ Альминскаго разгрома, былъ самымъ тяжкимъ, послѣ котораго смерть на бастіонахъ была желательнымъ избавленіемъ для сподвижниковъ Лазарева.

9-го сентября, утромъ, Корниловъ, на другой день послѣ Альминскаго сраженія, созвалъ совѣтъ флагмановъ и капитановъ и, описавъ положеніе арміи, отступающей къ Севастополю, предложилъ на обсужденіе свой проектъ выйти въ море и атаковать столпившагося въ безпорядкѣ у мыса Лукулла, непріятеля, свалившись съ ними на абордажъ, взрываясь, но—погибнувъ, погубить и непріятельскій флотъ, лишивъ тѣмъ армію подвоза снабженій, подкрѣпленій, лишивъ ее связи съ базой.

Это было позднее, но въ данный моментъ еще не потерявшее смысла рѣшеніе по идеѣ. Если бы эту активность, не какъ послѣднее отчаянное средство, а какъ продуманную планомѣрную мысль предложилъ и проводилъ въ жизнь Корниловъ еще съ самаго начала появленія союзнаго флота въ Черномъ морѣ, то, конечно, Синопскій духъ сподвижниковъ Нахимова всецѣло его поддержалъ; но теперь, послѣ почти годового сидѣнія на рейдѣ за сооруженіемъ оборонительныхъ укрѣпленій, даже въ средѣ командировъ раздались голоса протеста, и капитаномъ 1-го ранга Зоринымъ была высказана вслухъ преступная мысль многихъ о необходимости затопленія судовъ на рейдѣ съ переходомъ всего личнаго состава флота на береговыя позиціи.

«Готовьтесь къ выходу, будетъ данъ сигналъ, что кому дѣлать», былъ отвѣтъ Корнилова на этотъ проектъ.

И распустивъ совѣтъ, онъ отправился къ князю Меншикову со своимъ планомъ выхода въ море.

Князь рѣшительно воспротивился, и повторилъ отданное имъ Вл. Алекс. на переходѣ отъ Алмы къ Качѣ, приказаніе: затопить фарватеръ, но Корниловъ возразилъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. Разсерженный его настойчивымъ противорѣчіемъ, князь Меншиковъ сказалъ: «Ну такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему «мѣсту службы», и приказалъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, дабы отдать ему приказанія. «Остановитесь» вскричалъ Корниловъ»—это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете... но

чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ — невозможно. Я готовъ повиноваться вамъ» [1]).

Тогда Корниловъ предположилъ поставить 10 новыхъ кораблей на позиціи, для обстрѣливанія сѣверной стороны, въ случаѣ атаки ее непріятелемъ, а остальные 4 корабля, портовый корабль «Силистрія» и два фрегата—поперекъ рейдъ, между Константиновскою и Александровскою батареями, съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе 7 судовъ затопить, если непріятель овладѣетъ сѣвернымъ берегомъ рейда. Согласно съ этимъ предположеніемъ Владиміръ

Затопленіе 11-го сентября 1854 г. пароходъ-фрегатомъ „Громоносецъ“ 130-пуш. корабля „Три Святителя“ при входѣ въ Севастопольскую бухту между Александровскою и Константиновскою батареями. (Съ картины въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго).

Алексѣевичъ назначилъ на планѣ рейда новыя мѣста всѣмъ кораблямъ и фрегатамъ.

Рано утромъ 10 сентября корабли наши спустили брамъ-стеньги и отвязали паруса. Въ 9 часовъ показались на взморьѣ два непріятельскихъ парохода, осматривавшихъ нашу позицію; несмотря на отвязанные паруса, они не угадали нашего намѣренія, и донесли своимъ адмираламъ, что мы готовимся принять сраженіе на морѣ.

Съ разсвѣтомъ 11 сентября, на мѣстѣ, занятомъ наканунѣ Сизополемъ, Варною и Силистріею, плавали обломки рангоута; «Уріилъ» и «Селафаилъ»

---

1) Передано самимъ княземъ Меншиковымъ. Цитировано по Жандру. Матеріалы для біографіи Вл. Ал. Корнилова.

скоро послѣдовали за своими товарищами; около 8 часовъ волны поглотили «Флору», но «Три Святителя» еще долго сопротивлялся. Вода лилась въ отверстія, прорубленныя въ подводной части корабля, но ему какъ бы не хотѣлось разстаться съ жизнью; онъ погружался такъ медленно, что пароходу «Громоносецъ» велѣно бросить нѣсколько ядеръ въ подводную часть несчастнаго корабля, и тѣмъ ускорить агонію; наконецъ въ $^3/_4$ 1-го часа «Три Святителя» зашатался, волны разступились и запѣнились надъ его могилой [1]).

2. Балтійскій театръ войны.

а. Подготовка и планы военныхъ дѣйствій русскаго флота на Балтійскомъ морѣ.

Первыя отдаленныя распоряженія по приготовленію къ военнымъ дѣйствіямъ Балтійскаго флота, носящіе слѣдъ правильнаго военнаго взгляда Императора Николая Павловича—активнаго веденія войны, дѣйствительнаго осуществленія страховъ Англіи—занятія русскимъ флотомъ Датскихъ проливовъ, союза съ Даніей,—относятся къ моменту первыхъ распоряженій по плану военныхъ дѣйствій на югѣ, т.-е. къ концу 1852 года.

Аналогичная стратегическая обстановка въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, гдѣ русскій флотъ могъ быть легко запертъ занятіемъ враждебными флотами узкихъ проливовъ, соединяющихъ ихъ съ океаномъ, и, такимъ образомъ, подвергнувъ тѣмъ всю нашу береговую линію возможности нападенія въ любомъ пунктѣ ея непріятеля, не могла не привести къ одинаковому по идеѣ плану—занятія сихъ проливовъ русскимъ флотомъ, и укрѣпленій, ихъ защищающихъ,—русской военной силой, дабы обратить Балтійское и Черное моря—во внутреннія русскія моря, вынести на сотни миль впередъ русскую оборонительную линію.

Съ этой точки зрѣнія помощь, оказанная въ 1848—50 г.г. Россіей, Даніи, была повтореніемъ той же политической формулы, что и отправка Черноморскаго флота въ Турцію 1832—33 г.г.

И дѣйствительно, этотъ блестящій политическій ходъ Императора Николая I-го далъ благіе результаты—къ моменту столкновенія съ западными морскими державами—сѣверные проливы были въ рукахъ явно намъ сочувствующей державы, готовой съ появленіемъ русскаго флота вступить съ нами въ союзъ для обороны проливовъ.

Впрочемъ, какъ и вопросъ о Босфорской экспедиціи, возникновеніе идеи Датской экспедиціи, относится ко—времени значительно болѣе раннему—1808 году—времени адмирала П. В. Чичагова, которымъ и былъ разработанъ первый планъ обороны Бельтовъ и Зунда Россіей въ союзѣ съ Даніей и Франціей, противъ Англіи, при чемъ Россія обязалась выслать съ вскрытіемъ льдовъ въ проливы флотъ въ составѣ около 50 вымпеловъ для усиленія Датскаго флота.

На этой именно идеѣ, какъ показываютъ распоряженія по флоту и министерству въ концѣ 1852 года, былъ построенъ первоначальный планъ военныхъ дѣйствій.

---

[1]) Жандръ. Матеріалы для обороны Севастополя и біографіи В. А. Корнилова.

Но въ дальнѣйшемъ, отказъ кн. Меншикова отъ Босфорской экспедиціи, попытки улаженія конфликта мирнымъ путемъ привели къ тому, что лѣтомъ 1853 года были вооружены къ плаванію лишь двѣ очередныя дивизіи Балтійскаго флота (2 и 3-я), а нерѣшительно-оборонительная тенденція главнаго новаго сотрудника Государя по выработкѣ плановъ войны—кн. Варшавскаго, поддержанныя военнымъ министромъ, кн. Долгоруковымъ, привели 1-го октября 1853 года къ отказу Государя отъ активнаго плана войны и на Балтійскомъ морѣ, къ назначенію 3-й дивизіи на зимовку изъ Ревеля въ Свеаборгъ.

Съ этого момента участь кампаніи на Балтійскомъ морѣ была рѣшена. Флотъ обреченъ былъ на бездѣйствіе.

9-го октября 1853 года, военный министръ, кн. В. Долгоруковъ передалъ Генералъ-Адмиралу Великому Князю Константину Николаевичу разсмотрѣнный и одобренный Государемъ Императоромъ сводъ предположеній на случай появленія непріятельскаго флота въ Балтійскомъ морѣ для зависящаго соображенія при предстоящихъ распоряженіяхъ Его Высочества [1]), основанный на Высочайше утвержденныхъ мѣрахъ въ 1833 году на тотъ же случай. Въ этотъ сводъ предположеній идея Датской экспедиціи уже не вошла и флоту была предоставлена лишь второстепенная задача—усиленія обороны Свеаборга и Кронштадта, вооруженіемъ его въ видѣ блокшифовъ. Вся же оборона Балтійскаго побережья по этому своду предположеній была возложена: а) на сухопутныя войска, расположеніемъ ихъ по всему протяженію Балтійскихъ береговъ, угрожаемому непріятелемъ: б) на усиленную оборону важнѣйшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ по симъ берегамъ.

Дѣйствительно стратегическимъ развертываніемъ флота 1-го октября планъ военныхъ дѣйствій его и роль была уже предрѣшена. Однако это еще никѣмъ не сознавалось.

23-го октября, по Высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адмирала былъ образованъ комитетъ изъ генералъ-адъютантовъ Философова, Безака и генералъ-лейтенанта Сорокина для составленія предположеній на счетъ обороны береговыхъ пунктовъ Балтійскаго моря на случай появленія враждебныхъ флотовъ [2]), который и представилъ Государю въ концѣ ноября всѣ свои соображенія какъ по инженерной и артиллерійской частямъ, такъ и съ точки зрѣнія комплектованія укрѣпленій личнымъ составомъ, относительно Кронштадта, Роченсальма, Свеаборга, Ревеля, Гангеуда, Боморзунда и др. пунктовъ.

Только съ окончаніемъ этой работы Генералъ-Адмиралъ флота обратился къ выясненію вопроса о степени боевой готовности флота и о необходимыхъ распоряженіяхъ по флоту на случай военныхъ дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ въ 1854 году, съ участіемъ всѣхъ трехъ дивизій [3]), но

[1]) Арх. Мор. Мин., секр. дѣло инсп. департ. Мор. Мин. № 168, стр. 2—30.

[2]) Тоже. Дѣло № 168.

[3]) Письма Вел. Кн. Ген.-Адмирала отъ 21-го ноября 1853 г. за № 977—984: генералъ-интенданту, дежурному генералу Гл. мор. штаба, начальникамъ всѣхъ трехъ дивизій и главнымъ командирамъ портовъ. Арх. М. Мин., дѣло Ген.-Адм. Вел. Кн. Константина Николаевича. № 169 а, стр. 83—84.

запросъ этотъ не касался еще плана военныхъ дѣйствій, а лишь вопроса о мобилизаціонной подготовкѣ флота, усиленія вооруженія кораблей, необходимаго ремонта, комплектаціи, выясненія тѣхъ запасовъ снабженія и вооруженія судовъ, кои необходимо сосредоточить въ портахъ и заблаговременно заготовить.

Самый же вопросъ о планѣ военныхъ дѣйствій на морѣ возникъ въ главномъ командованіи лишь въ январѣ мѣсяцѣ 1854 года.

Письмами отъ 21—22-го января Генералъ-Адмиралъ обратился ко всему командному составу Балтійскаго флота съ просьбой къ 1-му февраля представить ему свои соображенія о планѣ военныхъ дѣйствій на Балтійскомъ морѣ.

Матеріалъ, собранный этой анкетой, столь обширенъ и интересенъ, такъ ярко характеризуетъ состояніе флота и командная его состава, что онъ не можетъ быть обойденъ молчаніемъ. Не былъ забытъ и кн. Меншиковъ, который не только высказалъ свое мнѣніе, но дополнительно прислалъ и записку по этому вопросу генералъ-адъютанта Вл. Ал. Корнилова [1]).

Но, предварительно разсмотрѣнія указанныхъ мнѣній, нельзя не остановиться на логическомъ ходѣ развитія мысли главнаго командованія во флотѣ по подготовкѣ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Хронологическая послѣдовательность вышеприведенныхъ распоряженій по флоту Генералъ-Адмирала показываетъ, что не планъ военныхъ дѣйствій, основанный на изученіи противника и его предположеній, былъ основой стратегическаго развертыванія флота, мобилизаціонной его подготовки, укрѣпленія и усиленія обороны стратегически важныхъ для хода военныхъ дѣйствій пунктовъ, а наоборотъ,—планъ военныхъ дѣйствій явился функціей всѣхъ этихъ условій, заранѣе принятыхъ, рутинно на единственномъ основаніи, что таковы были распоряженія въ 1833 году [2]).

При этихъ условіяхъ высказанныя личнымъ составомъ флота мнѣнія по плану военныхъ дѣйствій фактически измѣнить ничего не могли—стратегическимъ развертываніемъ флота пассивность его была уже предрѣшена, поэтому, они являются лишь матеріаломъ для характеристики самихъ лицъ, высказавшихъ эти мнѣнія и состоянія флота, обреченнаго на бездѣйствіе.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе интереснымъ являются записки генералъ-адъютанта гр. Гейдена, вице-адмирала Мелихова, ген.-ад. Корнилова и кн. Меншикова, а также добровольно присланная однимъ гражданскимъ, состоящимъ по военному министерству, чиновникомъ, тайнымъ совѣтникомъ

---

[1]) Весь этотъ обширный матеріалъ собранъ въ дѣлѣ подъ назван.: «Предположенія разныхъ лицъ по случаю предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ». Арх. Мор. Мин., дѣло Ген.-Адм. Вел. Кн. Константина Николаевича № 169 б.

[2]) При этомъ нельзя не остановиться на мысли, что этотъ фактъ военнаго мышленія наизнанку не могъ не явиться результатомъ того состоянія командованія флота, которое роковымъ образомъ организовалось назначеніемъ фиктивнаго главнокомандующаго флотомъ въ 1831 году Генералъ-Адмираломъ малолѣтняго Великаго Князя Константина Николаевича и реформы 1837 г., когда Меншиковымъ были уничтожены функціи Генеральнаго штаба, лежавшія по образованію Морского Министерства 1827 года на Главномъ морскомъ штабѣ Его Императорскаго Величества.

Майеромъ, вновь поднявшимъ старый, уже откинутый планъ, о занятіи флотомъ Датскихъ проливовъ.

Красною чертою во всѣхъ высказанныхъ мнѣніяхъ 14-ти адмираловъ проходитъ, во-первыхъ, протестъ противъ сдѣланнаго стратегическаго развертыванія флота, раздѣленія флота, оставленія большей части флота въ поздно вскрывающемся отъ льда Кронштадтѣ и требованіе соединенія всего флота въ Свеаборгѣ и, во-вторыхъ, стремленіе къ активности, къ борьбѣ за владѣніе моремъ съ непріятельскимъ флотомъ, ослабленію его по частямъ и, наконецъ, къ полному уничтоженію морскихъ силъ противника.

Наиболѣе яркою, съ яснымъ логическимъ мышленіемъ, съ здравымъ военнымъ смысломъ является записка генералъ-адъютанта гр. Л. Л. Гейдена.

Задаваясь правильнымъ рѣшеніемъ задачи за противника, что цѣлью его будетъ уничтоженіе нашей морской силы, пользуясь раздѣленіемъ флота въ двухъ базахъ, гр. Гейденъ первой и главнѣйшей задачей ставитъ соединеніе нашего флота, всѣхъ силъ на морѣ, ближе къ выходу изъ залива.

Указывая далѣе, что принятіе позиціоннаго, оборонительнаго боя на якорѣ всегда является вслѣдствіе пассивности, невыгодными для защищающагося, а результаты сраженій подъ парусами даже и при не одинаковыхъ силахъ бывали почти всегда равномѣрно тяжкими для обѣихъ сторонъ, гр. Гейденъ подкрѣпляетъ свой выводъ, что для чести флага не должно уклоняться отъ сраженія подъ парусами съ непріятелемъ—еще и слѣдующими, показывающими въ немъ удивительно здравый военный взглядъ, соображеніями:

1) что ни одинъ изъ открытыхъ рейдовъ—ни Ревель, ни Балтійскій портъ, ни Гангеудъ, ни тѣмъ болѣе Свеаборгъ, рейдъ коего тѣсенъ для всѣхъ кораблей 3-хъ дивизій и который имѣетъ всего лишь одинъ узкій выходъ въ море,—не представляютъ удобной защищенной позиціи для принятія боя на якорѣ;

2) что противъ насъ готовится флотъ съ неопытной командой, съ которымъ въ началѣ кампаніи легче справиться, чѣмъ впослѣдствіи (правильное опредѣленіе слабой стороны противника);

3) Что мы будемъ вблизи своихъ портовъ, а непріятель этого лишенъ.

4) Что рѣшительныя наши дѣйствія возвысятъ морально духъ нашихъ командъ, между тѣмъ какъ всякое уклоненіе возрождаетъ недовѣріе къ самимъ себѣ.

5) Что, если даже сраженіе не будетъ выиграно, то причиненный непріятелю вредъ заставитъ его удалиться и тѣмъ достигнемъ, все-таки, на первое время цѣли нашей защиты — свободнаго плаванія по Финскому заливу (владѣнія моремъ).

Основываясь на этомъ, гр. Гейденъ требовалъ, дабы не допустить непріятеля воспользоваться разъединеніемъ нашего флота, немедленно со вскрытіемъ льда соединить Кронштадскія и Свеаборгскую дивизіи у Гогланда съ предписаніемъ отправиться имъ въ крейсерство на линіи Гангутъ—Оденсхольмъ; всѣ пароходы-фрегаты отправить въ Гангутъ, гдѣ имъ находиться въ полной готовности присоединиться къ флоту; гребныя флотиліи отправить въ шхеры, отрядивъ часть ихъ въ Абосскія для наблюденія за Юнгферзундомъ

и Гангутомъ и, въ случаѣ появленія непріятеля, нанесенія ему вреда, и, наконецъ устроить телеграфическую линію между Оденсхольмомъ и Дагерортомъ для извѣщенія о приближеніи непріятеля; вмѣстѣ съ этимъ гр. Гейденъ давалъ еще рядъ частныхъ указаній относительно организаціи снабженія флота, устройство промежуточныхъ въ шхерахъ складовъ угля и дровъ для пароходовъ и пр.

Однако результатомъ этой записки было не назначеніе ген.-адъютанта гр. Гейдена командующимъ флотомъ [1]), хотя ему при такихъ военныхъ взглядахъ всецѣло можно было довѣрить честь Андреевскаго флага и Россіи, не принятіе даже къ свѣдѣнію и руководству его плана военныхъ дѣйствій, а извлеченіе лишь нѣкоторыхъ частныхъ его указаній относительно устройства складовъ угля и дровъ въ шхерахъ, снятія лоцмановъ и пр. для немедленныхъ распоряженій.

Тѣми же идеями необходимости встрѣтить непріятеля въ морѣ, подъ парусами, при входѣ въ Финскій заливъ, проникнута и подробная записка вице-адмирала Мелихова, съ полнымъ сознаніемъ преимуществъ дѣйствій нашего флота въ своихъ водахъ, сознаніемъ этой сильной его стороны. Въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ активности, вице-адмиралъ Мелиховъ идетъ даже дальше и считаетъ возможнымъ не ограничиться одною обороною, а идти прямо на порты врага съ высадкой десанта на берега Англіи, если результатъ первой встрѣчи будетъ благопріятенъ для насъ.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, поднятымъ единственно вице-адмираломъ Мелиховымъ, былъ вопросъ о командованіи флотомъ, о необходимости Генералъ-Адмиралу вступить въ командованіе морскими силами, поднявъ свой флагъ. Впослѣдствіи это замѣчаніе оказалось очень важнымъ, такъ какъ несмотря даже на начало военныхъ дѣйствій командующаго морскими силами Балтійскаго моря фактически не было и флотъ, разъединенный въ разныхъ портахъ, руководился лишь управляющимъ морскимъ министерствомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, а не Генералъ-Адмираломъ—командующимъ флотомъ.

Противоположнаго взгляда, выгодности принятія позиціоннаго боя, на якорѣ, прикрываясь естественными преградами, на одномъ изъ слѣдующихъ рейдовъ: 1) передъ Свеаборгомъ на Міольскомъ рейдѣ, 2) у Паркалаудда на Барезундскомъ плессѣ или 3) восточнѣе Свеаборга за Седеръ-шхерами, придерживались кн. Меншиковъ и Корниловъ, приславшіе свое мнѣніе изъ Севастополя, и нѣкоторые другіе, при чемъ оба они указывали на необходимость заблаговременнаго оборудованія и защиты позиціи флота укрѣпленіями.

Но стоя на этой пассивно-оборонительной точкѣ зрѣнія, нѣсколько расходясь лишь въ мотивировкѣ, и кн. Меншиковъ и Корниловъ считали оставленіе флота въ Кронштадтѣ совершенно недопустимымъ. Впрочемъ, этого взгляда, какъ указано выше, держался и весь флотъ, считавшій наиболѣе выгодной базой флота—Свеаборгъ, а не Кронштадтъ.

---

[1]) Въ этотъ моментъ, да и во все время войны, эта вакансія была фактически свободна и необходимость объединенія командованія во флотѣ, повидимому, совершенно не признавалась.

Въ результатѣ этого анкетнаго способа выработки плана военнныхъ дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ, генералъ-адъютанту Литке, Главному командиру Кронштадскаго порта, по совѣщанію съ начальникомъ соединенныхъ 1 и 2 дивизій, находившихся въ Кронштадтѣ, адмираломъ Рикордомъ, было поручено Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ составить записку о планѣ военныхъ дѣйствій, не касаясь въ ней ни дѣйствій флота, если бы ему удалось выйти изъ Кронштадта, ни мѣръ собственно до обороны Кронштадта касающихся. Подлинная записка эта была подписана Генералъ-Адмираломъ Великимъ Княземъ, адмиралами Рикордомъ и Литке и начальниками 1 и 2 дивизій вице-адмиралами Балкъ и Замыцкимъ [1]).

Указанная записка особаго совѣщанія въ Кронштадтѣ, на которое не были приглашены не только лица, опрошенныя по вопросу о планѣ военныхъ дѣйствій, но даже и начальникъ 3 дивизіи, отдѣленной въ Свеаборгѣ, вылилась уже въ совершенно особую туманную и безличную форму. Она была прокорректирована Генералъ-Адмираломъ, и въ такомъ видѣ принята за основаніе при предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

«Превосходная сила ожидаемаго въ Балтійское море непріятельскаго флота не дозволитъ намъ вступить съ нимъ въ открытый бой съ какою-либо надеждою на успѣхъ. Посему мы должны по необходимости остаться въ положеніи чисто оборонительномъ, подъ защитою крѣпостей нашихъ, но будучи въ совершенной готовности пользоваться каждою благопріятною минутой, чтобы переходить въ наступленіе.

Главнѣйшею заботою нашею должно быть соединеніе всѣхъ трехъ дивизій въ Свеаборгѣ. Сильный флотъ въ сей центральной позиціи свяжетъ движенія непріятеля и вѣроятно попрепятствуетъ ему сдѣлать какое-нибудь важное покушеніе на Кронштадтъ.

Приготовляющіяся нынѣ въ Кронштадтѣ двѣ дивизіи состоятъ: изъ 2-хъ кораблей 110-пуш., 5-ти—84-пуш., 10-ти—74-пуш. и 2 фрегатовъ.

Сверхъ того вооружены блокшифами: 3 корабля двудечныхъ, 2 фрегата и 1 или 2 корвета....

Если непріятель появится въ нашихъ водахъ прежде очищенія Кронштадтскаго рейда и гавани отъ льда, и притомъ, какъ предполагается, въ весьма превосходныхъ силахъ, то принужденный остаться въ Кронштадтѣ

---

[1]) Ген.-лейтенантъ Бородкинъ въ своемъ трудѣ «Война 1854—55 гг. на Финскомъ побережьѣ» на стр. 50 дѣлаетъ выдержки изъ воспоминаній флигель-адъютанта Аркаса о военномъ совѣтѣ на кораблѣ «Петръ I», гдѣ всѣ адмиралы будто бы отказались отъ выхода въ море, признали, что команды мало подготовлены къ бою и слабы по управленію парусами, но свѣдѣнія эти нельзя не признать тенденціозными. Ни одинъ документъ не даетъ возможности не только согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ о состояніи Балтійскаго флота, но и правдоподобностью факта самаго совѣта: за весь 1854 г. Государь неоднократно посѣщалъ флотъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, но неизмѣнно выражая ему свое удовольствіе. Дѣйствительное же состояніе флота въ 1854 г. и мнѣнія о немъ адмираловъ безусловно опровергаютъ всѣ показанія флигель-адъютанта Аркаса, заставляя отнести этотъ документъ къ разряду совершенно недостойныхъ довѣрія. Между тѣмъ указанное мнѣніе въ настоящее время къ прискорбію установилось въ военной литературѣ и вошло даже въ Военную энциклопедію.

флотъ долженъ быть расположенъ такимъ образомъ, чтобы, усиливая оборону Кронштадта, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивалъ и собственную безопасность.

Если бы флоту удалось выйти изъ Кронштадта до появленія непріятеля, то и въ такомъ случаѣ казалось бы нужнымъ оставить изъ него для усиленія обороны Кронштадта два или три корабля, которые поставить на маломъ рейдѣ.

Если бы вслѣдствіе отбитаго нападенія на Кронштадтъ или отъ другихъ причинъ непріятельскій флотъ оказался значительно ослабленнымъ, и перевѣсъ силъ перешелъ рѣшительно на нашу сторону, въ такомъ случаѣ нашъ флотъ долженъ перейти въ наступленіе, но отнюдь не вдаваясь въ рискъ. Такъ какъ вѣроятно главная цѣль непріятеля есть нанесеніе нашему флоту пораженія, то намъ паче всего должно пещись о томъ, чтобы не допустить его исполнить это намѣреніе. Если онъ долженъ будетъ оставить наши воды, не успѣвъ въ главномъ предметѣ экспедиціи, то эта неудача будетъ для него чувствительнѣе потеряннаго сраженія».

Эта записка, по плану военныхъ дѣйствій, говоритъ сама за себя — сбереженіе флота во что бы то ни стало, на зло врагу, спрятавъ весь флотъ за каменныя стѣны укрѣпленій — вотъ весь ея смыслъ. И въ кампанію 1854—55 гг. Балтійскій флотъ былъ дѣйствительно погребенъ за каменными плитами фортовъ Кронштадта и Свеаборга, ни разу не сдѣлавъ попытки вступить въ бой съ непріятелемъ.

б. Военныя дѣйствія на Балтійскомъ морѣ въ 1854—55 гг.

Высочайшимъ Манифестомъ $^{11}/_{23}$ апрѣля 1854 года въ Россіи была объявлена война Англіи и Франціи. $^{13}/_{25}$ апрѣля адмиралъ Рикордъ вступилъ въ командованіе соединенными 1 и 2 дивизіями, поднявъ свой флагъ на кораблѣ «Императоръ Петръ I», съ $\frac{24\ \text{апр.}}{6\ \text{мая}}$ суда стали выходить на рейдъ. Въ Свеаборгѣ—3-я дивизія флота, подъ командой контръ-адмирала Румянцева, $^{17}/_{29}$ апрѣля, начавъ кампанію, вышла на рейдъ, занявъ мѣста по диспозиціи на случай отраженія атаки и бомбардированія Свеаборга непріятелемъ.

Кронштадская эскадра адмирала Рикорда состояла изъ 2-хъ кораблей—110 пуш., 5—84-пуш., 10—74-пуш., всего 17 линейныхъ кораблей и 8 пароходо-фрегатовъ, не считая линейныхъ кораблей, фрегатовъ обращенныхъ въ блокшифы и назначенныхъ непосредственно для обороны Кронштадта. Свеаборгскую дивизію составляли 8 линейныхъ кораблей (1—120-пуш., 3—84-пуш., 4—74 пуш.) и 3 пароходо-фрегата. Такимъ образомъ, общій составъ линейнаго боевого флота былъ равенъ 25 кораблямъ и 11 пароходо-фрегатамъ, значительно превышая по числу линейныхъ судовъ англійскій флотъ, первый пришедшій въ Балтійское море, но, несмотря на это превышеніе наше надъ силами противника, нашъ флотъ, вопреки мнѣнію генералъ-адъютанта гр. Гейдена, не воспользовался даже раздѣленіемъ союзниковъ до прибытія французскаго флота для разбитія непріятельскаго флота по частямъ, не говоря уже о доводахъ въ пользу использованія этого момента, указанныхъ гр. Гейденомъ.

Съ точки зрѣнія матеріальной готовности флота, вооруженія, запасовъ снабженія въ дѣйствующій флотъ были отобраны дѣйствительно лучшіе корабли, новѣйшихъ построекъ или только что тимберованные, съ полнымъ числомъ по комплектаціи командой. Существующее въ морской литературѣ убѣжденіе объ отсталости въ смыслѣ обученія этого флота, неумѣніи его стрѣлять, незнаніи морского дѣла, управленія судами въ морѣ подъ парусами (мнѣніе флигель-адъютанта Аркаса—воспоминанія въ «Историческомъ Вѣстникѣ») нельзя не признать утрированными, тенденціозными. Не приводя даже отзывовъ о состояніи Балтійскаго флота, указанныхъ выше въ запискахъ адмираловъ по плану военныхъ дѣйствій или другихъ современниковъ, напримѣръ мнѣнія нашихъ враговъ—англичанъ, признававшихъ превосходство нашихъ комендоровъ, т.-е. одного изъ главнѣйшихъ условій побѣды нельзя не указать, что послѣдній экзаменъ всему флоту передъ войной—поочередное плаваніе въ 1848—50 гг. нашихъ дивизій флота въ Датскихъ водахъ—былъ выдержанъ имъ блестяще. Впечатлѣніе, оставленное русскимъ флотомъ въ Даніи послѣ этихъ плаваній, было столь сильно, что даже въ 1854 году датскій морской министръ на вопросъ адмирала Нэпира о состояніи русскаго флота отвѣтилъ: «о, они маневрируютъ прекрасно и ходятъ всегда на очень малыхъ интервалахъ». Аттестація и съ другой стороны обученія флота очень лестная. За 3 года послѣ этихъ плаваній, при условіи 25-лѣтней службы во флотѣ команды, не можетъ быть и рѣчи объ отсталости флота, упадкѣ его. Третій, важнѣйшій факторъ въ бою—моральное состояніе флота—высота духа командъ, тоже выше подозрѣнія. О преимуществѣ русскаго флота царствованія Императора Николая I въ этомъ отношеніи не только не можетъ быть сомнѣній, но и рѣчи. Поэтому нельзя не признать, что русскій флотъ при дѣйствіяхъ по плану гр. Гейдена, несмотря даже на наличіе въ англійскомъ флотѣ 13 винтовыхъ линейныхъ кораблей, имѣлъ много шансовъ на успѣхъ.

Но несмотря на это линейный дѣйствующій флотъ въ наступившую войну не проявилъ никакой дѣятельности, не сдѣлалъ даже ни одной попытки отысканія и встрѣчи съ непріятелемъ. Но причиной этого было во всякомъ случаѣ не дурное состояніе флота, а отсутствіе командованія флотомъ, даже въ военное время, какъ это ни странно видѣть. Въ самомъ дѣлѣ Начальникомъ соединенныхъ дивизій флота, находившихся въ Кронштадтѣ, былъ назначенъ престарѣлый, уже десятки лѣтъ не командовавшій флотомъ, предсѣдатель Пароходнаго Комитета, членъ Ученаго Комитета, всѣми уважаемый, но совершенно дряхлый, скончавшійся на второй годъ войны, адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ. Не говоря уже о томъ, что ни 3-я дивизія, ни шхерная флотилія ему подчинены не были, но и надъ порученными ему дивизіями онъ не имѣлъ полноты власти, т. к. на Кронштадскомъ рейдѣ, на одномъ изъ кораблей, «Лефортѣ», постоянно находился Управляющій морскимъ министерствомъ, Генералъ-Адмиралъ флота Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, но не подымавшій своего флага по главной должности Генералъ-Адмирала флота, т.-е. Главнокомандующаго флотомъ, не принимавшій этимъ на себя отвѣтственности за дѣйствія флота, но въ то же время не только стѣснявшій иниціативу самостоятельнаго начальника—адмирала

Рикорда, но постоянно вмѣшивавшійся въ его распоряженія, отдававшій свои приказы по Кронштадской эскадрѣ.

Но кромѣ дѣйствующаго флота и вспомогательныхъ судовъ (мелкихъ парусныхъ и блокшифовъ) къ началу кампаніи 1854 года, главнымъ образомъ для обороны финскихъ шхеръ, было вооружено 35 пароходовъ, 179 канонерскихъ гребныхъ лодокъ, изъ коихъ $^{2}/_{3}$ были построены въ зиму 1853—4 года. Для комплектованія этихъ судовъ были приняты энергичныя мѣры по созданію морскихъ ополченій, по призыву безсрочно-отпускныхъ, давшихъ въ результатѣ кадръ почти въ 10.000 человѣкъ. Общее командованіе дивизіей канонерскихъ лодокъ и, такимъ образомъ, всей гребной подвижной обороной шхеръ было поручено вице-адмиралу Епанчину. Начальникомъ штаба всей шхерной флотиліи былъ назначенъ Свиты Е. И. В. контръ-адмиралъ Глазенапъ. Вся оборона шхеръ раздѣлялась на 2 района, раздѣленные Свеаборгомъ—О-й и W-й, въ зависимости отчего вся дивизія гребныхъ лодокъ дѣлилась на двѣ бригады.

Каждая бригада состояла изъ 32 лодокъ, составлявшихъ 2 баталіона, по 16 лодокъ въ каждомъ; баталіоны дѣлились на полубаталіоны по 8 лодокъ, различавшіеся по вооруженію: первые полубаталіоны имѣли на каждой лодкѣ по двѣ 24-фунт. пушки, а вторые—были вооружены одной 24-фунт. пушкой и 1 полупудовымъ единорогомъ. О-вая бригада была распредѣлена для обороны Выборга и Роченсальма, гдѣ она постоянно и производила боевое обученіе наспѣхъ сформированныхъ командъ, а W-вая—къ концу мая была сосредоточена къ Або. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1 полубаталіонъ 1 баталіона О-вой бригады былъ пеерведенъ въ Свеаборгъ для усиленія его обороны.

Остальныя лодки гребной флотиліи составили запасный баталіонъ, базировавшійся на Кронштадтъ, для обороны сѣвернаго его фарватера, а 16 лодокъ были отправлены для усиленія обороны Риги.

При такой дислокаціи морскихъ силъ, русскій флотъ готовился встрѣтить, вступившій въ отечественныя воды Балтійскаго моря непріятельскій флотъ.

Между тѣмъ адмиралъ Нэпиръ, вышедшій изъ Англіи и $\frac{\text{28 февраля}}{\text{11 марта}}$ быстро пересѣкшій Нѣмецкое море, со вступленіемъ въ проливы, въ виду запрещенія Датскаго правительства своимъ лоцманамъ вступать на службу въ англійскій флотъ, далѣе подвигался очень медленно и осторожно, принужденный высылать впередъ пароходо-фрегаты для изслѣдованія пути. Съ вступленіемъ въ Балтійское море, въ виду полнаго отсутствія въ Англіи его картъ, навигаціонныя условія плаванія для эскадры Нэпира еще болѣе осложнились необходимостью не только изслѣдовать курсы, но и ограждать опасности. Несмотря на это чрезъ 2 недѣли 15/27 марта Нэпиръ былъ уже на якорѣ въ Кильской бухтѣ, а 19/31 марта вошелъ въ б. Кьеге, рѣшивъ тѣмъ первую поставленную ему задачу—упредить русскій флотъ въ Датскихъ проливахъ.

Успѣхъ этотъ доставилъ первое большое ликованіе Англіи и одобреніе и похвалу адмиралу Нэпиру отъ лондонскаго адмиралтейства, не знавшаго

еще о давнишнемъ отказѣ Россіи не только отъ идеи Датской экспедиціи, но и отъ борьбы за господство на морѣ вообще.

При этомъ необходимо отмѣтить для правильной оцѣнки дѣйствій адмирала Нэпира, что англійское адмиралтейство совершенно лишило адмирала иниціативы дѣйствій, оставивъ за собой право постановки задачъ и руководство операціями эскадры изъ Лондона.

Получивъ извѣстіе отъ пришедшаго съ развѣдки пароходо-фрегата «Miranda», что Финскій заливъ еще покрытъ въ большой своей части льдомъ, адмиралъ Нэпиръ рѣшилъ использовать свою стоянку въ б. Кьеге для практики обученія командъ парусному дѣлу и стрѣльбѣ, отправивъ снова въ Финскій заливъ отрядъ изъ 5 пароходо-фрегатовъ подъ командой адмирала Плумриджа, для выясненія расположенія и состоянія русскаго флота.

Здѣсь, въ бухтѣ Кьеге къ адмиралу присоединились послѣднія подкрѣпленія изъ Англіи и, такимъ образомъ, составъ его флота достигъ намѣченной цифры 19 линейныхъ кораблей. Одновременно съ этимъ къ $\frac{\text{25 марта}}{\text{6 апрѣля}}$ были получены извѣстія и отъ адмирала Плумриджа, что Финскій заливъ до Свеаборга очистился отъ льда и что въ немъ расположено 7 кораблей и 1 фрегатъ.

Въ виду этихъ свѣдѣній адмиралъ Нэпиръ отдалъ приказъ немедленно готовиться къ отплытію въ русскія воды, широко ведя развѣдку и навигаціонное изслѣдованіе Балтійскаго моря и наконецъ $\frac{\text{31 марта}}{\text{12 апрѣля}}$ вышелъ изъ б. Кьеге.

Но подойдя 4/16 апрѣля къ Гангеудду,—за выдѣленіемъ 2-хъ пароходо-фрегатовъ для блокады Курляндскаго побережья и эскадры адм. Корри изъ парусныхъ линейныхъ кораблей и 2 пароходо-фрегатовъ для крейсерства между Дагерортомъ и сѣверной оконечностью Готланда, въ составѣ 13 линейныхъ винтовыхъ кораблей, адмиралъ Нэпиръ попалъ въ сильный штормъ, и, опасаясь неизвѣстныхъ неогражденныхъ банокъ и рифовъ Финскаго залива, отправился въ Стокгольмскія шхеры, ставъ 9/21 апрѣля на якорь на рейдѣ Элькснаббенѣ. Здѣсь, вслѣдствіе тѣхъ же условій штормовыхъ погодъ въ морѣ, англійская эскадра простояла не 2—3 дня, какъ предполагала, а цѣлыхъ 2 недѣли и только $\frac{\text{26 апрѣля}}{\text{8 мая}}$ перешла на якорь на Гангутскій рейдъ.

За это время, русскія эскадры имѣли полную возможность, согласно плану войны, соединиться въ Свеаборгѣ и даже выйти навстрѣчу англійскому флоту, но Свеаборгская стояла на рейдѣ, не высылая даже своихъ пароходо-фрегатовъ на развѣдку, а Кронштадтская тоже не проявляла ни малѣйшаго намѣренія выйти и хотя высылала въ море крейсера, но съ ограниченіемъ района развѣдки не далѣе Сескара (40 м. отъ Кронштадта).

Руководства операціями русскаго флота со стороны главнаго командованія, даже по утвержденному Генералъ-Адмираломъ плану военныхъ дѣйствій, никакого не было.

На Гангутскомъ рейдѣ, поджидая подхода союзнаго французскаго флота, эскадра Нэпира простояла еще 2 недѣли, производя все время развѣдки и промѣры у Боморзунда, Свеаборга и шхеръ.

Въ это же время былъ отправленъ въ Ботническій заливъ отрядъ пароходо-фрегатовъ адмирала Плумриджа, обезсмертившаго себя разгромомъ,

уничтоженіемъ поселковъ и имущества мирныхъ жителей,—настолько возстановившаго и озлобившаго противъ союзнаго флота финновъ, что они всюду стали образовывать ополченія, оказывать содѣйствіе русскимъ войскамъ и, наконецъ, въ Гамле-Карлебю достойнымъ образомъ отомстили, отбивъ съ большимъ урономъ десантъ огнемъ 2-хъ орудійной батареи и 2-хъ ротъ стрѣлковъ при дѣятельномъ участіи горожанъ.

$\frac{\text{21 мая}}{\text{2 іюня}}$ эскадра Нэпира перешла къ Паркалауду, а еще черезъ 10 дней (1/13 іюня) соединилась съ подошедшимъ французскимъ флотомъ, подъ командой адмирала Парсеваля. За время этой десятидневной стоянки у Паркалауда адмиралъ энергично изучалъ фарватеры къ Свеаборгу, ограждалъ ихъ, дѣлалъ промѣры и изучалъ состояніе крѣпости, а $\frac{\text{31 мая}}{\text{12 іюня}}$ приблизился даже лично со всѣмъ флотомъ къ Свеаборгу и въ результатѣ своихъ изслѣдованій отправилъ въ Лондонъ донесеніе, что считаетъ Свеаборгъ равнымъ по силѣ укрѣпленій Гибралтару и что для взятія его необходимо присоединить къ эскадрѣ флотилію канонерскихъ и мортирныхъ лодокъ и значительный десантный корпусъ.

Послѣ соединенія союзныхъ эскадръ распредѣленіе морскихъ силъ воюющихъ сторонъ на Балтійскомъ театрѣ войны было слѣдующее:

	Союзники.			Россія.			
	Англія.	Франція.	Всего.	Кронштадтъ	Свеаборгъ.	Шхерныхъ	Всего.
Винт. лин. кор.	13	1	14	—	—	—	—
Парусн. » »	6	8	14	17	8	—	25
Лин. кор. Всего	19	9	28	17	8	—	25
Пароходовъ и пароходо-фрегат.	26	5	31	20	3	24	47
Парусныхъ фрегатовъ	—	6	6	6	1	—	7

Французская эскадра, почти исключительно парусная, вышла изъ Бреста 8/20 апрѣля, но, задержанная противными вѣтрами, только черезъ мѣсяцъ дошла до Киля, въ то время, когда англійская эскадра адм. Нэпира вторично пришла на Гангеуддскій рейдъ. Простоявъ въ Килѣ въ ожиданіи благопріятной погоды 10 дней, эскадра адм. Парсеваля въ ночь на $\frac{\text{31 мая}}{\text{12 іюня}}$ вошла въ Финскій заливъ и на другой день, днемъ, встрѣтилась въ морѣ съ англійской эскадрой, послѣ чего весь союзный флотъ сталъ на Паркалаутскомъ рейдѣ. Первые дни послѣ соединенія, начальниками эскадръ обсуждался дальнѣйшій планъ военныхъ дѣйствій, при чемъ, въ виду полной самостоятельности обоихъ адмираловъ, между ними сейчасъ же начались разногласія. Адм. Нэпиръ, посвятивъ французскаго адмирала въ добытыя свѣдѣнія о состояніи русскаго флота, крѣпостей Свеаборга, Кронштадта, Бомарзунда, высказалъ свой взглядъ о невозможности атаки, съ имѣвшимися силами, первыхъ двухъ крѣпостей и предлагалъ немедля приступить къ взятію Бомарзунда, но фран-

цузскій адмиралъ настаивалъ на новой рекогносцировкѣ всѣмъ флотомъ Кронштадтскихъ укрѣпленій въ цѣляхъ созданія благопріятнаго впечатлѣнія въ Европѣ, владычествомъ на морѣ союзныхъ флотовъ.

10/22 іюня адмиралы во главѣ отряда изъ 14 лин. кораблей и 11 пароходовъ отправились къ Кронштадту, оставивъ остальной флотъ подъ начальствомъ адм. Корри наблюдать за Свеаборгомъ. 12/24 іюня телеграфъ сѣвернаго берега увѣдомилъ Кронштадтъ, что непріятельскій флотъ идетъ къ OST—у, но только 14/26 іюня союзная эскадра стала на якорь на меридіанѣ Красной горки. Въ Кронштадтѣ всѣ укрѣпленія, форты и флотъ адмирала Рикорда приготовились къ бою. Въ 11 часу прибылъ на флотъ Генералъ-Адмиралъ, приказавъ пароходамъ развести пары, но послѣ постановки непріятельскаго флота на якорь пароходамъ разрѣшено было прекратить пары.

Шесть дней простоялъ союзный флотъ въ виду Кронштадта, ограничиваясь промѣрами и обвѣхованіемъ фарватера, не приближаясь однако на дальность выстрѣловъ укрѣпленій, но и русскій флотъ не проявилъ ни малѣйшей инициативы, несмотря на превосходство въ силѣ по числу судовъ. $\frac{\text{20 іюня}}{\text{2 іюля}}$ союзная эскадра утромъ снялась съ якоря въ море — адмиралы рѣшили, что атака Кронштадта возможна лишь при наличіи пловучихъ батарей и мортирныхъ лодокъ.

Вернувшись на Паркалаудскій рейдъ, союзники принялись за организацію и дѣятельную подготовку операцій въ Алландскихъ шхерахъ для немедленнаго взятія Бомарзунда, т. к. союзныя правительства стали энергично настаивать передъ адмиралами о необходимости рѣшительныхъ шаговъ въ надеждѣ, какъ указывалось выше, передачей Алланда Швеціи вовлечь ее въ союзъ противъ Россіи.

Въ виду этого 9/21 іюля союзный флотъ перешелъ къ Алландскимъ шхерамъ со стороны Ледзунда, отрѣзавъ совершенно крейсерскими отрядами Бомарзундъ отъ связи съ материкомъ и лишивъ возможности отправки ему какого-либо подкрѣпленія.

Въ это же время, вначалѣ къ Ледзунду подошелъ еще одинъ англійскій отрядъ коммодора Госса, привезшій 12.000-десантный корпусъ французскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Барагэ d'Илье, третьяго самостоятельнаго начальника въ союзной военной силѣ.

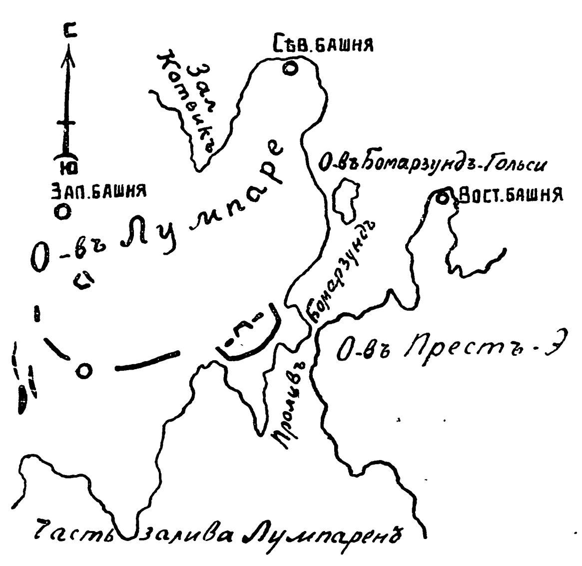
Съ уходомъ большей части союзнаго флота къ Алланду, для блокады Свеаборга и наблюденія за русскимъ флотомъ въ Кронштадтѣ оставленъ былъ въ Паркалаудѣ отрядъ коммодора Мартина въ составѣ 5 винтовыхъ и 4 парусныхъ линейныхъ кораблей, численность коего (противъ 25 линейныхъ русскихъ судовъ) показываетъ насколько прониклись, убѣдились пассивностью русскаго флота союзные адмиралы. Но и эта ихъ смѣлая увѣренность блестяще оправдалась, т. к. русскій флотъ не смѣлъ выйти въ море такъ далеко. 9/21 іюля, адмиралъ Рикордъ, съ разрѣшенія Генералъ-Адмирала, получивъ телеграфное сообщеніе, что весь флотъ непріятеля ушелъ къ западу (къ Алланду) рискнулъ выслать въ море отрядъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Замыцкаго, изъ 6 кораблей и 6 пароходо-фрегатовъ для практики, но съ предписаніемъ только «не удаляться отъ Кронштадта». Отрядъ этотъ, дойдя до

Красной Горки, сталъ на якорь, но къ вечеру по приказанію Великаго Князя былъ возвращенъ обратно.

Свеаборгская же эскадра не рѣшилась и на такой выходъ въ море.

Тѣмъ временемъ союзники окончательно обложили Бомарзундъ и, окончивъ всѣ подготовленія, $\frac{26 \text{ іюля}}{7 \text{ августа}}$ начали высаживать десантъ на берегъ, доведенный до 14 тысячъ человѣкъ съ судовыми командами. Противъ нихъ Бомарзундъ могъ выставить лишь 1.600 человѣкъ гарнизона всѣхъ укрѣпленій, подъ командой коменданта генералъ-маіора Бодиско, при 112 орудіяхъ. $\frac{29 \text{ іюля}}{10 \text{ августа}}$ союзники окончили выгрузку осадныхъ орудій, приступивъ послѣ сего немедленно съ суши и моря къ бомбардировкѣ всѣхъ укрѣпленій, казармъ и башенъ.

Послѣ четырехдневной упорной обороны, каждаго пункта защитники должны были постепенно, за полной невозможностью держаться въ разрушавшихся непріятельской артиллеріей укрѣпленіяхъ, сдать одинъ фортъ за другимъ, и, наконецъ, 4/16 августа сдать главную оборонительную казарму, несмотря на малое количество потерь въ людяхъ (53 убитыхъ и 36 раненыхъ), такъ какъ уже нехватало огнестрѣльныхъ припасовъ.

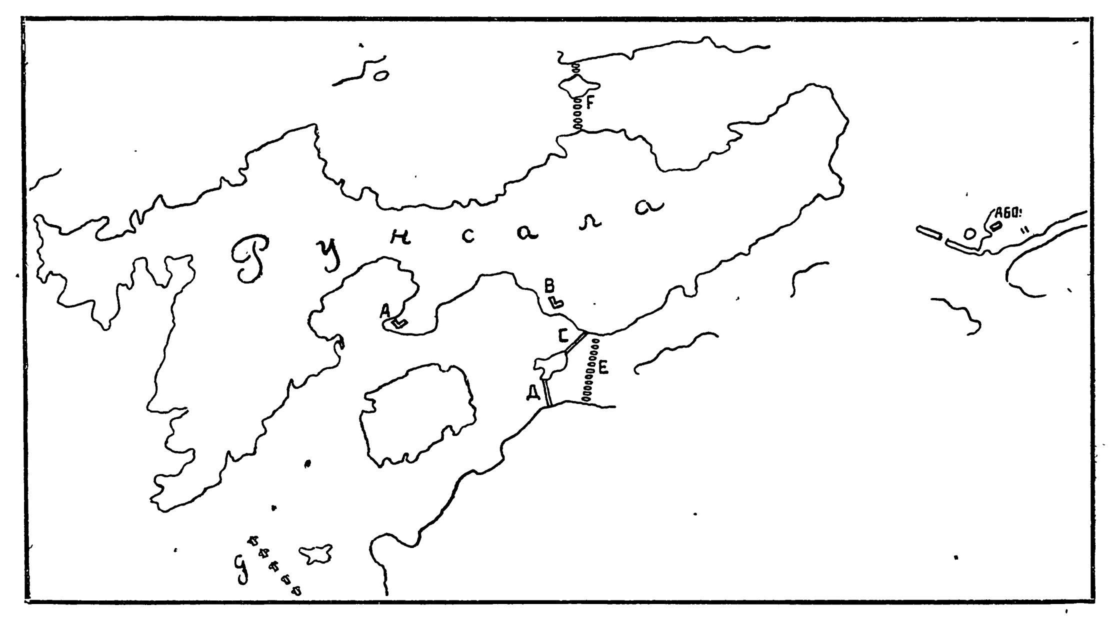

Планъ Бомарзунда.

По окончаніи Бомарзундской операціи, союзные начальники вновь произвели рекогносцировку Ревеля, Свеаборга, Гангэ, и опять уже совмѣстно съ генераломъ Барагэ d'Илье согласились въ невозможности операціи противъ Свеаборга. Въ виду этого, намѣренія ихъ были обращены на Гангэ, но по приказанію Государя старые, не могшіе сопротивляться форты были взорваны гарнизономъ ихъ 15/27 августа на глазахъ союзниковъ, тогда адмиралы назначили экспедицію къ Або, но генералъ Барагэ d'Илье отказался и отъ нея и здѣсь дѣло ограничилось лишь безрезультатной попыткой развѣдочнаго отряда изъ 5 пароходо-фрегатовъ, отраженнаго огнемъ 2-ой (W-вой) бригадой гребныхъ канонерскихъ лодокъ, подъ командой начальника штаба шхерной флотиліи контръ-адмирала Глазенапа.

Бомарзундскія укрѣпленія, послѣ окончательнаго отказа шведскаго короля Оскара, принять Алландъ и занять его своими войсками, были взорваны по приказанію ген. Барагэ d'Илье. Вслѣдъ за тѣмъ, въ виду того, что въ десантномъ корпусѣ начала свирѣпствовать холера, въ послѣднихъ числахъ августа, онъ былъ отправленъ обратно во Францію, а адмиралы, въ виду наступленія осеннихъ погодъ, рѣшили ограничиться блокадной службой и понемногу стали

отправлять суда къ своимъ портамъ. Дальнѣйшія настоятельныя требованія правительства Англіи, въ угоду общественному мнѣнію, атаковать Свеаборгъ заставили адм. Нэпира 9/21 сент. еще разъ лично отправиться къ Свеаборгу для рекогносцировки и, послѣ трижды собраннаго совѣта, наотрѣзъ отказаться отъ исполненія приказанія. Послѣ сего англійскій флотъ пробылъ еще въ Балтійскомъ морѣ до 7/19 окт., когда Нэпиръ съ главными силами отправился въ Киль, оставивъ для прекращенія торговли крейсерскій отрядъ кап. Уатсона изъ 12 пароходовъ и пароходо-фрегатовъ въ Балтійскомъ морѣ до послѣднихъ чиселъ ноября. Къ декабрю всѣ суда союзнаго флота разошлись по своимъ портамъ и адм. Нэпиръ, не оправдавшій возлагавшихся на него надеждъ, былъ на слѣдующій годъ отставленъ отъ командованія во вновь формируемой Балтійской эскадрѣ. Между тѣмъ послѣ паденія Бомарзунда, когда непріятельскій

Планъ входовъ къ г. Або, съ обозначеніемъ батарей, существовавшихъ на островѣ Рунсала во время дѣла 10 августа 1854 г.,—свайныхъ забоекъ, въ проходахъ устроенныхъ, и расположенія нашихъ двухъ баталіоновъ канонерскихъ лодокъ и пяти непріятельскихъ пароходовъ.

A. Батарея о 3-хъ орудіяхъ съ 5-ю амбразурными. Кап.-лейт. Фрейгангъ.
B. „ „ „ „ „ „ „ Лейт. Волгринскій.
C и D. Свайныя забойки поперекъ фарватера.
E. 2-й баталіонъ лодокъ W-й бригады. Кап.-лейт. Апрыганьевъ.
F. 1-й „ „ „ „ Кап.-лейт. фонъ-деръ-Реккъ.
G. Непріятельскія суда.

флотъ уже сталъ отходить къ своимъ портамъ, адм. Рикордъ рѣшилъ проявить энергію, и $\frac{21\text{ авг.}}{2\text{ сент.}}$ вышелъ самъ съ флотомъ изъ 6 кораблей и 6 пароходо-фрегатовъ въ море, но дальше Красной горки не пошелъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности для наблюденія за непріятелемъ. Въ ночь на $\frac{24\text{ августа}}{5\text{ сентября}}$, въ морѣ столь засвѣжѣло, что флотъ Рикорда еле отстоял-

ся на якоряхъ и $\frac{26 \text{ авг.}}{7 \text{ сент.}}$ съ большими поврежденіями вернулся въ Кронштадтъ. Послѣднимъ самымъ грознымъ крейсерствомъ была отправка въ море 14/26 окт. отряда изъ 10 пароходо-фрегатовъ послѣ полученія извѣстія въ Кронштадтѣ объ уходѣ главныхъ силъ непріятеля къ своимъ портамъ, «для очистки Финскаго залива и Русской части Балтійскаго моря отъ крейсеровъ противника». Дойдя до Дагерорда и не встрѣтивъ ни одного непріятельскаго судна, отрядъ пароходо-фрегатовъ вернулся въ Кронштадтъ, со всѣми судами соединенныхъ дивизій втянулся въ гавань и $\frac{26 \text{ окт.}}{8 \text{ нояб.}}$ окончилъ кампанію.

в. Военныя дѣйствія въ Балтійскомъ морѣ въ 1855 году.

Зима 1854—55 г.г., по окончаніи кампаніи на Балтійскомъ морѣ, была энергично использована нами для дальнѣйшихъ усиленій укрѣпленій Кронштадта и Свеаборга. Лишнія укрѣпленія, не представлявшія надежной защиты, какъ Роченсальмъ, были упразднены, съ передачей орудій его въ Свеаборгъ; вмѣсто гребной канонерской флотиліи къ концу 1854 года было построено 30 паровыхъ канонерскихъ лодокъ, для обороны шхеръ и Кронштадта. Послѣ истекшей кампаніи и полной пассивности флота, плана военныхъ дѣйствій на морѣ на 1855 г. не разрабатывалось, за исключеніемъ перевода 3 пароходо-фрегатовъ изъ Свеаборга въ Кронштадтъ, дислокація флота не была измѣнена. Флоту, при появленіи союзнаго исключительно парового флота, въ эту кампанію тѣмъ болѣе предстояла исключительно пассивно-оборонительная роль.

Союзники въ организаціи кампаніи, напротивъ, внесли большія измѣненія. Оба прежнихъ адмирала были замѣнены новыми—англійскимъ адмираломъ Дундасомъ и французскимъ адмираломъ Пено, въ виду недовольства правительствъ нерѣшительностью дѣйствій прежнихъ флагмановъ. Въ самомъ составѣ эскадры были внесены большія измѣненія. Ни одинъ парусный линейный корабль въ кампанію 1855 г. въ Балтійское море взятъ не былъ.

Эскадра была составлена исключительно изъ винтовыхъ кораблей и пароходо-фрегатовъ съ придачею къ нимъ 38 паровыхъ канонерскихъ и мортирныхъ лодокъ. $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апр.}}$ адм. Дундасъ съ большей частью своей эскадры вышелъ изъ Портсмута и $\frac{28 \text{ апр.}}{10 \text{ мая}}$ всталъ на якорь у о-ва Наргена, занятаго для устройства временной операціонной базы флота. Черезъ 2 недѣли, въ серединѣ мая, адм. Дундасъ перешелъ къ Красной горкѣ, для рекогносцировки Кронштадта, гдѣ черезъ нѣсколько дней 19/31 мая къ нему присоединился французскій отрядъ адм. Пено.

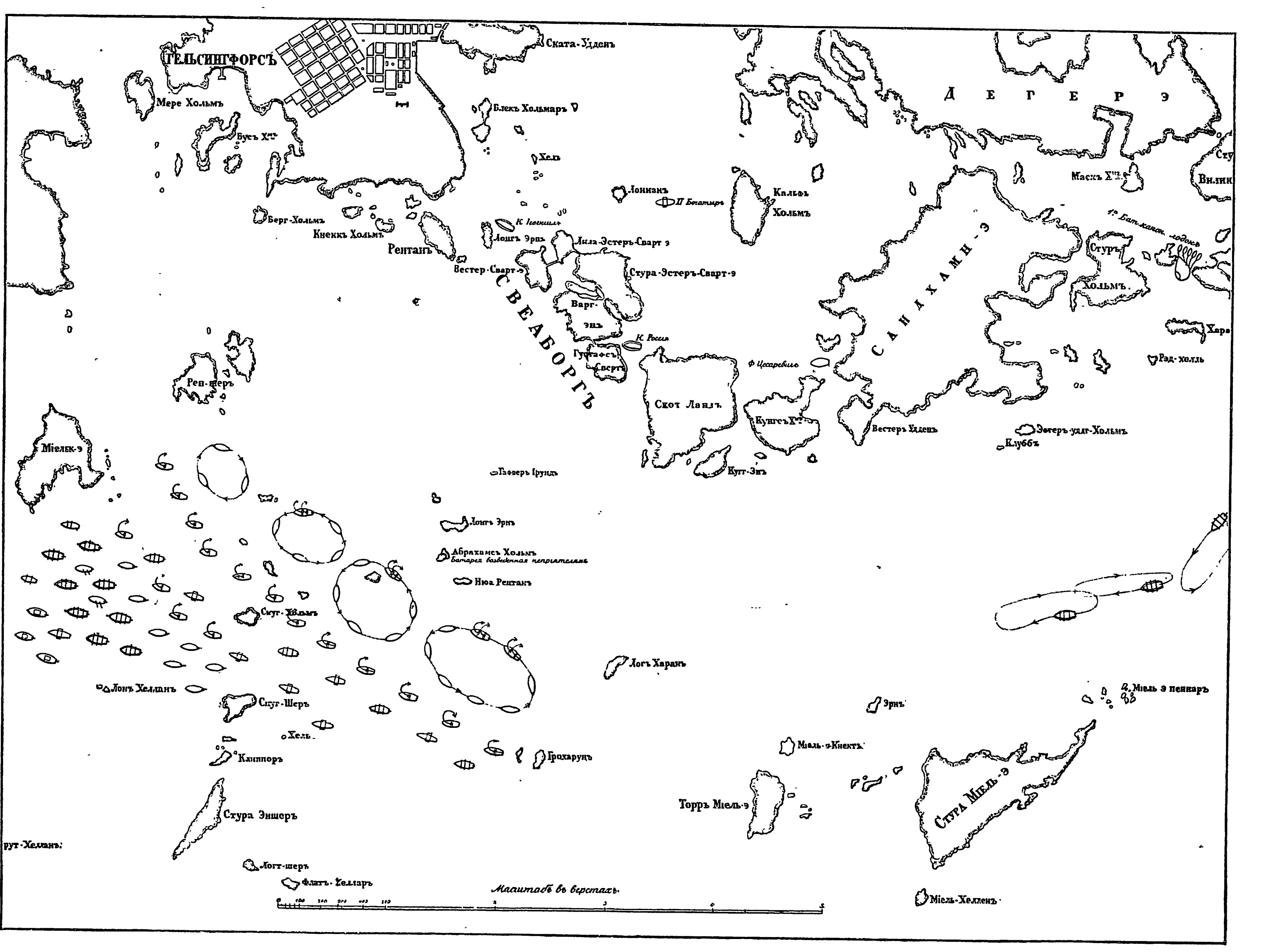
Къ этому времени союзники имѣли въ Балтійскомъ морѣ:

	Лин. кор.	Парох. и парох.-фрег.
Англія	17	30
Франція . . .	3	2
Всего . .	20	32

Рекогносцировка Кронштадта убѣдила и новыхъ союзныхъ адмираловъ въ невозможности боя съ крѣпостью, а потому и было рѣшено до подхода мортирныхъ и канонерскихъ лодокъ, необходимыхъ для атаки Свеаборга, держаться главными силами у Кронштадта, отправляя пароходы и пароходофрегаты въ крейсерскія операціи.

Впрочемъ, въ виду отсутствія объекта военныхъ дѣйствій на морѣ (военнаго и коммерческаго флота противника), операціи эти заключались въ набѣгахъ по всему побережью, уничтоженіи продовольственныхъ запасовъ, каботажныхъ и рыбачьихъ лодокъ, имущества мирныхъ жителей и захватываніи ихъ въ плѣнъ, въ перестрѣлкахъ съ разъѣздами и пикетами, разореніе прибрежныхъ пунктовъ, маяковъ, лѣсопильныхъ заводовъ, вообще въ дѣятельности, столь прославившей на весь свѣтъ «просвѣщенныхъ мореплавателей». Такимъ образомъ подверглись нападеніямъ послѣдовательно Транзундъ, Бьорке, Котка, Лавиза, Экнесъ, Ганге, Бьернеборгъ, Гамле-Карлебю, Лужская губа, Нарва, Перновъ, Аренсбургъ, Доменескій маякъ, устье Зап. Двины, Либава и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктахъ непріятельскія крейсера встрѣтили энергичный отпоръ отрядовъ нашихъ канонерскихъ лодокъ, береговыхъ батарей, стрѣлковыхъ частей и были съ большимъ урономъ отбиты, какъ, напр., въ Транзундѣ, Ганге, Ригѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ прибытіемъ изъ Англіи канонерскихъ и гребныхъ лодокъ, главныя силы союзнаго флова отошли отъ Кронштадта, оставивъ около него лишь наблюдательный отрядъ около Сескара, подъ командой адм. Беинса. Вторичная рекогносцировка Свеаборга обоими адмиралами—Пено и Дундасомъ убѣдила ихъ также въ затруднительности предпріятія на Свеаборгъ, на атаку котораго они рискнули безъ всякой надежды на успѣхъ, только въ виду энергичныхъ приказаній изъ Лондона и Парижа. Весь іюль производился промѣръ и обвѣхованіе опасностей и подводныхъ камней около крѣпости и только $\frac{25 \text{ іюля}}{6 \text{ августа}}$ союзный флотъ сталъ на якорь въ виду Свеаборга, готовясь къ предстоящей бомбардировкѣ, возводя мортирную батарею на островѣ Абрагамсъ-холмѣ.

Укрѣпленія Свеаборга къ этому времени были уже значительно усилены въ сравненіи съ прошлымъ годомъ. За это время было выстроено на о-вѣ Сантъ-Гамѣ 2 батареи по 12 орудій; за Брунсъ-паркомъ у Ребергенъ для обороны Гельсингфорса съ западной стороны было построено 6 батарей, на коихъ установлено 30 орудій. Въ разныхъ другихъ пунктахъ Свеаборгской оборонительной линіи по указанію командующаго войсками въ Финляндіи ген.-адъют. гр. Берга, было построено 6 батарей по 8, 12 и 16 орудій. Въ проходахъ были поставлены корабли 120-пушечн.—«Россія» (Густавъ Свердскій), 70-пуш. «Изнкіиль», фрегатъ—«Цесаревичъ». Въ другихъ проливахъ, кои рѣшено было заградить, были потоплены блокшивы, 11 лодокъ; изъ Роченсальма переведена бригада канонерскихъ лодокъ. Наконецъ, вокругъ Свеаборга были поставлены минныя загражденія—44 гальваническихъ и 950 нобелевскихъ минъ. Комендантомъ крѣпости состоялъ инженеръ, генералъ-лейт. Сорокинъ, о распорядительности и хладнокровіи котораго всѣ современники его отзывались съ похвалой. Въ теченіе 2-хъ сутокъ бомбардированія онъ, какъ воинъ, рѣшившійся

Планъ гор. Гельсингфорса и крѣпости Свеаборга.

умереть на посту, почти не сходилъ съ своего мѣста, отдавая нужныя приказанія. Утромъ $\frac{\text{28 іюля}}{\text{9 августа}}$ началась бомбардировка крѣпости съ 77 судовъ разныхъ ранговъ, продолжавшаяся непрерывно 45 часовъ, прекратившаяся только за израсходованіемъ всего запаса снарядовъ у союзниковъ для мортирныхъ и канонерскихъ лодокъ. Пользуясь дальнобойностью своей артиллеріи, союзники вели, однако, бомбардировку съ такого разстоянія, съ котораго она не могла быть дѣйствительной и рѣшительной.

Также не рѣшились они на форсированіе проходовъ и, окончивъ $\frac{\text{30 іюля}}{\text{11 августа}}$ бомбардировку, прекратили бой. 1/13 авг. союзный флотъ снялся съ якоря и отошелъ къ Наргену, отославъ сейчасъ же за ненадобностью въ Англію мортирныя и канонерскія лодки. Послѣ этого союзный флотъ еще до первыхъ чиселъ ноября оставался въ Балтійскихъ водахъ, продолжая прежніе набѣги на берега и безцѣльное разореніе прибрежныхъ пунктовъ. На этомъ и закончились операціи на морѣ 1855 года.

Союзники опять ушли къ своимъ портамъ, не добившись никакого результата, а русскій флотъ попрежнему простоялъ все лѣто безвыходно на Кронштадскомъ и Свеаборгскомъ рейдахъ, закончивъ кампанію даже раньше ухода непріятельскаго флота изъ Балтійскаго моря.

3. Военныя дѣйствія въ Тихомъ океанѣ.

Амурскій вопросъ. Адмиралъ Невельской. Петропавловскій бой.

Постоянныя кругосвѣтныя плаванія судовъ военнаго флота и Россійско-Американской компаніи, безпрерывно продолжавшейся въ царствованіе Императора Александра I, съ вступленіемъ Императора Николая Павловича на престолъ не носили уже того регулярнаго характера, но все же сношенія наши съ отдаленной американской колоніей и въ эту эпоху не прерывались и время отъ времени изъ Кронштадта отправлялись небольшіе транспорты для перевозки грузовъ на Камчатку. Но главнѣйшимъ вопросомъ относительно этой далекой окраины былъ Амурскій вопросъ, поднятый въ 1844 г. по личной инціативѣ Императора Николая I. Въ слѣдующемъ году, по Высочайшему повелѣнію былъ отправленъ небольшой бригъ Россійско-Американской компаніи «Константинъ», подъ командой поручика корпуса флотскихъ штурмановъ Гаврилова къ устью Амура, для выясненія вопроса доступности рѣки съ моря и ея судоходности. Неуспѣхъ этой экспедиціи побудилъ Государя, съ горечью, отказаться отъ попытокъ пріобрѣтенія Амура, что и было выражено резолюціей Государя на докладѣ объ экспедиціи Гаврилова: «Весьма жалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ безполезной—оставить».

Но вопросу этому не суждено было теперь умереть. Горячимъ защитникомъ и проповѣдникомъ идеи судоходности Амура и доступности его съ моря, явился молодой капитанъ-лейтенантъ Г. И. Невельской, основывавшій свое мнѣніе на основательнѣйшемъ изученіи всѣхъ экспедицій и историческаго матеріала о рѣкѣ Амуръ. Отправляясь 1849 г. командиромъ транспорта «Байкалъ» для перевозки грузовъ въ только-что основанный на Камчаткѣ

портъ Петропавловскъ (вмѣсто упраздненнаго Охотскаго порта), кап.-лейт. Невельской испросилъ разрѣшеніе изслѣдовать по приходѣ въ Тихій океанъ устья Амура. Въ результатѣ его работъ оказалось: 1) что Сахалинъ, который всѣ до того времени считали полуостровомъ, закрывавшимъ со стороны Камчатки сообщеніе съ Амуромъ, есть островъ, отдѣленный отъ материка судоходнымъ проливомъ; 2) что Амурскій лиманъ имѣетъ 2 доступныхъ входа со стороны моря—изъ Татарскаго пролива и Японскаго моря. При широкомъ содѣйствіи и покровительствѣ ген.-губернатора Восточной Сибири Муравьева, впослѣдствіи графа Амурскаго, и полномъ сочувствіи и одобреніи Николая Павловича дѣятельности Невельского на Амурѣ, онъ не ограничился изслѣдованіемъ только рѣки, а изучилъ дипломатическіе документы по сношенію съ Китаемъ со времени Нерчинского договора, изучилъ бытъ всѣхъ племенъ, живущихъ по Амуру, убѣдившись при этомъ, что они не платятъ дани Китаю, и энергично поднялъ вопросъ о присоединеніи всего Амурскаго края къ Россіи. Въ виду этого для переговоровъ съ Китаемъ въ 1851 г. былъ отправленъ на фрегатѣ «Палладѣ» чрезвычайный посолъ—вице-адм. Путятинъ, а въ слѣдующихъ 1852—1853 гг. для усиленія морскихъ силъ нашихъ въ Тихомъ океанѣ были отправлены фрегаты «Діана» и «Аврора». Въ серединѣ августа 1853 г. фрегатъ «Аврора» подъ командой кап. 2 р. Изыльметьева, при ожидавшемся съ минуты на минуту разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Англіей и Франціей, вышелъ въ Тихій океанъ.

Ясно понимая всю важность заблаговременно, до начала военныхъ дѣйствій, достичь нашего побережья и, главное, Петропавловска, гдѣ приходъ лишняго корабля значилъ слишкомъ много для обороны, Изыльметьевъ совершилъ небывалый въ исторіи переходъ вокругъ мыса Горна, пересѣкши по діагонали Тихій океанъ, упреждая все время нагонявшее его извѣстіе о разрывѣ съ Англіей, и 19 іюня пришелъ въ Петропавловскъ. Послѣдній переходъ въ 9000 миль, совершенный имъ въ 66 дней безъ захода въ порта, тяжело достался командѣ фрегата. По прибытіи въ портъ на немъ не было почти ни одного здороваго человѣка. Черезъ мѣсяцъ — 17 іюля въ Петропавловскѣ было получено извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій съ Англіей и Франціей. Дѣятельно началъ готовиться маленькій гарнизонъ къ достойной встрѣчѣ врага.

18-го августа 1854 г. въ Авачинскую губу вошла непріятельская эскадра. Въ ея составъ входили слѣдующія суда: 3-мачтовый англійскій пароходъ «Вирого»; 18-пуш. франц. бригъ «Облигадо»; адмиральскій англійскій 52-пуш. фрегатъ «Президентъ»; 44-пуш. англійскій фрегатъ «Пикъ»; 60-пуш. франц. адм. фрегатъ «La Forte» и 32-пуш. франц. фрегатъ «Евридика».

Противъ этой эскадры Петропавловскъ могъ выставить лишь одинъ фрегатъ «Аврора», 12-пуш. транспортъ «Двина», да на берегу для защиты порта было устроено 6 батарей, для вооруженія которыхъ пришлось снять орудія съ противоположнаго борта судовъ. Гарнизонъ Петропавловска, подъ начальствомъ ген.-маіора Завойко, состоялъ изъ 5-ти штабъ-офицеровъ, 37-ми оберъ-офицеровъ и до 900 чел. нижн. чиновъ.

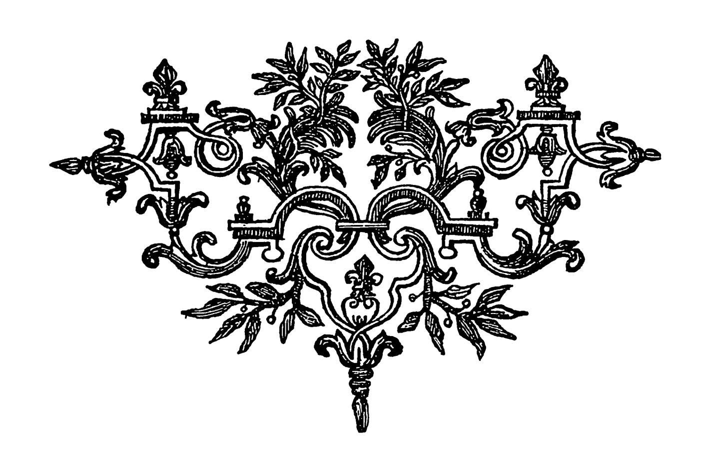
Послѣ 2-дневной рекогносцировки и приготовленія къ бою, непріятель 20-го августа началъ громить наши батареи, принудивъ 2 изъ нихъ,

№ 1 и № 4 умолкнуть. Но всѣ попытки непріятеля высадить десантъ на берегъ были отражены, и непріятельскій флотъ принужденъ былъ удалиться изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ батарей. Черезъ 4 дня, 24-го августа, соединенная эскадра вновь возобновила свои дѣйствія, избивъ батареи № 3 и № 7, въ 2-хъ ботахъ и 23-хъ шлюпкахъ высадила десантъ. Но дружной атакой въ штыки стрѣлковыхъ отрядовъ гарнизона онъ былъ сброшенъ обратно въ море и съ большимъ урономъ отступилъ къ своимъ гребнымъ судамъ.

Вслѣдъ за этимъ союзная эскадра вновь принуждена была отступить, уйдя со стыдомъ изъ Авачинской губы. Англійскій адмиралъ не перенесъ этого позора и на флагманскомъ своемъ фрегатѣ застрѣлился. Потери наши въ этихъ 2-дневныхъ бояхъ были: 37 н. ч. убитыхъ; раненыхъ — 3 оберъ-офицера и 75 н. ч. Потеря непріятеля въ обоихъ бояхъ простиралась до 350-ти чел., въ томъ числѣ 4 офицеровъ убитыхъ.

Въ послѣднемъ бою русскими взято было англійское знамя, 7 сабель офицерскихъ, 56 ружей.

Получивъ донесеніе объ этомъ славномъ дѣлѣ, Государь Императоръ пожаловалъ щедрыя награды защитникамъ Петропавловска.

Контръ-адмиралъ Г. И. Невельской.

(Съ портрета въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго).

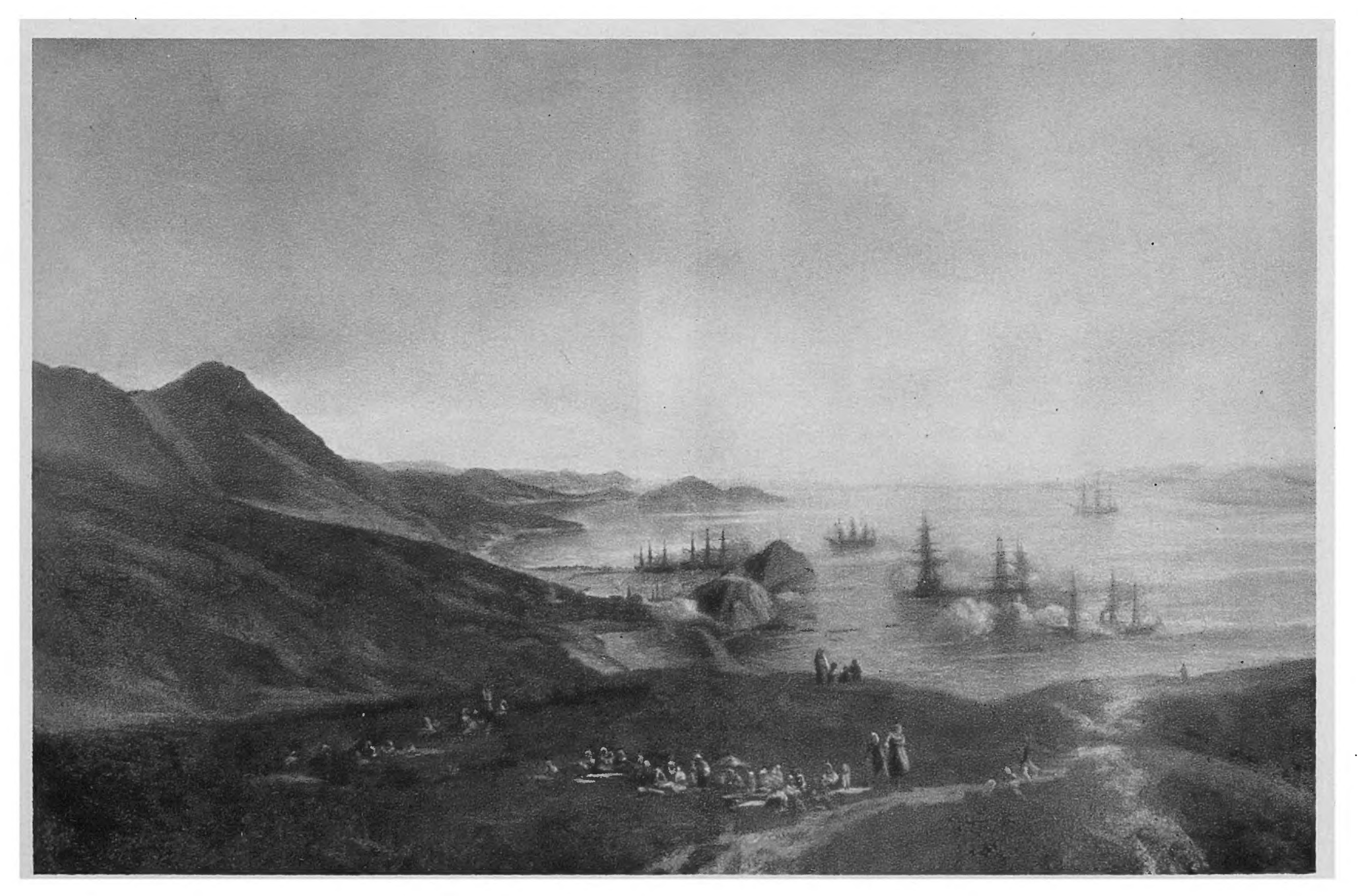
къ стр. 168.

Контръ-адмиралъ Завойко. Командиръ Петропавловскаго порта.

(Съ портрета въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великагс).

къ стр. 169

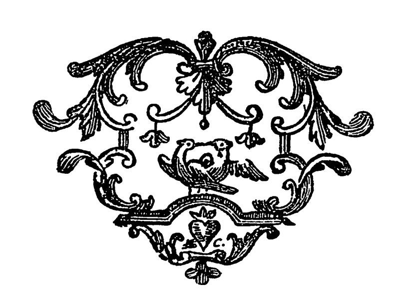
Петропавловское сраженіе 24-го августа 1854 года.

(Съ картины въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго).

къ стр. 170.

Оглавленіе десятаго выпуска.

Восточная война 1853—56 гг.

Списокъ иллюстрацій, помѣщенныхъ въ десятомъ выпускѣ.

Кромѣ того помѣщено плановъ и схемъ—17.
